СИБИРЬ

1 91

Возвращение России.

Беседа Валентина РАСПУТИНА и Анатолия БАЙБОРОДИНА

Анатолий СИРИН.

Вознесенский монастырь

Ѻбразъ свят.
Иннокентіа.
Еписк. Иркутскагѡ
Чудотворца.

Сибирь 1'91

Журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель: Союз писателей РСФСР

Выходит 6 раз в год

Основан в 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ

На второй странице обложки образ Святителя Иннокентия

ISSN 0132-6740

ПУБЛИЦИСТИКА
ОЧЕРК

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ

Беседа Анатолия Байбородина с Валентином Григорьевичем Распутиным

А. Байбородин. Мне бы хотелось, чтобы из нашего разговора вышло не репортерское интервью и не диалог критика и писателя, а равноправная беседа представителей двух литературных поколений. Хотя границы их, конечно, размыты в общем литературном процессе, но тем не менее я представляю худо-бедно то писательское поколение, которое идет за вашим след в след. Говорить о заслугах двух литературных поколений пока не хочется — рановато, не в пользу моих сверстников писателей будет сравнение; а хотелось бы сказать вначале вот о чем: ваше поколение писателей — и особо те, кого величали «деревенщиками» — по духу и слову было все-таки ближе к матушке-земле, к природе, к родовым корням и самому крестьянскому миру. Мои сверстники, тем, кому сорок и под сорок, уже откачнулись от земли душой, растеряли родовые связи, во многом утратили и само народное миропонимание, закрутившись в мутных уловах современной городской жизни. Хотя, конечно, и про всех этого не скажешь, всех под одну гребенку не причешешь, и тем не менее...

На мой взгляд, народные писатели-прозаики, скажем, астафьевского поколения и вашего — это, суть, крестьянские писатели. И это как знамение, что в самую лихую пору для русской деревни, пережившей раскулачивание и раскрестьянивание, писателями стали сами крестьянские сыны. Если в прошлом веке литература была в основном дворянской, а на рубеже веков — разночинной, интеллигентской (она принесла много нравственной путаницы и порухи), то со второй половины нынешнего столетия круто окрестьянилась. «Деревенскую» прозу можно сравнить лишь с крестьянской поэзией начала нынешнего века (Есенин, Клюев, Клычков, Орешин, Ганин, Карпов, Ширяевец). Видимо, вещее слово деревенских прозаиков было не случайным; оно, и это народное слово зазвучало там, где народу было тяжелее, скорбнее, но где все же светило

еще духовное и национальное спасение России. Писательское слово, бессознательно пытаясь хоть как-то, хоть в малой мере восполнить недостающее слово христианских пастырей, явилось среди самых униженных и оскорбленных, среди самых угнетенных, какими были русские крестьяне, — явилось, чтобы посильно утешить, ободрить, напомнить крестьянству о той духовной крепости и чистоте, какие жили в нем многие столетия.

Словом, ваше писательское поколение знало и любило крестьянский мир, а посему и хотелось бы начать наш разговор с земли, ибо для русского человека в недалекие времена не было ничего серьезнее вопроса о земле. Недавно прочитал основательную мысль Достоевского, сказанную им в «Дневнике писателя»: «Русский человек с самого начала и никогда не мог и представить себя без земли... Уж когда свободы без земли не хотел принять, значит, земля у него прежде всего, земля — все, а уж из земли у него и все остальное, то есть свобода и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь — одним словом все, что есть драгоценного».

Русский народ в начале нынешнего века революционная власть изуверски обманула с землей, потом огнем и мечом сгубила цвет крестьянства (я имею в виду кулаков), потом еще и раскрестьянивала несколько десятилетий (сознательно или бессознательно?..), но вот теперь, благодаря многолетней борьбе лучших сынов крестьянского мира, благодаря тому же Василию Белову, писателю и депутату, члену Верховного Совета СССР, вышел наконец-таки Закон о земле. И вот в связи с этим Законом я гадаю: будет ли это началом духовного и хозяйственного возрождения русского крестьянства, а значит, и национального возрождения России?

В. Распутин. Ты сказал здесь цитату из Достоевского, которую можно продолжить его же мыслью и тоже о земле. Она звучит так: «Это уже какой-то закон природы, не только в России, но и во всем свете... если в стране владение землей серьезное, то и все в этой стране будет серьезным, во всех то есть отношениях, и в самом общем и в частностях».

Воистину это основа, альфа и омега любого общества, любого государства. На земле, на отношении к земле стоит все — и материальное благополучие, и духовное, и нравственное, и настроение народа. И когда, как у нас, человек десятилетиями отлучается от земли и даже наказывался за хозяйское отношение к земле, эта противоестественность, эта несправедливость не могли сказаться только на крестьянине — это перешло на все общество, на всю систему экономических и межчеловеческих отношений. Остался безземель-

ным крестьянин — осталась без хозяина земля — осталось бездомным общество. А хуже этого ничего ни в каком государстве не бывает.

Но теперь вот Закон о земле. Какие есть надежды в связи с принятием Закона о земле?.. Думаю, наконец-то может явиться хозяйское отношение к земле, бережливое отношение к хлеборобной ниве. Это не есть, разумеется, только отношение к пашне, но — ко всему миру, связанному с пашней и чувством хозяина — к природе, моральным законам, ценностям труда и человеческой жизни; то есть человек займет подобающее ему место в мироздании. Пашня — только ниточка, за которую потянется целый клубок взаимосвязанных оздоровительных понятий, но она та ниточка, которая способна распутать их и расположить в необходимом порядке.

Это, конечно, очень важно сейчас — принятие Закона о земле, передача земли крестьянину. Будет ли это началом возрождения российского крестьянства, а значит, и началом возрождения России?.. Можно надеяться, что будет. Хотя за семь последних десятилетий чувство хозяина в мужике сильно ослабло, перешло в иждивенчество. Да и крестьянин в сущности перестал быть крестьянином. Ведь посмотри, само название крестьянин шло от «христианина». Насколько человек, работающий на земле, был в вере, насколько святым было его отношение к ниве хлеборобной. А сейчас крестьянин и не называет себя крестьянином — вроде как стыдится старопрежнего звания. Таким же манером было опорочено и уничтожено и слово, и понятие «мужик». А кто такой мужик? Это осторожный, основательный, работящий, мудрый, непостижимо выносливый, нравственно крепкий и суровый, православно милосердный россиянин, на горбу которого, как на китовой спине, столетиями держалась и процветала матушка Россия. И вот дожили до лихолетья, когда мужик стал пониматься как червь земляной, как скот рабочий. Везде, на тех же съездах Советов, сельские работники называют себя аграрниками, а это совсем другое. Тут нечто чуждое, механически холодное, — «аграрник». Если бы вместе с землей вернуть крестьянину еще и духовное начало, которое в нем жило веками, тогда бы, наверно, легче было вести речь о возрождении крестьянства.

Первородно крестьянское в сельском жителе сильно порастратилось, поэтому многие не хотят возвращаться к земле, брать наделы, отруба, хозяйничать где-то на заимках, работать обособлено от деревни, от сельского мира, и работать от темна и до темна. Тут желающих мало. Сказывается, правда, еще и недоверие к тому, насколько это серьезно — передача земли. Не откажется ли власть от своих обещаний? Люди привыкли в последнее время не доверять власти. И,

видимо, справедливо... Поэтому человек сегодня и к Закону о земле относится настороженно.

Все вместе эти сроки оттянет — то есть отдалится само возрождение крестьянства, и рассчитывать, что завтра-послезавтра случится решительный перелом в сельском хозяйстве, разумеется, нельзя. Хотя я уверен, что в конце концов это произойдет. И вот тогда весь круг крестьянского мира будет постепенно возвращаться: имеется в виду и быт, и традиции, которые крепили и духовно возвышали поселян, и само поклонное отношение к земле, к родителям своим, к могилам и заветам предков... Одна нить непременно потянет за собой другие. Когда человек встанет ногой на земле, он примется и душой на этой земле.

Что касается национального возрождения России, здесь многое будет зависеть от той роли, которую выберет для себя интеллигенция. Если бы эти силы — крестьянская, как нутро России, и интеллигентская, как нервные ее окончания — сошлись в понятии России, сошлись в совместных трудах по очищению и возвращению духовных и культурных ценностей нации, тогда бы возрождение России состоялось. Я потому особо выделяю роль интеллигенции, что она, производя или импортируя новые идеи, распространяя их как передовые, не всегда умеет примерить их на характер и историческую судьбу своего народа, на его национальную самобытность и своеобразие, и вносит в народное сознание немало сумбура. Как это ни горько, но у России нет или почти нет (ту, что есть, научились всячески чернить) преданной ей интеллигенции. Научная и техническая ее часть соблазняется чужими образцами; творческая, как правило, служит мировой идее, не заботясь о той очевидной истине, что национальная идея и в мировую внесла бы больше свежести и пользы.

И наконец, в сельском мире является и проблема фермерства... Если наш крестьянин превратится в фермера — только как производителя сельскохозяйственной продукции, без духовного крестьянского наполнения, без сопутствующего его труду особого мира обрядности и поэзии, — в таком случае придется говорить о цели нашего возрождения как о хлебе едином.

А. Байбородин. В связи с Законом о земле, с фермерством важно, в чьи руки попадет земля — в руки земледельца или крупного землевладельца, который, чтобы воротить капитал и проценты, иссушит дотла силы земли и мужика, работающего на ней, а потом бросит их. Вот на съезде Советов Союза, в печати до хрипоты спорили по поводу колхозов. Есть мнение, что их нужно разогнать и повсеместно вводить фермерство. Но есть и, на мой взгляд, более трезвое суждение, что лучшие из них нужно укреплять и, может быть, пе-

реводить на истинный кооперативный путь, когда колхозник имел бы не только оплату за свой труд, но и пай от чистого дохода колхоза, и пай этот распределялся бы выборным советом и делился справедливо, по количеству и качеству труда. И тут бы можно поучиться у артелей, добывающих золото, где, при какой-то нравственной ущербности жизни и внутреннего мира прискателей, внешний принцип труда и распределения отработан четко.

В. Распутин. Самое главное, не нужно разгонять колхозы и совхозы. Как говорил в свое время Александр Солженицын, такой большой стране необходимо многоустройство. И в этой большой стране, на землях, лежащих в разных климатических условиях и в разных зонах, конечно, многоустройство нужно и экономическое, то есть сельское многоустройство. Пусть живут и колхозы, и совхозы, и фермерство, и подряды пусть будут — все, что угодно, лишь бы это работало. Может колхозник или совхозник становиться и пайщиком. Только не надо в это бросаться, как в панацею от всех бед. Есть хозяйства, подготовленные к этому, а есть совершенно не готовые. А просто так стать пайщиком, только для того, чтобы им быть, из этого мало что получится. Здесь нужно соразмерить и возможности, и потребности. И тогда уж рассчитывать.

Я недавно побывал в совхозе недалеко от города Усолья-Сибирского. Это большое откормочное хозяйство, директор там народный депутат СССР И. А. Сумароков. Замечательное хозяйство, которое прекрасно работает. Хороший поселок, почти город. Едва ли народ сейчас оттуда побежит за любыми пряниками. Быт устроен, зарплата хорошая; рабочие знают, чем будут заниматься завтра и послезавтра, знают, что в сложных условиях, которые предвидятся, не останутся ни голодными, ни брошенными. Крепкое хозяйство, крепкое руководство — так неужели же в погоне за новыми формами от всего этого отказаться?

А. Байбородин. Я думаю, крепкие колхозы еще и потому не распадутся, что они по некоторым признакам близки с российской деревенской общиной. А в русском характере общинность испокон веку была заложена, обработана многими столетиями. Хотя в отличие от колхоза в общине гибко и праведно сочеталось единоличное владение землей с мирским управлением этой землей. Вот к чему должны бы прийти колхозы. В общине земля вроде и принадлежит хозяину, но обращение с ней, мера ее контролировалась советом старейшин или, попросту говоря, советом умудренных стариков, у которых могучий земледельческий опыт, житейская мудрость сочетались с высочайшей нравственностью — как в христианской заповеди: будь кроток как голубь и мудр как змея. Ранешний деревенский старик, глубоко православный, чаще всего иным и быть не мог,

ибо готовил, очищал свою душу перед ликом грядущей вечности, а посему и мирской корысти у него было намного меньше, чем у молодого крестьянина, у которого ко всему еще и мало было нажито мудрости, хозяйского опыта.

В одном из очерков о русском забайкальском крестьянстве я писал о внутриобщинных наказаниях за нерадивое отношение к земле у староверов-семейских. Одним из самых тяжких преступлений считалось в семейской общине преступление перед землей (не засеял ли, поздно ли посеял, запустил ли ниву, не убрал ли хлеб вовремя и он осыпался), за которое у нас в Забайкалье потчевали «земляникой» — попросту говоря, пороли плетьми или замоченными тальниковыми вицами. В словаре русских говоров Забайкалья так и написано: «Земляника». Наказание крестьян плетьми за плохое отношение к земле. (...) «Выходит староста из сборни, подходит к мужикам и говорит: кто седне должон землянику получать? — Вот им надо дать землянику. Хлеб у них на пашне наполовину осыпался. Орлов Г. Поугощали нас, бывало, раньше земляникой. Мой-то отец землянику не получал, а его братаник четырежды штаны спускал. Катков И.»

Бытовал миф о том, что ударом по общине явились реформы российского государственного деятеля Петра Аркадьевича Столыпина, хотя, как мы теперь знаем, премьер-министр России выразился ясно: «Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы, действительно, поможем населению (...) Нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает. (...) Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная».

У русской общины в столыпинскую пору явно просматривались и недостаток — она затрудняла обогащение и развитие отдельного, наиболее расторопного крестьянина, и достоинство — она, тяготея к уравниловке, напоминала монастырскую общину, где не забывались участие, сострадание к слабомощному хозяину, к неудачливому, к пережившему житейское лихо. То есть община, проигрывая иногда в материальном смысле, выигрывала в человечном, в православно-христианском.

В. Распутин. Община — это

целый мир общения с землей, пользования землей, мир отношений между людьми. А что до колхозов, то они, действительно близки к общине. Но возврат к ней, если он возможен, произойдет лишь на новых основаниях. Время ушло, первородная русская община, которой интересовался Маркс, канула в Лету.

В самом деле, это был особый мир: духовность, справедливое распределение земли, общие склады — мангазея — на случай неурожая или несчастий, свои законы, свой суд, свои авторитеты. Я вспоминаю послевоенную деревню в трудное и лихое время. Осиротевшая без мужиков, надорванная нуждой, забитая несправедливостью — подыхай с голоду, но гниющие в поле колоски не трогай, — она противопоставила этому лихолетью общинный дух, всем колхозом (понятие общины как «мира» тогда уже перешло в «колхоз»), спасая каждую попавшую в беду душу от властей и ретивых до исполнения законов людей. Потребовалось — вспомнилось и отыскалось само собой, будто тут и было, потому что общинность, союзность, товарищество в характере нашего народа и при благоприятных условиях (а благоприятные условия для нас — это «не мешай») они приносили и, надо надеяться, принесут еще добрые плоды.

А. Байбородин. По сей день, кстати, выжили от исконной русской общины помочи, когда миром в деревне косят сено или рубят избу. Но продолжая разговор о русском крестьянстве, мне было бы интересно услышать Ваше мнение о том, является ли сейчас наша деревня незамутненным родником духовности, нравственности? Об этом ведь в свое время немало и с любовью было написано прозаиками вашего поколения — я имею в виду деревенских писателей. Я, еще недавно сельский житель из глухомани, знаю, что мои земляки набрались тех же пороков, что и горожане; и в деревне, к тому же, все нравственные язвы как-то болезненно выпячены, ибо там не скроешься в бетонных муравейниках, в многолюдстве, там все на виду. Говорят, если человеку сто раз сказать, что он свинья подкорытная, то он начинает хрюкать, а русскому народу, еще недавно сплошь крестьянскому, это говорили несколько десятилетий после революции. Вот Михаил Пришвин в двадцатом году записал в своем дневнике: «Был у Каменева (Л. Розенфельд — председатель ВЦИК. — А. Б.), говорил ему о «свинстве (отвращение к Октябрю) убийства, ложь, грабежи, демагогия, мелкота и проч., а он в каких-то забытых мною выражениях вывел так, что они-то (властители) не хотят свинства, и вовсе они не свиньи, а материал свинский (русский народ), что с этим народом ничего иного не поделаешь».

И это сказано о народе, на духовность которого с надеждой на спасение смотрел весь мир.

В. Распутин. Можно говорить с большой натяжкой, что деревня остается источником духовности и нравственности. Хотя была кре-

постью нравов. И тем не менее, если в городе смывается, сливается черное, белое, порядочное, непорядочное, добро и зло, то в деревне все это имеет грани. Но нравы сильно пострадали — и в первую очередь из-за пьянства.

Однако сам характер земледельческого труда предполагает нравственность — когда человек работает на земле, когда хозяин. Сама природа нравственна, сама земля нравственна, и человек, который с ними связан, должен быть добрее и честнее, чем тот, который от земли оторван. Былинный источник силы от матери родной земли, это ведь не просто красивый образ, а истина. Содержание этой истины и расшифровывается как раз теми словами Достоевского, с которых мы начали нашу беседу.

Вообще, говоря о возрождении, нетрудно, я думаю, понять, что оно начинается с «малости» — с осознания себя россиянами. Но посмотрите, сколько из-за этой «малости» идет споров и с каким трудом она нам дается!

* * *

А. Байбородин. И вот тут трудно удержаться, чтобы опять же не привести вещие слова Достоевского по этому самому поводу: «Если общечеловечность есть идея национально русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским — значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тот час же начнет и он нас самих уважать».

В деревне долго и крепко оберегался чисто русский характер со всеми его благами огрехами. Чаще всего про деревенского мужика или бабу и говорили: вот и на обличку, и на повадки чисто русские люди. Но теперь, похоже, и в деревне стал вырождаться этот своеобычный русский характер с присущей ему совестливостью, сердечной отзывчивостью, осторожностью, неторопливостью и основательностью, с редчайшей выносливостью и неприхотливостью.

В. Распутин. Тут надо говорить не только о русских. Сейчас деревня стала многонациональной, и чисто русские села редкость. Даже там, где были у нас в Сибири «семейские» общины — и они разбавлены. Но человек национально лучше помнит себя, конечно, в деревне — там даже в смешанных бараках муж и жена могут грубовато подшучивать друг над другом, но чтить друг в друге и уважать национальные черты. Там долго хранились национальные традиции, обычаи, да и по сей день они живы.

Национальности не могут исчезнуть, как бы ни пытались некоторые «интернационалисты» создать человека мирово-

го лица: сам этнос, если бы даже каждая клетка его задалась целью предать себя забвению, находит внутреннюю силу, которая умеет постоять за себя.

А. Байбородин. Имеется и такая скорбная точка зрения, что национальное своеобразие, выраженное в трудовых и праздничных обрядах, в поговоре, костюме, исчезают под нажимом технического прогресса. Вот почти замер на Руси чисто крестьянский образ жизни, отходят в прошлое, порастают быльем наши поэтические обряды, связанные с пашней, с природой в целом. И я с этой точкой зрения — что техническая цивилизация угнетает и умертвляет народную культуру, а вместе с ней и народную нравственность — я с ней был согласен. Но вот, к примеру, Япония, сверхцивилизованная в техническом отношении страна, а ведь сохранила свое национальное своеобычие, свою обрядовую культуру. Хотя бы в какой-то мере, видимо, в чисто внешних проявлениях.

В. Распутин. Ты говоришь о Японии, где, казалось бы, научный и технический прогресс, которому все молятся, должны были подорвать национальное естество. Нет, этого не происходит, потому что превыше всего там стоит национальный дух.

Национальное самооборежение у одних народов имеет спокойный эволюционный характер, как в той же Японии; в других случаях, как у нас, как в Европе, национальное самоохранение носит взрывчатый революционный характер. Но так или иначе, та сила, та цель, благодаря которым национальность была вызвана к жизни, требуют от человека исполнения своей воли. Интернациональное должно быть подчинено национальному; уважение народов друг к другу имеет своей предтечей самоуважение, то есть накопление и развитие в себе качеств, достойных уважения со стороны других.

А. Байбородин. Япония, насколько я представляю, ставит ощутимые заслоны — вот, к примеру, даже от китайцев, чтобы не раствориться в их сродственной, древней культуре.

В. Распутин. Едва ли у нас это возможно — я имею в виду национальные заслоны — потому что наша страна многоязычна. Япония все-таки однонациональна, хотя китайцев и корейцев там немало. Да, они заботятся о своих рядах: не так-то просто очутиться и осесть в Японии человеку другого мира. В японский мир трудно вжиться — из-за того же языка, из-за традиций, идущих из глубокой древности, которые невозможно усвоить, из-за чего-то на каждом шагу чисто своего японского, невыразимого, присущего только этому народу, что никогда не пристанет к постороннему.

Когда мы говорим русские, то зачастую имеем в виду духовную а не родовую сущность. Впору говорить российские, поскольку с живущими в России народами мы настолько сжились, что неотделимы друг от друга.

В пределах России принимать какие-то национально-оградительные меры бессмысленно и неправомерно, ибо вся Россия — община народов. Национальность у нас, повторяю, становится духовным, а не расовым понятием. Однако ни один народ, разумеется, не хотел бы, чтобы Россия обратилась в Вавилон; никто не согласится потерять свой язык, свою культуру, свое национальное лицо, и речь должна идти о их правовой защите со стороны государства, равно как о механизме духовной самозащиты. Второе мне представляется более важным и действенным.

* * *

А. Байбородин. Русские патриоты, кроме, видимо, отечественных национал-большевиков, считают, что возрождение русского народа невозможно без приобщения его к православию, поскольку лишь в Церкви, при всех ее внутренних сложностях, хранились в посильной чистоте и крепости национальная духовность, как, собственно, и сама народная культура. Русская интеллигенция, еще недавно за версту обегавшая православные храмы, теперь проявляет живой интерес к христианству и в какой-то мере и посильно даже приобщается к Церкви. А в будущем, можно предположить, к православию придут и рабочие с крестьянами, ибо не будет счастливой жизни без любви к Богу и ближнему.

В. Распутин. Возвращение к православию, вообще к религии, — это, пожалуй, самая большая неожиданность последнего времени...

А. Байбородин. Да, если учесть дозволенный и поощряемый советской пропагандой сатанизм «массовой культуры» — видеопарнография, рок, авангард, — которые насилуют и угнетают наш дух на каждом шагу; тогда как народная и классическая культура нагло выпихнуты на задворки...

В. Распутин. И началось обращение к православию еще до перестройки, а когда появились для того возможности, приобрело массовый характер. Пожалуй, и Церковь сама поначалу растерялась от нарастающего притока желающих вернуться в ее лоно.

В Церкви меньше сельских жителей, это верно, но ведь и храмов в селах почти не осталось. Хотя в крестьянстве черты православного человека больше сохранились. Для интеллигенции — это как бы возвращение блудного сына, крестянский же мир в силу своего мироощущения не мог окончательно расстаться с христианским сознанием, в полной мере и не был отлучен от религии. До храма далеко, школа, скажем, в Сибири в деревенском углу редкость, но настроение и религиозный календарь всегда оставались при нем, при крестьянине. Его чувство глубже, он под каждым пропагандным ветром не гнется.

При внешнем взгляде: деревенский человек более консервативен, в нем труднее было вытра-

вить Христа, но теперь труднее будет Его и вернуть обратно в крестьянскую душу. Хотя, опять же, самое старшее поколение наших сельчан в действительности с Ним и не разлучалось, изменился лишь язык и способ общения.

Это, разумеется, мнение «и не за всю деревню» — деревня сейчас разная, да еще и при наших российских просторах, да еще и при социальных переломках, которые не могли пройти бесследно для крестьянина, и все же в общем, я думаю, это справедливое мнение.

А. Байбородин. Как и Вам, мне повезло: я прожил детство и юность в деревне, в глухоманном, за сотни верст от города, озерном, лесо-степном забайкальском краю, еще не загубленном технократами; потом я несколько лет самоуком изучал народоведческую литературу, где, кстати, можно назвать имена великих русских ученых, которых мы после вынужденного семидесятилетнего забвения теперь открываем: Александр Афанасьев (не только собравший русские народные сказки, в волшебный мир которых мы погружаемся раньше, чем в жизнь, но и создавший гениальный труд «Поэтические воззрения славян на природу»), Сергей Максимов («О нечистой, неведомой, крестной силе», «Сибирь и каторга», «Куль хлеба» и многие другие произведения), Иван Снегирев («Русские в своих пословицах»), Иван Сахаров («Сказания русского народа»), М. Забылин («Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия»), А. Ермолов («Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах»), Алексей Макаренко («Сибирский народный календарь»), Георгий Виноградов и другие. Все эти исследования — девятнадцатый век, и все они только теперь начинают издаваться. Если припомнить, что для русского человека («материал свинский», по Льву Каменеву-Розенфельду) были закрыты и сама история государства российского, написанная Карамзиным, Соловьевым, Ключевским, Костомаровым, как закрыты были духовная, православно-богословская литература, то вроде и поверишь невольно московской «Памяти», толкующей об антирусской, сатанинской силе, взявшей в кровавое лихолетье всю власть и потом надолго закрывшей русскому человеку доступ к своей великой культуре и истории.

Но об этом уже основательно сказано (особенно в литературе белой эмиграции), а мне, наблюдавшему, посильно изучавшему крестьянский быт, хотелось сказать, что в деревне православие имело много природно-языческих начал, и возможно, таковым оно и будет в крестьянстве. Смирится ли с этим Русская Православная Церковь?

В. Распутин. Она с этим смирилась давно, столетия назад, даже не смирилась, а сознательно соединила в себе элементы языческого народного мировоззрения и собственного, христианского, не поступившись, разумеется, своими постулатами. Соединила — чтобы не уродовать народную душу, за-

мешанную на поклонении природе, и в то же время своим Учением эту душу облагородить и возвысить. Православие даже некоторые свои праздники подстроило под старые языческие. Ну, какой же русский человек без поверий в силы природы! Мы с тобой деревенского происхождения люди и знаем, что без темных, казалось бы, поверий в леших, домовых, банников, русалок наше детство было бы неизмеримо беднее. Ведь это же особый — богатый и поэтический мир, без которого мы, быть может, и не стали бы писателями. Так что язычество и православие противопоставлять нельзя, они срослись в едином древе, где старинные корни питают вытянутый к небу ствол с зеленой листвой. Русское крестьянство язычески крепко стояло на земле, но сердцем и главой обретало в христианском небе. Вообще: новая идеология только тогда приживается, когда она не уничтожает старую.

А. Байбородин. Дело в том еще, что если в городе православные храмы (отдельные хотя бы) еще так-сяк выжили после страшной войны с ними безбожников-космополитов, то в деревне с ними власть имущие расправились еще круче — целые поколения сельчан прожили без храмов. Сейчас идет восстановление церквей в городах, но деревня пока еще не может толком раскачаться — вернее, трудно ей, ограбленной за семьдесят лет, обработанной духовно и материально, подняться на такое дело. Да и государство, культурная общественность пока еще мало внимания обращают на проблему сельских храмов, да и сама Церковь, мне кажется, еще не знает, с какого бока к ним подступаться. Хотя и тут есть исключения. Вот недавно я посетил деревянную церковь в селе Большая Голоустная — она при царе была мессионерской, и там крестили иноверцев, чаще всего бурят. Издали ее видать — красуется на высоком берегу Байкала, и вот теперь там идет реставрация. Перед тем храм был повторно освящен иркутскими священниками во главе с архиепископом. И примечательно то, что церковь оживает не для кощунства игрищ и забав, а для исполнения своего истинного, законного назначения — для православной службы. Теперь, словно бывшие иноверцы, могут окреститься в храме наши уже неюные соплеменники.

В. Распутин. Да, сейчас и новые храмы строятся в городах, и старые оживают, вот и деревня принимается постепенно восстанавливать то, что сохранилось. Деревня от села чем отличалась? Деревня, где есть храм, это уже село. Так и сейчас, церковь будет приметой современного, знающего себе цену села.

* * *

А. Байбородин. Происхождение, пристрастия, писательская тема невольно увели наш разговор в деревню. Но теперь мне бы хотелось коснуться в беседе некоторых политических вопросов, имеющих прямое отношение к России,

В свое время (это уж давненько, однако) Вы сказали в одном из выступлений, что, дескать, чего это Прибалтика пугает нас отделением?! что, может, лучше уж России отделиться?.. А М. С. Горбачев в беседе с москвичами чуть позже сослался на Ваши слова, прибавив (с неясным оттенком), что, мол, если бы Россия отделилась, то лет через пять — десять стала бы одной из самых могучих и богатых держав мира. Дескать, и такая есть точка зрения...

Но возможно ли в каком-то обозримом будущем отделение России от тех, кто выкормился подле нее, и от нее тех, кто теперь не желает жить с ней под одной крышей? И главное, может ли Россия вернуться к своему старинному, испытанному тысячелетием национальному способу управления державой? В конце концов, Англия, имея выборное, демократическое правительство, не отказалась и от королевы, и гордится тем.

В. Распутин. Об отделении... Я не знаю, стала бы Россия в самостоятельности могучей державой; при мудром и строгом хозяйствовании, вероятно, и стала бы. Но тут другой вопрос. Все-таки наше нынешнее государство строилось на основе России. В коренниках-то всегда была Русь, и держава крепилась ею. Отделение России, я думаю, было бы неверным и эгоистическим актом. Не для того собирали земли наши деды и прадеды, собирали в течение нескольких веков, чтобы мы сейчас шли на полный раскол ради собственного материального благополучия. Русский человек так устроен, что ему обязательно нужно кого-то опекать, о ком-то заботиться. Это одна из сторон той самой всемирной отзывчивости русского человека, о которой говорил Достоевский. Она ничего не имеет общего с имперским мышлением, которым ненавистники России постоянно тычут нам в нос, сознательно путая божий дар с яичницей. Традиционно русский не может быть узким, твердолобым националистом — просто по своему характеру не может. А в характере его — отдать с себя последнюю рубашку, даже и во вред себе. И потому малые народности в старой России чувствовали себя совсем неплохо. Лучше, чем в годы Советской власти. Хотя и после Октября им грех жаловаться на старшего брата. Ущемление их национальных прав, вытеснение языков и обычаев происходило в государстве, от начала и до конца идеологизированном вселенской космополитической идеей, которая фактически не признавала никакого национального своеобразия и от которой русский народ пострадал не меньше, а больше чем другие. И сваливать на него свои беды и обиды, как это нередко сейчас делается на окраинах, слишком близоруко. Эти обиды справедливы, но по справедливости надо искать адрес, куда их направлять.

Недавно принят Союзный договор о федерациях. На основании его, я думаю, кто хочет остаться, тот в Союзе останется, но это будет федерация республик на других основаниях — свободных, равноправных и дружественных. А тех, кто не хочет жить в Союзе, их и не надо силком держать. Зачем?! Но пусть они пройдут узаконенную систему выхода, какая определена. Нельзя же просто — фыркнули и дверью хлопнули. Даже в семье так не делается. Когда надумает отделиться кто-то из братьев, всей семьей строят ему дом, обговаривают, как умнее и праведней провести раздел, а затем уж делятся. А тут тем более, речь идет о государстве. Хлопать дверью — это некрасиво и безнравственно. И незаконно.

Но сейчас еще важнее положение самой России. Вот здесь уж точно — Р о с с и я д о л ж н а б ы т ь е д и н о й и н е д е л и м о й. Не останется Союза, пострадает мир — если она превратится в княжеские владения. Крепить Россию сейчас — значит крепить Союз.

И тут мы, кстати, в своей национальной политике рубили сук, на котором сидели. Тянули все из России на окраины, а когда корень иссушили, естественно, стали хиреть и окраины — потому что нет живительного тока, все подорвано. Словом, выход — вернуть благосостояние, могущество и авторитет России, и вокруг нее собраться всем народам, что сделают свой выбор в пользу Союза. Выбор в любую сторону должен быть народным мнением, а не митинговой декларацией горячих голов, спекулирующих именем народа.

Второй вопрос, видимо, надо так понимать: возможна ли в России конституционная монархия? В старой России это был способ правления, отвечающий характеру нашего народа. Почему и говорил Алексей Хомяков, неколебимый русский славянофил, что русский человек — это антигосударственный человек. Наше сегодняшнее сетование по поводу гражданской пассивности россиянина обосновано, но она, эта пассивность, имеет свои истоки в системе подчинения и соподчинения человека в старой России. Он привык исполнять ту роль, какая ему была отведена, не посягая на ее расширение, чувствуя себя за монархической твердыней, как за каменной стеной. Для него совесть выше писаных законов, к которым он всегда относился с опаской, а внутреннее устроение человека и жизни важнее внешнего. Вот почему и чувствует он себя неуютно в демократическом половодье, где, чтобы выдвинуться, надо расталкивать локтями других. Мало, что ли, среди россиян деловых людей, способных подняться на государственную вершину?! Есть они, пусть и не в изобилии, но вековая сдержанность, стыдливость и укоренившаяся самодостаточность не позволяют им, как правило, пользоваться нечистыми методами в борьбе за власть и обещать золотые горы. Там же, где это случается, — посмотрите, как глупо

и карикатурно выглядит русский человек.

Можно ли в России возродить монархию? На это я отвечу словами И. А. Ильина, философа и публициста, много и верно в Зарубежье размышлявшего о прошлой и будущей судьбе нашего Отечества. Будучи убежденным монархистом, он писал: «Будущая форма государственного устройства России будет зависеть прежде всего и больше всего от того правосознания, которое обнаружится в русском народе после падения большевиков. Мы не можем ни предвидеть, ни предсказать его. Необходимого для введения монархии монархического правосознания в русском народе может не оказаться. Как же мы можем предсказать будущую форму именно в сторону монархии? Что же создаст в России монарх, если народ не пойдет за ним на жизнь и смерть?»

От себя добавлю: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Это была бы реставрация прошлого, что-то вроде музейного воссоздания минувшей эпохи.

А. Байбородин. Я же представляю это, не как реставрацию и музейное воссоздание минувшего, а как возвращение к естественному и наиболее плодотворному управлению народом. Государство — прообраз большой семьи, где все домочадцы строго подчиняются отцу, доверяя всю внутрисемейную и внешнюю политику только ему, при этом занимаясь тем, что требуется семье, к чему есть дар; своевольное чадо отец может сурово наказать (в пользу и назидание тому), но отец же и полностью отвечает за своих домашних перед внешним миром, как отвечает и за то, чтобы они были сыты, одеты, обуты и защищены. При ином (скажем, разнузданодемократическом) раскладе трудно в большой семье сохранить мир и благоденствие. Отцу можно посоветовать, и он может послушать совета, но решать окончательно должен только отец, а иначе, как говорят: у семи нянек дитя без глаз. Вот так и в государстве... А потом, надо помнить, что монархическому правлению тысячелетия, а демократии едва ли наберется два столетия. И тут еще нельзя забывать, что монарх, по крайней мере, российский, был или старался быть человеком по-христиански духовным, праведным в самодержавном правлении. В связи с этим, мне думается, сопоставление верховного советского руководителя и русского монарха вряд ли будет в пользу первого.

В. Распутин. Всякая выборность слишком зависит от многих случайностей и нечистой политической игры. Монархия же передавалась по наследству. Наследника с пеленок готовили к той роли, какую ему предстояло исполнять: и нравственно, и культурно, и политически. Не говоря уж о том, что монарх не мог быть не верующим человеком. Он чувствовал свою ответственность перед народом не на определенный срок, а на всю жизнь. Его власть в сущности была неограниченной и могла привести к деспотии, но ведь и «вождь» планку тирании

поднял на космическую высоту. Условием справедливой монархии было — царь для страны, а не страна для царя, и этому условию династичность отвечала больше. И не было такого, как у нас теперь, когда всякая новая власть начинает оплевывать прежнюю.

Не следует идеализировать наследственную монархию, но и забрасывать ее по сю пору каменьями тоже неразумно. Мы слишком грубо называем Николая I Палкиным, тогда как при нем подготовлялись демократические реформы, которые потом его сыном были осуществлены. Мы знаем, что Манифестом 1905 года Россия стала едва ли не самой демократической страной в мире, — мы знаем это, и по-прежнему талдычим о Николае Вешателе. А реформы Александра II и Александра III! Россия ими готовилась к демократии русского образца. Она, эта отечественная демократия, естественно врастала в русскую систему и естественно осуществлялась бы. Революция, делавшаяся ради демократии, сразу же ее и попрала.

А. Байбородин. Видимо, была возможность истинного народовластия при Николае II — Дума, правительство, царь — как в той же крестьянской общине: совет умудренных житейски и хозяйственно духовно-православных стариков и староста как самодержавец. Но господа революционеры, которым чем хуже в России, тем лучше им (революционная обстановка нарастает), конечно же, всем своим мировым скопом расшатали государство. Впрочем, об этом глубоко и основательно сказано историками, философами Русского Зарубежья.

А что до политической свободы, то ее при Николае II, кощунственно и подло обозванным кровавым, было во сто крат больше, чем при большевистском правлении. Революция принесла такой кровавый террор, такую деспотию, какую еще не знала русская история, о которой и человечество мало подозревало. Когда вроде бы восторжествовала народная демократия, были загублены многие миллионы русских людей, являющих собой цвет российского духовенства, крестьянства, купечества, дворянства, интеллигенции. Или вот еще пример: при том же Николае II существовали партии, готовящие государственный переворот; и эти бесчисленные партийцы (на загадочные средства) ездили за границу, возвращались, возили взадвперед газеты, листовки, оружие, типографское оборудование. Иные, правда, попадались, иные ускользали. А сколько революционных агитаторов, расшатывая мир, крутились в рабочей, крестьянской и солдатской среде! А вот представим на минуту даже не сталинские, а хрущевские или брежневские времена, и вообразим, что создалось нечто издали напоминающее партию, супротивную коммунистам и самому строю; да они бы не успели и пару раз собраться, не успели бы даже заикнуться о государственном перевороте, как их бы тут же прибрали к рукам и загнали туда, где Макар телят не пас.

Нет, при клятом «царском режиме» свобод политических было много, трагически для России много — будь правление чуть строже, и возможно Россия бы не знала ни гражданской войны, ни кровавого террора, унесшего многие десятки миллионов жизней, и возможно была бы экономически, культурно одной из самых передовых держав. Да так бы оно и было, коль экономический уровень России 1913 года для нас уже нечто почти недостижимое.

Или вот еще про царскую демократию... При императоре Николае II государственные преступники, готовившие переворот, сосланные к нам в Сибирь, жили ведь намного лучше, чем политические советского времени. В нынешнем году я побывал в Верхоленске — большое старинное уездное село; и там в свое время отбывал ссылку Лев Троцкий, и ведь жил, как говорится, кум королю, даже изловчился открыть в ссылке сапоговаляльную мастерскую, занялся вольным предпринимательством. Но неблагодарным оказался Троцкий, личность изуверская, напоминающая комендантов фашистских лагерей, о чем и написал Владимир Солоухин в своих «Камешках на ладони»: «Троцкий, развязавший на всей территории бывшей Российской империи чудовищный террор, какого не знало человечество за всю свою историю, Троцкий, на совести которого десятки миллионов человеческих жизней, причем самых добрых, самых красивых, лучших людей, совершенно невинных людей, этот Троцкий в последние годы перед смертью, оказывается, разводил кроликов и, говорят, трогательно любил этих животных». Так и видится фашистский палач, играющий на фортепьяно бетховенскую сонату и ласкающий породистого пса.

А Ленин... Жил, будучи ссыльным, в доме богатого шушенского мужика, охотился (кстати, наколотил прикладом ружья полную лодку зайцев, которые спасались от осенней ледяной шуги на островке), получал из казны деньги на содержание, получал и книги, много читал, писал; вроде как наш сердобольный царь послал его на творческую дачу, чтобы оздоровиться на ядреном сибирском воздухе, отдохнул от революционной нервотрепки, сошелся ближе с простонародьем, а главное, на славу поработал, написал свои труды — как переворотить Россию. Советским политссыльным такие курорты не устраивали, достаточно вспомнить, как умирал в Томске от голода, холода и болезней великий русский поэт Николай Клюев, который и переворотов-то никаких государственных не замышлял, который лишь в поэме «Погорельщина» и высказался неодобрительно о новых порядках.

Или вот еще более ранний пример: входишь в роскошные дома-музеи государственных преступников — декабристов Волконского и Трубецкого в Иркутске, и думаешь: нет все же не худо жили недавние каторжане.

Я думаю, приспела пора объективно глянуть на русскую историю прошлого и нынешнего века, и тогда, может быть, мы с лю-

бовью и почтением отнесемся к нашим государям, которые все же немало сделали для процветания народов России. А первым шагом могло бы стать возрождение порушенных памятников российским государям. Вот посмотришь, в европейских государствах: как они священно относятся к своей истории, как лелеют какую-нибудь усыпальницу своего короля, А мы?! И вот еще презабавно: памятники императорам почти все снесены, а Петра I на Неве оставили. Может, потому, что Петр I, как весело шутят, был первый революционер, надумавший переворотить Россию матушку на западный манер, страдавший космополитизмом. Но с другой стороны, в белой эмиграции было такое мнение: если бы в семнадцатом на троне сидел Петр Великий (а не христолюбивый и мягкий Николай II), то уж он бы разрушительное, противогосударственное движение срезал на корню, срезал жестоко, и, может, не допустил бы большей крови, которая полилась реками после семнадцатого.

Словом, надо все же восстановить памятники российским государям. В Иркутске, к примеру, вместо серого, убогого штыря, что стоит на набережной Ангары, поставить памятник, какой там был на законном постаменте, — памятник Александру III.

В. Распутин. Памятник Александру III ставился в связи со строительством Транссибирской магистрали, покровителем которой при жизни он и был и которой много послужил, как государственный муж. В одинаковом исполнении памятники стояли в начале, конце и середине Великой Дороги на Восток. Иркутск — середина этого пути, неподалеку от него, как известно, есть станция Половина.

Но прежде чем возрождать памятники российским государям, надо, полагаю, очистить для этого духовную территорию и отказаться от названий улиц, поселков, городов именами людей, которые явно себя скомпрометировали и которые не только не дали никакого блага народу, но принесли ему немало горя. В Иркутске пора отказать в чести Свердлову, Урицкому, Ярославскому, террористам вроде Софьи Перовской, Халтурина, деятелям французской революции, у которых руки по локоть в крови, тем же «прославившим» себя «интернационалистам» более поздних времен. В каждом городе, в каждом селе всего этого в избытке, и хотели мы того или не хотели, но продолжаем поклоняться тем, кого на нормальном языке давно следует называть собственными именами. Посмотрите: вернули Твери подлинное старинное имя — и сразу как-то уютнее и надежнее стало на душе.

А. Байбородин. И все же мне хотелось бы в последний раз вернуться к разговору о наших российских государях, потому что не сказано главное или сказано мимоходом. Мы вот говорили, вернее, сопоставляли наших вер-

ховных советских руководителей и государей, и самое существенное их различие, на мой взгляд, в том, что белый православный царь все же считался Помазанником Божьим, что означает, если перевести на мирской язык, — был или старался быть и страстным патриотом России, и совестью народной. Помазанник Божий — тут великий принцип, требующий от царя, чтобы п р а в и л п о-б о ж е с к и, это и предполагало неусыпный надзор над правителем со стороны Русской Православной Церкви.

В. Распутин. Разумеется. Император чувствовал свою особую роль. Эта была и человеческая, и надчеловеческая роль одновременно. Его готовили и он готовил себя к этой роли — Отца народа. То, что делал, считалось справедливым. Это не значит, что он считал себя не от мира сего — напротив, он обязан был поддержать в себе этот авторитет уровнем нравственности. Достоинство всякого народа крепится достоинством его руководителя. Но это относится не только к монархии.

А. Байбородин. Русской Православной Церковью в Зарубежье канонизирована коварно убиенная семья императора Николая II...

В. Распутин. В том, что она будет канонизирована и у нас в России, я не сомневаюсь. Я уверен, что со временем — и об этом уже начинают поговаривать — дойдет дело и до канонизации Достоевского.

* * *

А. Байбородин. Когда мы заговорили о наших самодержцах, мне вспомнился писатель Дмитрий Балашов, так талантливо, с проникновением в дух и слово эпохи, написавший о них, создавший романный цикл «Государи Московские». Недавно я с трудом приобрел книгу Владимира Личутина «Душа неизъяснимая. Размышления о русском народе», где есть очерк о Дмитрии Балашове. Какая дивная, талантливая личность: писатель, историк-этнограф, фольклорист, крестьянин...

В. Распутин. Балашов — удивительный человек, удивительный литератор. После Всеволода Никаноровича Иванова он лучший наш исторический писатель. Те пять книг, которые Балашов написал о русской истории, неоцененный по достоинству, да и неоценимый вклад в национальное сознание и возвращение прошлого в духовный обиход настоящего. Но у нас так: чем крупнее, значительнее писатель, тем он незаметней. Хотя сейчас, когда у россиянина пробудился интерес к русской истории, думаю, что Дмитрия Балашова узнают, полюбят и неизбранные читатели. Русское Зарубежье давно уже зачитывается Балашовым; книги его там нарасхват.

Но Балашов не только писатель, а и ученый, у которого есть крупные работы по фольклору, они выходили отдельными книгами. А самое примечательное — размышляя в книгах о преданиях, повериях и характере русского крестьянства, писатель и сам крестьянствовал: жил в деревне, держал коров, лошадей. Необычный чело-

век, с сильным северным характером, а это такой особенный характер... Когда смотришь на Дмитрия Балашова, на Личутина, Белова, когда вспоминаешь покойных Клюева, Шергина, Писахова, Абрамова, Яшина, Рубцова — видишь поражающе выразительный портрет. Что ни писатель — воистину народный; что ни личность — самобытная, уважающая себя, упорная до упрямства, талантливая, национально выраженная и в языке, и в жизни, вся какая-то прочная... Про таких говорят: колуном не свалишь. Северный русский характер (а он и в Сибирь пришел) невольно подает надежду на то, что в любых шатаниях и метаниях, как бы ни ломали и ни гнули, выстоим и укрепимся.

А. Байбородин. Удивительно в Балашове даже и то, что он всю жизнь ходит в русской рубахе с расписанным вышивкой косым воротом, подпоясанной ремешком, в шароварах, заправленных в смазанные сапоги. Ведь для того, чтобы носить крестьянский исконный наряд немалая по-нынешним временам смелость нужна; убеждения нужно иметь неколебимые, чтобы это не походило на балаган, на причуду.

В. Распутин. Это не причуда, а если бы и была причуда, я к ней отношусь с уважением. Мы вместе были в Италии, в Венеции. Там ничем никого не удивишь, всяких повидали, но когда Дмитрий Балашов проходил в своей красной расписной рубахе — на него заглядывались. Да и само лицо — красивое, аскетичное, с горящими глазами — как из древности, невольно притягивало к себе внимание. Это походило бы на балаган, если бы он простолюдинствовал от случая к случаю, а он же постоянно такой... Он в сапогах ходит в деревне, и в Кремль приходит в сапогах. Такой же был Виталий Закруткин в своей неизменной фронтовой гимнастерке.

А. Байбородин. Балашов напомнил мне знаменитого собирателя народных песен Павла Якушкина — выходец из старинного дворянского рода, он, в отличие от Ивана Бунина, совершенно равнодушно относился к своему столбовому дворянству, и всю жизнь бродил по Руси в русском, полукрестьянском, полумещанском наряде; в нем он собирал ста́рины по деревням и селам, в нем же являлся в благородные собрания и столичные театры. Вот тоже своеобразный был человек... Впрочем, я считаю, что русский наряд должен возродиться, и мы, русские люди, для начала хотя бы на старинные праздники должны надевать его.

Ну, а теперь, коль мы заговорили о писателе Балашове, то хотелось бы порасспросить вас о российских литературных делах. Многие наши писатели уже давно с головой окунулись в изматывающую практическую борьбу за Россию, и литература вроде как отошла в тень...

В. Распутин. После литературной эпохи, какая продолжалась, если вести отсчет от первого съезда писателей, более полувека, теперь похоже, наступил литератур-

ный момент. Сколько он продлится, трудно сказать, но, поскольку момент, должен вскоре прийти к какому-то завершению. Политическая ситуация в стране и в России очень сложная, от нее сегодня, сейчас зависит, что ждет нас завтра, и не отозваться на эту ситуацию писатель не мог. Бывшие друзья рассорились, прежние единомышленники разошлись во взглядах, какая нам нужна Россия. Каждый считает, что прав он и его союзники. А Россия, как никогда ободранная и оболганная, между тем ждет, что ей уготовано. Помните, у Твардовского:

Так-то, Теркин,
Так примерно, —
Не поймешь, где фронт,
где тыл...
В окруженье в сорок первом
Хоть какой, но выход был.

Может ведь и так случиться, что, решив не изменять своему таланту и не отвлекаться от художественности, ни за понюх табаку мы отдадим Россию из огня да в полымя — тогда некому станет и книги читать. Поэтому, чтобы кто-то мог относительно спокойно работать, замечательный писатель Василий Белов вынужден оставить на время письменный стол и принимать Закон о земле. И я не берусь утверждать, что без Белова этот Закон был бы наверняка утвержден. У крестьянства, способного благодаря ему возродиться, достаточно противников и справа, и слева, и в середине. А без крестьянства, как мы уже говорили, России не остаться Россией. Вывеску под новым заведением могут на какое-то время оставить, а затем и вывеску снимут. И возглавит тогда она, матушка, список топонимических названий, изъятых из народного обращения.

Писатель не своей волей, я думаю, решает, что ему делать — тут какая-то другая сила властно повелевает. Как бы сама литература распределяет, куда кому пойти и чем заниматься. Ну, а те художественные книги, какие мог написать за эти годы Белов, их читатель, конечно, не досчитается и немало потеряет, но обретет, быть может, нечто гораздо большее.

В истории отечественной литературы немало примеров, когда писатель и словом и делом целиком отдавался политической борьбе на благо России. А «Братья Карамазовы», «Бесы»! Это ведь во многом публицистические произведения. Особенно «Бесы». Публицистика для русского писателя, начиная со «Слова о полку Игореве» и «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона, — это свойство души, воинский вклад в походе за святую Русь, когда ей угрожали внешние или внутренние враги. Так было, так будет, доколе останется на земле хоть одно русское перо.

А. Байбородин. Наконец-то к русскому читателю пробилась литература белой эмиграции, вернее, литература насильственно изгнанных. Николай Гумилев, Марина Цветаева — ее книга стихов «Лебединый стан» о белой гвардии — высокая, страстная, наполненная

плачем по Руси, истинно лебединая песня. Но мы открываем и новые имена прекрасных русских писателей — Иван Шмелев, Борис Зайцев, Иван Ильин...

В. Распутин. Марину Цветаеву, Бунина мы знаем неплохо, хотя они ведь тоже из белой эмиграции. Но вот есть у Ивана Ильина, можно сказать, классического русского мыслителя, на которого я уже ссылался, казалось бы, не свойственная ему работа по литературной критике. Речь идет о статье «О тьме и просветлении»; и дает он в ней сравнительные характеристики Шмелева, Ремизова и Бунина. (Кстати, эта работа заслуживает издания и стала бы замечательным пособием для нынешних критиков). Так вот Ильин считает Ивана Бунина великолепным натуралистом языческого, додуховного опыта, а Ивана Шмелева художником, постигшим молитвенный свет. Шмелев может быть, самый глубокий писатель русской послереволюционной эмиграции, да и не только эмиграции. Не хочется сравнивать, строить в какую-то череду писателей, но Шмелев, без всякого сомнения, — писатель огромной духовной мощи, христианской чистоты и светлости души. Его «Лето Господне», «Богомолье», «Неупиваемая чаша» и другие творения — это даже не просто русская литературная классика, это, кажется, помеченное и высветленное самим Божьим духом.

Вот еще Борис Зайцев — его мы тоже мало знаем. Художник иссушающей тоски по России. Это даже и не ностальгия, это крик по России, как и у поэта Георгия Иванова.

Мы вели речь о белой эмиграции или, как ее обозначают, — эмиграции «первой волны». Ни вторая, ни третья такой литературы не создали. «Первая волна» ведь не убегала от России, была изгнана, стала разделенной частью России. Мы остались на земле русской, а они унесли русский дух, и на расстоянии и в разлуке видели нашу Родину лучше, чем мы, находящиеся внутри ее...

А. Байбородин. В «третьей волне» эмиграции особняком держится только Александр Солженицын, который, как мне думается, своими православными воззрениями, своим русским патриотизмом ближе стоит к белой эмиграции. Только неколебимый патриот мог сказать из изгнания, не помня обид: «Я люблю свою Родину. Я хочу, чтобы моя страна, которая больна, которую 70 лет уничтожали и которая находится на грани смерти, возродилась к жизни».

Вокруг Солженицына наши доморощенные «демократы», интернационалисты с мировой идеей наплели много лишнего и чужебесного, насильно притягивая писателя, завершенно православного человека, русского патриота, к диссидентству на западнический манер, ставя его имя рядом с именем покойного академика Андрея Сахарова. Совпадая взглядами на этапе критики советской действительности, они все же разошлись в основах маровоззрений, во взглядах на послереволюционную историю, на будущее устроение Рос-

сии. И теперь те же «демократы», которые так шумно суетились вокруг имени Солженицына, видя в нем лишь антисоветчика, начинают откровенно набрасываться. Рой Медведев, в свое время немало и похвально писавший о Солженицыне, вдруг выступает в журнале «Новое время» с резкой критикой писателя, и критикует не какие-то огрехи в писаниях, не просчеты в исторических оценках, а сами коренные убеждения Солженицына, его основную концепцию о том, что кровавый террор начался сразу после Октября, и что между сталинскими и досталинскими репрессиями никакой разницы нет — просто лилась российская кровь, уничтожалось государство. Рой Медведев все же считает, что сразу после революции текла неизбежная «законная» кровь россиян, а вот в тридцать седьмом и дальше полилась «праведная». «Я знаком с его точкой зрения (прямая параллель между досталинским и сталинским террором. — А. Б.), — говорит Рой Медведев в беседе с журналистом, — но не разделяю ее. (...)» «Архипелаг ГУЛАГ». Может быть, это самое значительное из того, что написано на эту тему лагерной и окололагерной жизни. Но сама концепция книги, на мой взгляд, ложная». Вот так, ни много, ни мало — сразу ложная.

Солженицына однажды в печати назвали явлением, предтечей которого был Достоевский. Думается, что это не совсем так. Достоевский — все же писатель, написавший уже в прошлом веке нынешний век, бесовский, когда к власти в России пришли самозвано люди, презирающие все коренное русское, когда пришли разрушители тысячелетней российской государственности и национальной памяти; и Достоевский же, указывая на особую, спасительную для человечества духовность русского человека, видел в нем и (особенно в интеллигенции) нигилистические, бунтарские наклонности, которые могут быть использованы заговорщиками. А Солженицын — без сомнения великий писатель, верно написавший уже пережитое народом, виденное и прочувствованное самим, подбираясь к истокам зла, к его корням, на которые раньше указал Достоевский.

В. Распутин. С предтечей, думаю, это обмолвка или как-то не так изъято из контекста... Предтеча — подготовка, подготовление главной фигуры, и, стало быть, на порядок ниже ее. Сравнивать того и другого нельзя. Это совершенно самостоятельные фигуры, великие личности — тот и другой. Достоевский — житель духовного мира, заглядывающий в материальный; Солженицын — материального, знающий духовный. Д о с т о е в с к и й б ы л п о с л е д н и й п и с а т е л ь д о р е в о л ю ц и о н н о й Р о с с и и, к т о з н а л п у т и е е с п а с е н и я, в о в е с ь г о л о с г о в о р и л о н и х, н о и п р е д в и д е л, ч т о с п а с е н и е м с в о и м о н а н е в о с п о л ь з у е т с я. С о л ж е н и ц ы н с т а л п е р в ы м п и с а т е л е м т а к о г о м а с ш т а б а, к т о о б о л в а н е н н у ю Р о с с и ю п р и в е л

на место ее трагического выбора и показал, как и почему, благодаря каким бесовским силам она изменила самой себе.

Заметьте, тот и другой — и Достоевский, и Солженицын — прошли через каторгу, хотя опыт Солженицына был и горше и масштабней; тот и другой выстрадали свое провидение, но в двадцатом веке оно, провидение, потребовало другого языка, другого взгляда, — обращенного в прошлое, чтобы собирать пожитки для будущего.

У них много общего, хотя совсем, совсем разные. Но оба — как верстовые столбы на мученическом пути России. Еще молчало почти все, отводя душу в анекдотах, но нашелся человек и сказал всю горькую правду. Мы говорим, что правда прорастает из-под любого камня — точно так же поднялся Солженицын. Он поднялся первым, потом легче было разгибать спину другим. Для этого нужно было иметь и мужество, и талант. А еще важно было сберечь и преумножить талант за проклятые годы лагерей. Ведь Солженицын начинал писать в молодости, затем фронт — там не до рукописей; затем тюрьма и лагеря, где тоже не отводили кабинета для самообразования и полезного чтения. И все-таки человек настолько огромной силы воли, настолько могучего духа, что продолжал работать и в этих условиях. И когда вышла повесть «Один день Ивана Денисовича» — это было как потрясение. Воистину: охота пуще неволи. Затем «Матренин двор», «Раковый корпус»... А два последних года для читателей России и вовсе проходят под знаком Солженицына, и если бы наше любезное Отечество, как во времена Достоевского, захотело внять урокам нашего великого современника, на многое бы у нее открылись глаза и по-другому смотрела бы она на происходящее.

* * *

А. Байбородин. Солженицын, а ранее Достоевский, говорили о том, что в России есть определенно люди, которые радуются русским неуспехам, потому что неуспехи — это шатание, постепенное разрушение российской государственности и, главное, нарастание взрывной обстановки, приближние того вожделенного, смутного времени, когда можно будет взять в руки власть.

В. Распутин. Солженицын в «Красном колесе» как раз и пишет о подготовке русской революции, о ее составляющих, об общественном мнении, которое не одно десятилетие вело подрывную работу, пока не произошел взрыв. Это был, за малыми исключениями, всеобщий общественный соблазн, круговое опьянение — долой! — и никаких. Хотя по темпам экономического развития Россия к первой мировой войне вышла на одно из ведущих мест в мире. О политических свободах мы уже говорили; у правительства не имелось даже собственной газеты, где бы оно могло защищаться от дружных нападок.

А теперь сравним: да, нынешнее

правительство экономикой похвалиться не в состоянии — развал, что называется, по всем швам. Но урок Февраля семнадцатого, а затем и Октября учит нас, что благополучие не остановило бы вакханалию («волконалию» у А. Ремизова), так называемой «демократии», если у нее развязаны руки, в поддержку ей всегда что-нибудь подворачивается — то война, то разруха.

А насчет того, что часть интеллигенции радовалась государственным неуспехам в конце прошлого и начале нынешнего века... Да, так оно и было. Радовалась неудачам в русско-японской войне, всему радовались, что подрывало авторитет царя и правительства. Как и ныне, когда чем хуже, тем лучше.

А. Байбородин. В досельные-то времена российские интеллигенты-гуманисты с «мировой идеей» боялись русских успехов еще и потому, что от них якобы может в русском человеке взыграть национальная гордость, а это для «граждан мира» — сразу и национализм, и шовинизм, антисемитизм. Тут сказывалось разное отношение интеллигенции к русскому народу вообще, который еще вначале нынешнего века сплошь был крестьянским.

Об отношении Достоевского, Горького (да и своем тоже) к русскому народу прямо и откровенно сказал писатель Куприн: «Когда говорят «русский народ», я всегда думаю — «русский крестьянин». Да и как же иначе думать, если мужик составлял 80 процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел е г о хлеб, писал и думал на е г о чудесном языке, и за все это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность». Вот на этой почве — отношение к русскому народу — в Горьком выросло воинственное неприятие Достоевского. Георгий Вяткин, сибирский писатель начала нынешнего века, в книге «Возвращение», изданной в Иркутске в 1987 году, приводит свою беседу с Горьким. «И еще сильнее поразило меня высказывание о Достоевском:

— С другой стороны, — продолжал Алексей Максимович, — на нас заметно влияет мрачная философия Достоевского... Против этого я горячо протестовал бы, ибо, по-моему — страдание вредно, оно не углубляет человека, а унижает его, и это особенно надо помнить нам, русским, чья многовековая история была сплошным (?!) страданием — сплошным (?!) унижением. К а т о р г а у б и л а в Д о с т о е в с к о м е г о ж и в у ю д у ш у... Нет, мы слишком много покорялись и прощали, и не слушать, а преодолевать должны мы Достоевского. О н — н а ш н а ц и о н а л ь н ы й в р а г... Д о с т о е в с к и й — н а ц и о н а л ь н ы й в р а г!» (подчеркнуто мною. — А. Б.).

И это отношение Горького к русской истории, к русскому народу в целом позволили ему со-

гласиться с идеей «безумных и храбрых», что этот крестьянский народ, «этот пестрый, неуклюжий, ленивый человеческий муравейник, именуемый Россия», вполне может послужить объектом революционного опыта, вязанкой хвороста, которая, может быть, сгорев, зажалит пожар мировой социальной революциии. Обо всем этом Алексей Максимович и написал в 1920 году в очерке «Владимир Ильич Ленин», где он называет Ленина — «первый и самый безумный» и поет ему славу за то, что тот отважился зажечь этот «хворост». «Каждый получает то, что заслужил, — это справедливо, — пишет «великий гуманист» Горький». — Народ, загнивший в духоте монархии, бездеятельный и безвольный, лишенный веры в себя, недостаточно «буржуазный», чтобы быть сильным в сопротивлении, и недостаточно сильный, чтобы убить в себе нищенски, но цепко усвоенное стремление к буржуазному благополучию, — этот народ, по логике бездарной истории своей, очевидно должен пережить все драмы и трагедии, обязательные для существа пассивного и живущего в эпоху зверски развитой борьбы классов...» Тут уж пояснения излишни, тут все ясно.

* * *

Наш разговор, видимо, не случайно все же, постоянно сворачивает к русским и российским вопросам, и тем не менее хотелось бы опять вернуться к нынешней литературной жизни в России... Поколению, которое в литературе идет следом за вашим, кажется, стало еще труднее, чем в «застойные» времена, пробиться к читателю — резкое размежевание на «левых западников» и российских самобытников, патриотов, что повлекло за собой размежевание критики, газет, журналов, размежевание это вышло отнюдь не в пользу молодых писателей, скажем, настроенных патриотически. Если раньше все же старались литературное произведение измерять по художественным достоинствам, что, правда, не исключало «красную» конъюнктуру, то теперь все критерии размыты. Наступил какой-то сплошной хаос в литературном процессе.

В. Распутин. В прежние, как говорят, застойные времена, можно было хоть спокойно работать. Мы говорим: цензура, цензура! Цензура, конечно, писателю не мама родная, от нее настрадались и Белов, и Абрамов, и Виктор Астафьев, у которого было много выброшено из замечательной повести «Пастух и пастушка». Сейчас он восстановил текст, это уже совсем другая книга. Нет, я не говорю, что цензура благо, но и не могу согласиться с теми, кто собственную леность, бездарность и вздорность оправдывает невозможностью и слова сказать в подцензурных условиях. Неправда это. Говорили и говорили неплохо. Только в послевоенное время — Овечкин, Тендряков, Троепольский, Быков, Абрамов, Твардовский, Залыгин, Можаев, Гончар и другие — да без них бы и правду, и совесть, и веру извратили так, что не на чем было бы порядоч-

ному человеку и стоять.

Самое же страшное в те времена, о чем мы поминали, — напрочь оказалась отсеченной отечественная история и общественная мысль. Будто и не было никогда «Истории государства российского», книг Хомякова, Киреевских, Данилевского, Соловьева, Леонтьева, Федорова, Розанова и многих других. Все черной краской: реакционеры! Цензуровали книги Гоголя, Достоевского... С такой цензурой теперешние «демократы», пожалуй, готовы и согласиться втихомолку. Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Радищев были доступны — то есть все, что лепило из России в прошлом одно лишь «темное царство», образовывало нашего гражданина с пеленок, и загоняло его в узкий коридор представлений о своем Отечестве.

Так вот, о «застойных» временах... Официальные духовные и нравственные ценности навязывались одни, но литература держалась незыблемых, вечных, и тут никакая цензура ничего с ней поделать не могла. Да это было и не в интересах государства. Человеку приходилось жить действительно двойной моралью, и государственный надзор как бы молчаливо с этим соглашался, не в силах отказаться от догматического, бывшего его основанием панциря, но и сознавая, что в одной лишь догме человек задохнется и омертвеет окончательно. Мы вправе жаловаться на цензуру, но надо признать: то, что все же позволялось литературе, не позволялось другим искусствам. И она, художественная литература, своим шансом, своей особой ролью в обществе воспользовалась прекрасно, и если за два-три поколения человек нравственно все-таки выстоял, заслуга литературы тут не из последних. В том числе и «деревенской» литературы. В самые лживые годы были писатели из современников, к которым миллионы людей обращались точно к исповедникам и находили спасительную опору.

И сравним, что теперь. В сумерках истории литература и светила, и направляла, а как выбрались на открытое место — все ценности, все добродетели в черепки, и самая добрая книга потускнела перед разгулом общественных страстей.

А. Байбородин. Официальная пропаганда, к которой всегда примыкала часть художественного творчества, от лицемерия, двойной морали резко повернула к цинизму. И человек, кажется, стал перед выбором: социалистическое лицемерие или буржуазный, коммерческий цинизм? Что лучше? Этот коммерческий цинизм в культуре особенно ярко выразился в комсомольских изданиях. И начались нападки на художников, которые и в застойные времена подсознательно и сознательно опирались в своих творениях на вековечные, национальные, скажем, христианские духовные ценности. Почитаешь критические статьи в «Огоньке» — Господи,

сколько злобы, сколько ядовитой ненависти к писателям российского патриотического склада. Таким остервенелым лаем разве что Александра Исаевича Солженицына сопровождали в изгнание.

В. Распутин. Об этом трудно, да и не хочется говорить. Водиться и разбираться с этой публикой не делает чести, но и не отвечать нельзя — примут за слабость, за то, что нечем отвечать.

Особенно яростным нападкам подвергается ныне всякое упоминание, всякое обращение к патриотическому чувству. Договорились до последнего: «Патриотизм — это свойство негодяев». Россию хотят обесславить и обеззащитить окончательно, чтобы потом без помех на торг и панель ее — кто дороже даст. Это бесчестная игра, когда святые чувства, соединяющие человека со своей землей и народом, пытаются столкнуть в яму с нечистотами. Не в первый раз возникает братство ненавистников самостоятельной, самобытной России, и ничего тут нового или «демократического» нет, но Россия от этой «традиции» всякий раз несет непоправимый урон.

Что руководит ими? Да все то же: родина там, где лучше кормят, где богаче витрины и свободней нравы. Вот отчего и «деревенщики», через «малую» родину проповедывавшие любовь и обережение к Родине большой, сделались для них сразу мракобесами.

А. Байбородин. Думаю, пока «деревенские» писатели поругивали русский народ и поругивали, очевидно, справедливо (конечно, и с болью, и любовью к нему), пока во всех послеоктябрьских бедах (террор, унесший цвет русского народа, раскрестьянивание, расказачивание, а главное, разрушение православных храмов и гонения на саму веру), — пока во всем этом винили лишь сам народ («свинский материал», по Каменеву), «демократы» и патриоты боролись с царством большевистской лжи в одной упряжке; но как только в русских художниках наконец-то пробудилась и гордость за свой народ, за двухтысячелетнее Отечество, когда стали осознавать к т о, к а к и з а ч е м, о б о л в а н и в н а р о д, в ы в е л е г о н а п л а х у, когда заговорили о продолжении вытекающего из веков самобытного пути России, вот тут-то «левая» критика и обрушилась на писателей-патриотов, завопила: мол, не надо искать врагов извне самого русского народа — вся трагедия россиян уже и в самой русской душе, в этой тысячелетней рабе.

В. Распутин. И столько грязи вылили на эту душу, столько предъявили ей обвинений, так брызжут над ней слюной, а нет оглянуться на себя: вы ведь считаете себя лучшими, передовыми, цивилизованными — и такая брань! Не выдаете ли вы себя не за то, чем в действительности являетесь? Полно, господа! Ведь она, душа эта, только-только стала приподниматься и оглядываться, куда ее, бедную, затуркали, а тут на нее со всех сторон: цыц! Не имеешь права! Не имеешь права в цивилизованном обществе находиться, не вышла породой. Ну, не

расизм ли с другого конца?!

Кому, спрашивается, нужна безликая, бесславная и бессловесная Россия? Если смотреть на нее как на вожделенную и выгодную подстилку для богатых партнеров — тогда да, тогда понятно. Но в таком случае наши «душеведы» больше, чем на сутенеров, не потянут. Если же мы искренно печемся о могучей и светлой России, достойном члене мирового сообщества, то как же ей без своих традиций, обычаев, песен, без русского языка, без святыни! И что это, простите, за народ, если он не будет уважать себя! Всех уважай, а себя не смей — где ж он возьмет уважение к другим, если не выработает его к себе! Нет, в интересах всего мира, каждой нации, большой и малой, чтобы Россия имела свои краски, особенности, свою мысль.

Я не хочу этим сказать, что русская душа без недостатков, что ее на божницу надо. Нет, конечно. Но и под плевательницу ее приспособить не позволим. Вспомните еще раз, что не последние умы как в России, так и на Западе говорили о всемирной отзывчивости русской души.

* * *

А. Байбородин. Мы начали было говорить о том, как сложно теперь молодому традиционному русскому писателю обрести своего читателя, то есть опубликовать произведение в журнале, издать в книге, и чтоб заметила критика, свела с читателем. И причин тут много. На писателей вашего поколения, которые в силу дарования, настойчивости или предприимчивости все же начинали печататься — на них работала, по сути, вся критика, все журналы и издательства, еще не поделенные на «правых» и «левых», на «демократов» и патриотов, теперь же молодому автору, пишущему, скажем, в русских народных нравственных и художественных традициях, издательский выбор самый минимальный, критики работают жестко по направлениям, да и мало уже занимаются духовным, художественным анализом произведений, в политику ударились. А тут еще и коммерция подоспела...

В. Распутин. Коммерция литературе, конечно, противопоказана. Как и религии. Духовное нельзя рассматривать как товар. Когда книга превращается в товар, навязывающий себя, и перестает быть исповедью, молитвой и проповедью, когда литература теряет литургическое звучание, — обречена и художественность, и светоносность. Серьезная книга станет уделом элиты, общество неизбежно очерствеет, в лучшем случае переведет свою душу на правовой механизм. Хотя — в России и это невозможно, русская душа для такого положения не годится. Стало быть, может произойти худшее.

И, конечно, молодому писателю заявить о себе будет неизмеримо труднее. Прежде издательства

обязаны были заботиться о молодых, имели чуть ли не планы для них. Теперь же молодых в условиях рынка может выручить кроме собственных объединений государственная дотация. Литературу, и вообще культуру, переводить на полный хозрасчет, бросать в рынок — преступление. Мы это преступление уже видим, глядя на театр, когда он взялся зарабатывать деньги всеми удобными способами — деньги не пахнут! — вот и цели у него стали бесовские.

Времена предстоят трудные, но я думаю, не безнадежные для литературы. Будем надеяться, что хоть традиция читать книги не плотью, а душой в России не сгинет. Возможно, когда валом повалят книги низкого пошиба, в читателе они вызовут отрыжку. В уме у него пока есть: мыслителями, как и деятелями, без серьезной книги не становятся.

А. Байбородин. Любовь к Отечеству впитывается вместе с молоком матери, потом эта любовь выверяется, высветляется Божьим духом, обогащается и крепнет. Родину, как и мать, никогда не выбирают и не меняют, как не выбирают время, когда удобнее быть патриотом России, а когда пересидеть ратное время в тенечке. Хотя молодым литераторам иногда говорят (и мне говорили): что ты лезешь в политику, что ты суешься в это патриотическое движение — ты же еще ничем ничего?! Заимей сперва авторитет художника, а уж потом и борись за Россию, если уж без этого никак нельзя. И для примера приводили вас, как это ни странно: дескать, не будь у Распутина за спиной его талантливых повестей и рассказов, не будь большого имени, никто бы и слушать его не стал, если бы он даже говорил и писал в статьях то же самое. Словом, дескать, позаботься вначале о воплощении своего художественного дара, а потом уж кидайся в публицистику.

В. Распутин. Время, состояние Отечества, как мы уже поминали, диктуют писателю, в том числе и молодому, начинающему, сам характер поведения; тут не следует забывать и возможности таланта: один начинает с публицистики, другой с повести. Здесь давать рецепты — занятие пустое. Один только совет молодому писателю: не бросать Россию. Это не сулит спокойной жизни, камнями, боюсь, будут продолжать забрасывать и через десять лет... А иные же как рассуждают: сначала я заработаю деньги (даже и не имя), обеспечу себя, потом напишу великую книгу. Не напишет, не получится — лукаво начал.

А. Байбородин. Любовь к России исторической, ощущение опасности, опять нависшей над ней в маскарадной личине безродности, космополитизма — все это, нет худа без добра, стало помаленьку сплачивать наше литературное поколение. И все же трудно сказать, что ваше поколение писателей подготовило себе для опоры достойную смену, крепкие тылы или, наоборот, стойкий передовой отряд.

В. Распутин. Нет, опора, конечно, есть. Но или это закон литературы, или свойство времени, однако 30—35-летний писатель малозаметен. Не знаю, чем это объяснить. Может, оттого, что хлебнули меньше лиха в детстве, в юности? Жизнь была более благополучна... Талант пошел не в глубину, а в ширину. Главное для писателя, что должно даваться Родиной, народом, — язык, а он в последние десятилетия и особенно в последние годы сильно пострадал. Но говорить о том, что поддержка есть, можно без всякой натяжки.

А. Байбородин. Много толковали про Закон о печати, связывая с ним большие литературные, публицистические надежды...

В. Распутин. Закон о печати принят, и говорить теперь о том, нужен или не нужен, бессмысленно. Хотя многие страны, какие мы называем цивилизованными, прекрасно обходятся без него. Теперь все будет зависеть от степени культуры и здравого смысла четвертой власти — как называют печать. Из нее можно сделать общественный террор, новое пропагандное насилие, ярмарку человеческих пороков, средства массовой информации превратить в средства массовой дезинформации, тотальной обработки душ, а можно и наоборот. Пока в борьбе за власть в России преобладает, как мы видим, первое. Кроме того, — еще и до Закона, а сейчас и под защитой Закона — такое половодье грязных листков, такое бесстыдство, каких, поверьте, нигде в мире нет. Особенно усердствуют, помимо всяких кооператоров, молодежные издания. Вообще, надо признать: молодежь свою мы бросили на произвол судьбы.

А. Байбородин. Вот вы помянули кооператоров... Дело еще в том, что в большинстве своем нынешние кооператоры, как, видимо, и заправилы «теневой экономики», — это ведь не российские купцы, которые несли в себе православную нравственность, были патриотами России и непосредственно своих уездных и губернских городов и которые на собственные средства возвели наши чудо-города, открывали милосердные, сиропитательные Дома, приюты гимназии, училища, библиотеки, театры, художественные музеи, которые, наконец, замаливая неизбежные торговые, житейские грехи, на свои капиталы строили православные храмы — нынешние памятники архитектуры, да и так немало жертвовали в епархии. А сегодняшние предприниматели не больно-то разбегутся жертвовать на благо и красу России. Но, может, я ошибаюсь, дай-то Бог.

В. Распутин. Грязные деньги на добрые и чистые дела не даются. Их может пожертвовать только кооператор-производитель, кому они достаются тяжким трудом. Да и то не всякий.

А. Байбородин. Вот мы заговорили о печати... Не знаю, что будет дальше, но простонародье уже пугает разрушение в прессе духовных идеалов (и коммунистических, и российских исторических), как и воспевание того, что еще недавно считалось низким даже для обсуждения. Я об этом сужу из

мнений своей многочисленной родни, своих деревенских земляков, которые не могут постигнуть: что творится на белом свете и куда мы катимся, а, не постигая, живут в постоянном страхе, в напряжении.

В. Распутин. Настроение от всего порой бывает такое, что хоть не живи. Единственное спасение — работа; объединенная работа всех, кому дорога Россия, реки ее и леса, песни и сказания, предания «старины глубокой», кто благодарен ей за свое происхождение и верит в ее будущее. Ни за какие посулы, ни за какие пряники не отдавать Россию тем, кто наладился ею торговать, кто сидит с ножницами над ее картой и кто остатки ее святости превращает в посмешище.

Много чего за свою историю вынесла и перетерпела Россия, но самый жестокий удар нанесен был ей в этом веке. Едва лишь она с великим трудом стала приходить в себя, поднялись на нее собственные, взращенные за десятилетия манкурты — неразумные, оболваненные сыновья, не ведающие, что творят... Такого испытания еще не бывало, но... если не оставлять Россию, если стоять всем миром за честь ее и достоинство, за целостность ее просторов и братство всех составляющих ее народов, — лучшей своей частью поверившая в себя, вынесет Россия и это.

Диалог записан на магнитную пленку и обработан в июне — августе 1990 г.

Н. А. Соколов

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ*

Генерал N[1] показывает: «В Киеве в германской комендатуре встретился с неизвестным мне господином. Он называл себя корнетом Крымского Конного полка имени Государыни Императрицы Александры Федоровны. Он говорил, что он пасынок генерал-губернатора Думбадзе, по фамилии Марков. Мать его урожденная Краузе. Марков — определенный монархист ярко выраженной германской складки. Марков рассказывал, что он ездил по пятам за царской семьей и был в Царском, когда она была там заключена. Потом, как он говорил, командовал где-то эскадроном красных и попал в Тобольск... Он говорил, что, уехав из Тобольска, он уже в Москве узнал, что их перевозят в Екатеринбург. Все, кто слушали, указывали ему на то, что царская семья убита... Марков уверял нас, что царская семья жива и где-то скрывается. Он говорил, что он знает, где они все находятся, но не желал указать, где именно... В Киеве этот самый Марков был на совершенно особом положении у немцев. Он сносился телеграммами с немецким командованием в Берлине. Немцы за ним очень ухаживали. Из Киева он выехал не с нашим эшелоном, а с германским командованием. Если он выходил в город, его сопровождали два немецких капрала. Он говорил, что он сам бывал везде и в советской России имел повсюду доступ у большевиков через немцев».

Марков представил, по моему требованию, свои письменные показания по делу[2].

Нужно самому читать их!

---

[1] Этот свидетель был допрошен мною 2 сентября 1919 года в Омске.

[2] Свои письменные показания С. В. Марков представил доверенному от меня лицу 26 марта, 18 и 19 апреля 1921 года.

«В период от 19 июля по 15 августа (когда я уехал из Петербурга в Киев) по всем наведенным мною справкам у немцев, которые имели связь тогда со Смольным (чиновник немецкого генерального консульства в Питере Герман Шилл, других не помню), — семья была жива. Постоянно немцы говорили: «Да, вероятно, Государь расстрелян, но семья жива». Да, я говорил с Шиллом, других, с кем говорил, не помню».

В октябре месяце 1918 года происходит в Киеве свидание Маркова с неким г. Магенером: «...Магенер в половине октября приехал в Киев. Оказался чиновником германского министерства иностранных дел. Лет 53-х. Говорит отлично по-русски, до войны 23 года жил в Одессе, у него было какое-то коммерческое дело. Перед войной он уехал в Германию. Магенер категорически заявил, что царская семья жива, но о Государе он ничего не знает, но во всяком случае Государь не с семьей. Это он узнал от Германской разведки в Пермской губернии. Он говорил с Иоффе и Радеком, они оба категорически сказали, что царская семья жива».

«К концу 1918 года я познакомился с немецким военным шпионом, фамилии его не помню, но знаю, что он работал два с половиной года во время войны на радио-телеграфах в Москве. Он сказал мне, что его племянник работал в последнее время в пределах Пермской губернии и говорил ему, что царская семья безусловно жива и находится в постоянных передвижениях в Пермской губернии».

Так говорит «хороший русский человек», от которого Императрица ждала себе спасение. И какой странный круг знакомств для русского офицера...

В конце 1918 года Марков уехал в Берлин.

Еще до отъезда Маркова из Сибири думал о «загранице» и Соловьев.

В дневнике его жены мы читаем:

9 мая 1918 года: «В последнее время Боря стал раздражителен, сердит. Прямо беда. Мечтаем ехать за границу, едва ли наши мечты исполнятся. Что Бог даст, ну и слава Богу».

18 мая того же года: «Мечтаем ехать за границу, не знаем, что Бог даст».

Уехать в то время за границу Соловьеву не удалось. Он остался в Сибири.

Весь мир свидетель, что происходило в то время в Сибири. Там доблестное русское офицерство жертвенно проливало свою кровь, за жизнь и за честь Родины.

А Соловьев?

В дневнике его супруги мы читаем:

13 августа 1918 года: «Всех офицеров забирают, боюсь, как бы Борю не забрали, и он тоже боится этого».

28 сентября того же года: «Когда-то Боря приедет, уж соскучилась я о нем ужасно. Бедный, тяжело ему. Ведь его могут взять на войну, а он так боится всего этого».

Чрезвычайно странную жизнь вел все это время Соловьев. Он разъезжал по свободной от большевиков территории от Симбирска до Владивостока, бывая иногда и в Тобольске.

Иногда у него не бывало денег, иногда он откуда-то доставал их и сорил ими.

В Тобольск он кинулся в тот самый день, как через Тюмень проехали дети. Там он видел Анну Романову и узнал от нее, где находятся в Тобольске царские драгоценности, часть которых была оставлена там. Позднее он продал содержанке атамана Семенова бриллиантовый кулон за 50 000 рублей.

Когда военная власть обыскивала его во Владивостоке, у него нашли два кредитных письма на английском языке. Неизвестное лицо предлагало в них Русско-Азиатскому Банку уплатить «в наилучшем размене» самому Соловьеву 15 000 рублей и его жене 5 000 рублей.

Я спрашивал Соловьева, кто и за что дал ему эти письма. Он показал, что ему дал их незнакомый, с которым он только в первый раз встретился в поезде, по имени Ганс ван дер Дауэр».

Фотографический снимок передает вид одного из этих писем.

Есть один штрих, проливающий некоторый свет на эту пору жизни Соловьева.

Свидетель Мельник показывает: «В последних числах сентября 1918 года (старого стиля) N[1] приехал ко мне в Тобольск; к этому времени относится и появление там Соловьева, которого я раз видел мельком на улице. Я попросил N узнать, для чего Соловьев здесь и почему он не мобилизован. На первый вопрос Соловьев ответил уклончиво, а на второй сказал, что от военной службы он уклоняется, скрывая свое офицерское звание. Я попросил N не терять его из вида. Через два или три дня N рассказал, что он был у Соловьева, у которого в номере сидело три незнакомых человека. Соловьев представил им N как своего

---

[1] Офицер и посланец Н. Е. Маркова, о котором речь шла выше.

друга. Подозрительный вид этих людей и иностранный акцент одного из них заставил N насторожиться. Много пили, но N был осторожен и внимательно следил за ними. Когда уже было много выпито и N вел беседу с Соловьевым, то слышал какие-то странные разговоры остальных гостей между собой. Говорили о какой-то подготовке и о каких-то поездках, но заметив, что обратили на себя внимание N, замолчали. Перед уходом N Соловьев посоветовал ему скорее уезжать, так как в Тобольске не безопасно. Когда я попросил N выяснить, почему считают пребывание здесь небезопасным, Соловьев представился ничего не помнящим. Мы не обратили на это должного внимания, но дней через 5—6 в тобольской тюрьме, в которой содержалось больше 2 000 красноармейцев и до 30 красных офицеров, вспыхнуло восстание, чуть ли не окончившееся разгромом города, так как в гарнизоне насчитывалось только 120 штыков. Аналогичные выступления большевиков были одновременно и в других городах. Поручик Соловьев исчез с горизонта за день или за два до восстания. Его приятели, которые, по собранным сведениям, имели какое-то отношение к шведской миссии, состоявшей из немцев (был только один швед, но шведского языка не знал, а говорил только по-немецки), тоже исчезли. Еще до приезда Соловьева в Тобольск мне от многих лиц приходилось слышать, что священник Васильев, поссорившись с Соловьевым, грозил запрятать его в тюрьму, как германского шпиона».

Долго, упорно скрывал Соловьев свое офицерское звание. Но дальше скрываться было нельзя. Он открыл его 26 ноября 1918 года в г. Харбине, за несколько тысяч верст от фронта. Я спросил его, почему он не сделал этого в Омске. Он ответил, что служить в Омске ему не позволили его «монархические» убеждения.

При обыске у Соловьева были найдены четыре книги. Это — секретная разведка Штаба Приамурского Военного Округа во владениях Китая и Японии. Она широко освещала политическую жизнь этих стран.

В этих книгах, как они были найдены у Соловьева, оказались карандашные пометки. Они сделаны там, где освещаются отношения Китая к Германии.

В дневнике Соловьева я нашел тот самый знак, которым пользовалась Императрица.

Соловьев ответил мне, что это — индийский знак, означающий вечность. Он уклонился от дальнейших объяснений.

Марков был более откровенен и показал: «Условный

знак нашей организации был свастика. Императрица его знала.

Соловьев пытался выдать себя на следствии за простого симбирского обывателя. Марков показал, что Соловьев до войны проживал некоторое время в Берлине, а затем в Индии, где обучался под руководством какого-то испытателя в теософической школе в г. Адьяре.

Соловьев доставил в Тобольск Императрице от имени Вырубовой 35 000 рублей. Это создавало, конечно, хорошее впечатление, вызывало доверие, чувство трогательной признательности.

На чьи деньги работала Вырубова?

Многим, вероятно, известно имя банкира и сахарозаводчика К. И. Ярошинского.

Поручик Логинов, наблюдавший за Соловьевым, показывает, что Ярошинский был агент немцев; что в войну он имел от них громадные денежные суммы и на них вел по директивам врага борьбу с Россией; что на эти деньги и работала в Сибири Вырубова.

Как судья, я по совести должен сказать, что роль Ярошинского осталась для меня темной.

Мой долг указать строгие факты.

Ярошинский был известен Императрице. Он финансировал лазарет имени Великих Княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны и в то же время был помощником коменданта личного санитарного поезда Императрицы.

Нет сомнений, что он имел связи с кружком Распутина и был близок с Манасевичем-Мануйловым и с Вырубовой.

Ярошинский[1] показал мне при допросе, что он давал деньги Вырубовой для царской семьи, когда она была в Тобольске, и израсходовал на это дело 175 000 рублей.

В то же время он категорически отверг всякую связь, даже простое знакомство с Соловьевым.

Соловьев же показал, что он состоял на службе у Ярошинского, был его личным секретарем за определенное жалованье.

В дневнике его жены мы читаем 2 марта 1918 года: «Только что Боря ушел к Ерошкину... Я знаю, сколько дал Боре денег Ерошинский, но он не хочет дать денег мне. Он рассуждает так: его деньги есть его, а мои тоже его».

Как бы ни было, роль Соловьева ясна. Он вел наблюде-

---

[1] Свидетель К. И. Ярошинский был допрошен мною 1 сентября 1920 года в Париже.

ние за царской семьей и пресекал попытки русских людей прийти к ней на помощь.

В чьих интересах делалось это?

Весной 1918 года русские монархисты вели переговоры с немцами о свержении власти большевиков.

Одно из таких лиц член Государственного Совета Гурко[2] показывает: «Когда во время этих переговоров немцам было указано на опасность, угрожающую царской семье, если мы начнем своими силами переворот, то немцами был дан ответ: «Вы можете быть совершенно спокойны. Царская семья под нашей охраной и наблюдением». Я не могу ручаться, что точно передаю их слова, но смысл был именно тот».

Не питаю сомнений, что Соловьев работал на немцев.

Попытки русских людей спасти царскую семью

Все поведение Яковлева исключало даже и тень подозрения, что увоз Государя из Тобольска грозил ему лично какой-либо опасностью.

Так думал и сам Государь. Он выразил свой взгляд в отзыве о Яковлеве.

Может быть, в таком случае, увоз Царя из Тобольска был простой попыткой спасти его, вырвать его из рук большевиков?

Конечно, такое намерение могло родиться только в русских монархических группах. Оно могло стать реальной попыткой в силу политической обстановки только по воле немцев.

Если до войны многие из нас, являясь ее противниками, не видели врага в Германии, то после революции, когда страна все больше охватывалась пламенем анархии и, брошенная союзниками, была всецело предоставлена самой себе, такой взгляд стал находить еще больше сторонников.

Самый переворот 25 октября ст. ст. многим казался кратковременным, непрочным и усиливал надежды на помощь Германии.

Окончательно ликвидировав эфемерную власть Вре-

---

[2] Свидетель В. И. Гурко был допрошен мною 20 ноября 1920 года в Париже.

менного Правительства, он тем самым ускорил группировку общественно-политических сил.

После прибытия в Петроград в конце 1917 года немецких комиссий во главе с Кайзерлингом и графом Мирбахом русские группы начали переговоры с немцами. Позднее, с переездом Мирбаха в Москву, переговоры велись здесь.

Они не привели ни к чему.

Полагая, что, быть может, первая стадия этих переговоров, когда не определился еще разрыв, обусловила согласие немцев вырвать царскую семью из рук большевиков, я здесь искал разрешение вопроса.

В январе месяце 1918 года группа русских монархистов в Москве послала в Тобольск своего человека к царской семье.

Примыкавший к этой группе Кривошеин[1] показал на следствии:

«Главная задача была обеспечить возможность быть в курсе того, что делается с царской семьей, облегчить в той или иной степени и форме условия ее жизни и, в этих целях, установить способы постоянного общения с ней на будущее время».

Посланец выяснил обстановку на месте и сообщил тревожные сведения. Царская семья, прежде всего, не имела денег. Правда, она имела драгоценности, но в ее положении их было затруднительно превратить в деньги.

Было собрано 250000 руб. Эти деньги то же самое лицо в марте месяце вторично доставило в Тобольск и вручило их Татищеву и Долгорукову.

Через последних группа установила условное письменное общение с Государем.

Дня за два до увоза его из Тобольска группа получила оттуда тревожную телеграмму.

Кривошеин передает ее содержание: «Врачи потребовали безотлагательного отъезда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаем поездку нежелательной. Просим дать совет. Положение крайне трудное».

В таких же выражениях передает содержание этой телеграммы участник группы сенатор Нейдгарт[2].

---

[1] Свидетель А. В. Кривошеин был допрошен мною 17 января и 6 февраля 1921 года в Париже.

[2] Свидетель Д. Б. Нейдгарт был допрошен мною 27 и 29 января 1921 года в Париже и 29 мая того же года в Рейхенгалле.

Кривошеин показывает: «Смысл ее тогда для нас был совершенно неясен, но несомненно тревожен. Наш ответ был примерно такого содержания: «Никаких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеется. Не зная положения больного и обстоятельств, высказаться определенно крайне трудно, но советуем поездку по возможности отдалить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей».

Спустя короткое время, тем же порядком была получена вторая телеграмма из Тобольска: «Необходимо подчиниться врачам».

Кривошеин говорит: «Обе эти телеграммы нас до крайности смутили и встревожили, но в чем именно состояла угроза, которой Государь вынуждался выехать из Тобольска, от кого именно она исходила и какая при этом преследовалась цель, нам в то время было, конечно, неясно».

Чтобы выяснить все это, в Тобольск были отправлены два лица. Было поздно. Они не застали Государя в Тобольске. Он был уже в Екатеринбурге.

Общая разруха все больше охватывала страну. Она внушала все более беспокойства за царскую семью.

«Мучительно ища выхода,— говорит Кривошеин,— и сознавая свое бессилие помочь царской семье, мы решили обратиться к той единственной тогда силе, которая могла облегчить положение семьи и предотвратить опасность, буде она ей угрожала,— в германское посольство».

Несколько лиц обращалось к графу Мирбаху. В числе их был сенатор Нейдгарт.

Он показал: «Ввиду того положения, которое занимали немцы весной 1918 года в России, наша группа, в целях улучшения положения царской семьи, пыталась сделать все возможное в этом отношении через немецкого посла графа Мирбаха. По этому вопросу я сам лично обращался к Мирбаху три раза. В первый раз я был у него еще тогда, когда мы ничего не знали об отъезде царской семьи из Тобольска. В общей форме я просил Мирбаха сделать все возможное для улучшения ее положения. Мирбах обещал мне оказать свое содействие в этом направлении и, если не ошибаюсь, он употребил выражение «потребую». Когда мы узнали об увозе семьи, я снова был у Мирбаха и говорил с ним об этом. Он успокаивал меня общими фразами. На меня произвело впечатление, что остановка царской семьи в Екатеринбурге имела место помимо его воли. Исходило ли от него приказание о самом увозе семьи из

Тобольска куда-либо в целях ее спасения, я сказать не могу».

По некоторым причинам, о которых я считаю возможным говорить здесь, сенатор Нейдгарт сглаживает горечь мирбаховских ответов.

Проверяя его, я допрашивал лидера русского монархического движения Трепова[1], проживающего в то время в Петрограде. Он показал: «По вопросу о действиях московских монархических групп, имевших целью спасения жизни Государя Императора и царской семьи, я могу показать следующее. В 1918 году, когда я проживал в Петрограде, ко мне обратился приехавший из Москвы сенатор Нейдгарт с просьбой обсудить указанный вопрос. Он сообщил мне, что московская группа монархистов, изыскивая способы охранить жизнь Его Величества, нашла нужным обратиться в данном случае к содействию немецкого в Москве правительства, что и было сделано. Однако она далеко не удовлетворена отношением как к ней, так и к возбужденному ею вопросу со стороны германского посла. Граф Мирбах, по словам Нейдгарта, сначала вовсе уклонялся от всяких сношении с группой. В конце концов, он согласился принять Нейдгарта, но свидания были короткие, холодные, не дали ничего определенного и, скорее, как говорил Нейдгарт, свидетельствовали об уклончивом отношении графа Мирбаха к указанному вопросу об охранении благополучия Государя Императора и царской семьи. Поэтому-то изыскивая способы воздействия на немецкую власть в том или ином смысле, сенатор Нейдгарт и прибыл тогда в Петроград и пришел для обсуждения этого вопроса ко мне. Разделяя в душе соображения московских монархистов, я весьма обеспокоился создавшимся положением. Обсудив его совместно с Нейдгартом, я остановился на мысли, что он обратится с письмом к обер-гофмаршалу графу Бенкендорфу и предложит ему написать письмо к графу Мирбаху. При этом я категорически высказался, что письмо это, на мой взгляд, во-первых, отнюдь не должно было иметь просительного тона и, во-вторых, оно отнюдь не должно было носить политического характера, ибо в противном случае вопрос о жизни Государя Императора, буде бы Его Величеству угодно было не разделить того или иного нашего политического взгляда, предложения и т. п., высказанных в этом письме, носил бы не абсолютный, а условный харак-

---

[1] Свидетель А. Ф. Трепов был допрошен мною 16 февраля 1921 года в Париже.

тер. Я находил нужным высказать в письме, что по условиям тогдашней русской действительности одни только немцы могли предпринять реальные действия, способные достигнуть желательной цели. Поэтому, раз они могут спасти жизнь Государя и его семьи, то и должны это сделать по чувству чести. Если они этого не исполнят, они явятся или могут оказаться в роли попустителей тягчайшего преступления, о чем мы в свое время объявим всему миру. Хотя для нас ясно, что они и сами это отлично понимают, но, чтобы не было никаких отговорок, и пишется настоящее письмо, дабы впоследствии они не могли сказать, что не были предупреждены нами о грозящей царской семье опасности. Кроме того, я находил нужным непременно поместить в письме, что настаивается на необходимости, чтобы содержание его было доложено императору Вильгельму, который, вследствие этого, и явится главным ответственным лицом в случае несчастья. Вот именно таким должно было быть письмо от графа Бенкендорфа к графу Мирбаху, как я находил, с чем был согласен и сенатор Нейдгарт. Нейдгарт, как только мы с ним обсудили этот вопрос, отправился немедленно к графу Бенкендорфу... Оттуда, если не ошибаюсь, он мне протелефонировал, что граф Бенкендорф, предварительно желает видеться со мной. На следующий день я был у Бенкендорфа в его квартире. Наше свидание имело место в присутствии также Нейдгарта. Я снова повторил те мысли, которые я уже высказал Нейдгарту и которые я находил нужным поместить в письме. Граф Бенкендорф вполне со мной согласился и просил меня быть у него на следующий день, обещаясь изготовить к этому времени письмо. Я был на другой день у Бенкендорфа. Составленное им письмо содержало в точности высказанные мною пожелания; кроме них в письме были лишь ссылка на личные отношения графа Бекендорфа и графа Мирбаха. Письмо графа Бенкендорфа было передано Нейдгарту, и он, как мне помнится, на следующий день уехал в Москву.

Нейдгарт не видел в этот раз Мирбаха и оставил письмо в немецком посольстве. Это произошло 7 или 8 мая, когда Государь был уже в Екатеринбурге.

Увоз Государя из Тобольска не зависел от желания русских монархистов спасти его. Они даже не знали об этом.

Быть может, немцы сами хотели спасти Царя?

Кривошеин показывает: «Мы не преследовали при этом никаких политических целей и исходили из самых элементарных побуждений гуманности и нашей преданности семье... Граф Мирбах принимал их (русских монархистов)

весьма сухо и сказанное им в ответе на просьбу обратить внимание на необходимость принять меры для ограждения безопасности царской семьи сводилось, приблизительно, к следующему: «Все происходящее с Россией есть вполне естественное и неизбежное последствие победы Германии. Повторяется обычная история: горе побежденным. Если бы победа была на стороне союзников, положение Германии несомненно стало бы гораздо худшим, чем положение России теперь. В частности, судьба Русского Царя зависит только от русского народа. Если о чем надо подумать, это об ограждении безопасности находящихся в России немецких принцесс».

Государь правильно понял Яковлева. Скрываясь под маской большевика, он пытался увезти Царя и Наследника, выполняя немецкую волю. Нельзя не видеть этого, если вдумчиво отнестись к тому, что делал Яковлев в Тобольске и в пути.

Но не Царя спасали немцы, пытаясь увезти его из Тобольска, а свои интересы.

Все время в Тобольске Царь был под их наблюдением. Было использовано старое, испытанное средство: их шпионы имели на себе печать Распутина. Таким путем немцы боролись с русскими патриотами, не допуская увоза ими Царя.

Они сами увезли его, когда опасность их интересам стала реальной. Если Государь и после отречения от Престола призывал к борьбе с врагом, мог ли враг оставить его и сына там, где для него снова возникла угроза восстановления фронта, возникновения былой русской мощи в лице Русской Армии, на знамени которой всегда были начертаны слова «Великая Россия», пока она была Императорской?

Цель увоза несомненно носила политический характер. Поэтому-то все внимание Яковлева и было приковано к особе Государя и Наследника Цесаревича. Но она была не положительная, а отрицательная: не допустить, чтобы Государь остался в обстановке, опасной для немцев.

Сам Государь думал иначе. Он полагал, что им и его сыном хотят воспользоваться в положительных целях.

Я не нахожу в данных следствия подтверждения такому взгляду и объясняю его психологическим состоянием Государя.

Мужественно, без ропота, с истинным достоинством он нес крест своих личных страданий.

Но те, кто его близко знал, поймут, вероятно, что оз-

начало, что в Тобольске он потерял самую типичную черту своего характера: свою нечеловеческую выдержанность. Он был не в силах более скрывать надлома своей души и выражал это и в беседах, и в молчаливо-мрачном состоянии духа.

Жильяр показывает: «Однако как ни старался владеть собой Государь, при всей его выдержанности, он не мог скрыть своих ужасных страданий, которым он подвергался со времени Брестского договора. С ним произошла заметная перемена. Она отражалась на его настроении, духовных переживаниях. Я бы сказал, что этим договором Его Величество был подавлен, как тяжким горем. В это именно время Государь несколько раз вел со мной разговоры на политические темы, чего он никогда не позволял себе ранее. Видно было, что его душа искала общения с душой другого, чтобы найти себе облегчение. Я могу передать смысл его слов, его мысли. До Брестского договора Государь верил в будущее благополучие России. После же этого договора он, видимо, потерял эту веру. В это время он в резких суждениях выражался о Керенском и Гучкове, считая их одними из самых главных виновников развала армии. Обвиняя их в этом, он говорил, что тем самым бессознательно для самих себя они дали немцам возможность разложить Россию. На Брестский договор Государь смотрел, как на позор перед союзниками, как на измену России и союзникам. Он говорил приблизительно так: «И они смели подозревать Ее Величество в измене! Кто же на самом деле изменник?»

Царя пугала судьба России. Он скорбел за свой народ.

Многие из нас легко похоронили Императора Николая II. Он в своей душе никогда не хоронил нас и продолжал оставаться нашим Царем.

Здесь и коренится источник его взгляда, что враг хотел воспользоваться им с положительными целями.

Куда везли Государя?

Немцы увозили его ближе к расположению своих вооруженных сил на территории России. Князь Долгоруков был с Государем до самого последнего времени. От дверей ипатьевского дома отправили его в тюрьму. Там он говорил, что Яковлев вез Государя в Ригу.

Почему большевики не пропустили Царя?

Это вопрос — праздный. Царь был им всегда опасен, хотя бы и в немецких руках.

Нельзя думать, что Екатеринбург самовольно не подчинился Москве и сам задержал Государя. Подписывая од-

ной рукой полномочия Яковлева, Свердлов другой рукой подписывал иное. Задержала Царя в Екатеринбурге, конечно, Москва. Свердлов обманывал немцев, ссылаясь на мнимый предлог неповиновения Екатеринбурга. Мы скоро увидим, как все это произошло.

Перевоз детей из Тобольска

Задержание Государя в Екатеринбурге, вероятно, не встретило, в конце концов, возражений немцев. Екатеринбург лежит на железной дороге. Он был более безопасен для них, чем глухой Тобольск, отрезанный от железнодорожных путей и дальностью расстояния, и реками.

Но здесь оставался еще Наследник Цесаревич. Нужно было спешить с увозом его.

С отъездом Яковлева власть над детьми перешла в руки его сподвижника матроса Павла Хохрякова, имевшего полномочия от цика и уральского областного совдепа.

Хохряков копировал Яковлева.

Все его внимание было сосредоточено на Наследнике. Он спешил увезти его и тщательно следил, действительно ли он болен.

Гиббс показывает: «Он приходил и смотрел Алексея Николаевича. Он, должно быть, не верил его болезни, потому что, посмотрев его, он ушел, но тут же вернулся, думая, должно быть, что он после его ухода встанет».

Гендрикова отмечает в своем дневнике 16 мая: «Хохряков приходит по нескольку раз в день, видимо, очень торопится с отъездом».

Кончилось тем, что Наследник был увезен из Тобольска полубольным. С чьими интересами считался Хохряков?

17 мая отряд полковника Кобылинского был распущен и заменен красногвардейцами.

Вот его состав:[1]

1 взвод

1. Зен,
2. Кокоруш,
3. Дрерве,
4. Неброчников,
5. Иковнек или Иковиен,
6. Виксна,
7. Гравит,
8. Страсдан,

---

[1] Эти списки представлены следствию 1 сентября 1919 года № 29 386 начальником контрразведки Штаба Верховного Главнокомандующего.

9. Таркш,
10. Пурин,
11. Овсейчик,
12. Прус,
13. Аленкуц или Лясикуц,
14. Гредзен или Герзден,
15. Лепин,
16. Эгель,
17. Герунас,
18. Брандт или Брайдт,
19. Озолин.

2 взвод

20. Плуме,
21. Грике,
22. Пранучкис или Транучкис,
23. Бильскам,
24. Вилемсон,
25. Цекулит,
26. Макон,
27. Якубовский,
28. Альшкин,
29. Баранов,
30. Рольман,
31. Крайно,
32. Оявер,
33. Кирщянский,
34. Фруль,
35. Блуме,
36. Мальне или Мельне,
37. Яузен или Яунзем,
38. Тиман,
39. Дзиркаль или Дзиркам,
40. Корсак или Карсак,
41. Ларишев или Ларицев,
42. Штернберг,
43. Гинтар.

3 взвод

44. Дубульд или Дубульт,
45. Аунин,
46. Берзин,
47. Сирснин или Сирсник,
48. Табак,
49. Штеллер,
50. Чсальнек (фамилия точно не установлена),
51. Сея,
52. Рейнгольд,
53. Бойлик или Байлик,
54. Герц,
55. Зиверт,
56. Таркянин,
57. Диев,
58. Залин,
59. Лигбард,
60. Пумпур,
61. Гейде,
62. Волков,
63. Кейре.

Пулеметная команда

64. Гусман,
65. Лицит,
66. Перланцек,
67. Тобок,
68. Цалит или Цалищ,
69. Зильберт,
70. Берзин,
71. Орлов,
72. Гусаченко.

Во главе этого отряда, состоявшего почти сплошь из латышей, был человек, носивший фамилию Родионова.

При встрече с ним кому-то из свиты припомнилось: пограничная с Германией станция Вержболово, проверка

паспортов, жандарм, похожий на Родионова.

Завеса над ним немного приподнялась, когда он увиделся с Татищевым.

Камердинер Волков показывает: «Родионов, увидев Татищева, сказал ему: «Я вас знаю». Татищев его спросил, откуда он его знает, где он его видел. Родионов не ответил ему. Тогда Татищев спросил его: «Где же вы могли меня видеть. Ведь я жил в Берлине». Тогда Родионов ему ответил: «И я был в Берлине». Татищев попытался подробнее узнать, где же именно в Берлине видел его Родионов, но он уклонился от ответа, и разговор остался у них незаконченным».

Так же говорят и другие свидетели: Кобылинский, Жильяр, Гиббс, Теглева, Эрсберг.

Генерал М. К. Дитерихс занимал должность генерал-квартирмейстера в ставке, когда был убит генерал Духонин. Он говорит в своей книге, что этот Родионов был в числе убийц Духонина[1].

Как Родионов относился к детям Царя и к тем, кто самоотверженно служил им до самого конца?

Свидетели показывают:

КОБЫЛИНСКИЙ: «Я бы сказал, что в нем чувствовался «жандарм», но не хороший дисциплинированный солдат-жандарм, а кровожадный, жестокий человек с некоторыми приемами и манерами жандармского сыщика... Родионов, как только появился у нас, пришел в дом и устроил всем форменную перекличку. Это поразило меня и всех других. Хам, грубый зверь сразу же показал себя... Была в это время всего-навсего одна, кажется, служба в доме. Латыши обыскивали священника; обыскивали грубо, ощупывая, монашенок, перерыли все на престоле. Во время богослужения Родионов поставил латыша около престола следить за священником. Это так всех угнетало, на всех так подействовало, что Ольга Николаевна плакала и говорила, что, если бы она знала, что так будет, она и не стала бы просить о богослужении. Когда меня не впустили больше в дом, я и сам не выдержал и заболел: слег в постель».

МУНДЕЛЬ: «Сам Родионов производил впечатление наглого, в высшей степени нахального человека, с язвительной улыбочкой. Это не тип прапорщика, а скорее всего жандармского офицера. Вот что я могу удостоверить: у него была шинель офицерского сукна, как носили и жандармы».

---

[1] М. К. Дитерихс. Убийство Царской Семьи и Дома Романовых на Урале. Часть I. С. 352.

ТЕГЛЕВА: «Про Хохрякова я не могу сказать ничего плохого. Он не играл значительной роли. Заметно было, что главным лицом был не он, а именно Родионов. Это был гад, злобный гад, которому, видимо, доставляло удовольствие мучить нас. Он это делал с удовольствием. Он явился к нам и всех нас пересчитал, как вещи. Он держал себя грубо и нагло с детьми. Он запретил на ночь запирать комнаты, даже Княжон, объясняя, что он имеет право во всякое время входить к ним. Волков что-то сказал ему по этому поводу: девушки, неловко. Он сейчас же помчался и в грубой форме повторил свой приказ Ольге Николаевне. Он тщательно обыскивал монахинь, когда они приходили к нам петь и при богослужении, и поставил своего красноармейца у престола следить за священником. Когда мы укладывались, я, убрав кровать, собиралась спать на стуле, он мне сказал: «Это полезно. Вам надо привыкать. Там совсем другой режим, чем здесь».

20 мая в 11 часов дня детей поместили на тот же пароход «Русь», на котором они приехали в Тобольск. В 3 часа дня они уехали в Тюмень.

С ними отправились: 1. Илья Леонидович Татищев, 2. Петр Андреевич Жильяр, 3. Сидней Иванович Гиббс, 4. графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, 5. баронесса София Карловна Буксгевдень, 6. Екатерина Адольфовна Шнейдер, 7. Александра Александровна Теглева, 8. Елизавета Николаевна Эрсберг, 9. Мария Густавовна Тутельберг, 10. камердинер Алексей Андреевич Волков, 11. дядька Наследника Клементий Григорьевич Нагорный, 12. повар Иван Михайлович Харитонов, 13. повар Кокичев, 14. поварской ученик Леонид Седнев, 15. официант Франц Журавский, 16. писец Александр Кирпичников, 17. парикмахер Алексей Дмитриев, 18. лакей Сергей Иванов, 19. лакей Тютин, 20. лакей Алексей Егорович Трупп, 21. кухонный служитель Франц Пюрковский, 22. кухонный служитель Терехов; 23. служитель Смирнов, 24. прислуга Гендриковой Паулина Межанц, 25. и 26. прислуга Шнейдер Екатерина Живая и Мария.

Как ехали дети?

Свидетели показывают:

ЖИЛЬЯР: «Родионов держал себя очень нехорошо. Он запер каюту, в которой находились Алексей Николаевич с Нагорным, снаружи. Все остальные каюты, в том числе и Великих Княжон, были не заперты на ключ изнутри».

ТЕГЛЕВА: «Родионов запретил Княжнам запирать на ночь их каюты, а Алексея Николаевича с Нагорным он

запер снаружи замком. Нагорный устроил ему скандал и ругался: «Какое нахальство! Больной мальчик! Нельзя в уборную выйти!» Нагорный вообще держал себя смело с Родионовым, и свою будущую судьбу он предсказал себе сам».

22 мая утром дети приехали в Тюмень. Несколько часов ушло в ожидании поезда. Затем они уехали в Екатеринбург.

Дети ехали в классном вагоне. С ними помещались Татищев, Гендрикова, Буксгевден, Шнейдер, Эрсберг и Нагорный. Все остальные ехали в товарном вагоне.

23 мая в 2 часа утра дети приехали в Екатеринбург. Всю ночь вагоны катались по путям. В 9 часов их продвинули между вокзалами Екатеринбург I и Екатеринбург II. Были поданы извозчики. На них детей увезли в Ипатьевский дом.

Отмечу, что председатель тобольского совдепа Павел Хохряков, доставил детей в Екатеринбург, больше не возвращался в Тобольск. Видимо, миссия никому здесь неизвестного «выборного» председателя этого «выборного» учреждения была окончена.

Задержание Государя, Государыни и Великой Княжны Марии Николаевны в Екатеринбурге. Переезд их и остальных детей в дом Ипатьева

Весной 1918 года был в Екатеринбурге особый железнодорожный отряд, занимавшийся расстрелами в пределах железной дороги.

Во главе его был кр-н Парфений Титов Самохвалов, служивший также шофером в советском гараже.

Ему и было доверено перевезти в автомобиле Государя, Государыню и Марию Николаевну с вокзала в дом Ипатьева.

Самохвалов[1] показал на следствии: «Я не помню, какого числа это было, но помню, что в апреле месяце меня вызвал в здание Екатеринбургского окружного суда комис-

[1] Самохвалов скрывался на территории Адмирала и был пойман контрразведкой Штаба Верховного Главнокомандующего в октябре месяце 1919 года. Он был мною допрошен в качестве свидетеля 20—21 ноября 1919 года в г. Чите.

сар Голощекин и приказал мне следить, чтобы все благополучно было в гараже с машинами».

Через несколько дней ему было приказано подать автомобиль к дому Ипатьева. Самохвалов не знал тогда этого дома. Он говорит описательно: «Мы все поехали к дому на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Я не знал, кому именно принадлежал этот дом. Он каменный, белый. В тот момент он был обнесен деревянным забором, не закрывавшим парадного крыльца и ворот. Я вижу фотографические изображения дома, которые вы мне сейчас показываете, и утверждаю, что к этому именно дому мы и подъехали. Из дома вышел комиссар Голощекин, комиссар Авдеев и еще какие-то лица (кроме Голощекина и Авдеева вышло еще человека два), сели в автомобиль, и мы все поехали на станцию Екатеринбург I... Когда мы прибыли на станцию Екатеринбург I, здесь от народа я услышал, что в Екатеринбург привезли Царя. Голощекин сбегал на станцию и велел нам ехать на Екатеринбург II. Все мы опять поехали на автомобилях на Екатеринбург II. Там мы подъехали на машинах к одному месту, где стоял вагон I класса, окруженный солдатами. Оттуда вышел Государь Император, Государыня Императрица и одна из дочерей их. Я хорошо помню, Государь был одет в шинель солдатского сукна, т. е. цвета солдатского сукна, как носили в войну офицеры. Я хорошо помню, что погон на ней не было; помнится мне также, что пуговицы на его шинели были защитные. Фуражка его была офицерского фасона из защитного сукна, но сукном ни козырек, ни ремешок обшиты не были. Государыня была в черном пальто, пуговиц на нем я не заметил. Княжна тоже была в каком-то темном пальто. Их посадили в мой автомобиль... Опять мы поехали к тому самому дому, обнесенному забором, про который я уже говорил. Командовал здесь всем делом Голощекин. Когда мы подъехали к дому, Голощекин сказал Государю: «Гражданин Романов, Вы можете войти».

Государь прошел в дом. Таким же порядком Голощекин пропустил в дом Государыню и Княжну и сколько-то человек прислуги, среди которых, как мне помнится, была одна женщина. В числе прибывших был один генерал[1]. Голощекин спросил его имя, и, когда тот себя назвал, он объявил ему, что он будет отправлен в тюрьму. Я не помню, как себя называл генерал. Тут же в автомобиле Полузадова он и был отправлен... Когда Государь был привезен

[1] Князь В. А. Долгоруков.

к дому, около дома стал собираться народ. Я помню, Голощекин кричал тогда: «Чрезвычайка, чего вы смотрите!» Народ был разогнан».

Переезд детей в дом Ипатьева свидетели описывают:

ЖИЛЬЯР: «Приблизительно часов в 9 утра поезд остановился между вокзалами. Шел мелкий дождь. Было грязно. Подано было 5 извозчиков. К вагону, в котором находились дети, подошел с какими-то комиссарами Родионов. Вышли Княжны. Татьяна Николаевна имела на одной руке свою любимую собаку. Другой рукой она тащила чемодан, с трудом его волоча. К ней подошел Нагорный и хотел ей помочь. Его грубо оттолкнули. Я видел, что с Алексеем Николаевичем сел Нагорный. Как разместились остальные, не помню. Помню только, что в каждом экипаже был комиссар, вообще кто-то из большевистских деятелей. Я хотел выйти из вагона и проститься с ними. Меня не пустил часовой. Я не думал, что вижусь с ними в последний раз, и даже не думал, что буду отстранен от них».

ГИББС: «Были приготовлены извозчики, и я видел, как увозили детей. Я проститься с ними не мог: не пустили».

ТЕГЛЕВА: «Прибыв ночью в Екатеринбург, мы утром были передвинуты куда-то за город, и детей увезли. Я только в щель вагона видела, как Татьяна Николаевна сама тащила тяжелый саквояж с подушкой, а рядом с ней шел солдат, ничего не имея в руках».

С прибытием в Екатеринбург роль Хохрякова и Родионова кончилась. Кто же здесь распоряжался судьбой детей и приехавших с ними?

Ни Жильяр, ни Гиббс, ни Теглева, никто вообще из лиц, бывших в товарном вагоне, не могли выяснить этого: дверь вагона оставалась закрытой, красноармейцы не выпускали узников, и они не могли видеть, кто распоряжался здесь.

В классном вагоне с детьми были Татищев, Гендрикова, Шнейдер, Нагорный, Буксгевдень и Эрсберг. Первые четверо погибли, две последние уцелели. Показания их являлись бы особенно важными. Но баронесса Буксгевдень не пожелала свидетельствовать по делу. Отмечаю это только потому, что не могу принять на себя всю тяжесть упрека в нежелании открыть истину.

Эрсберг показала: «Утром, когда мы были в Екатеринбурге, в наш вагон (я была с детьми) явились двое. Один был Заславский, другого я не знаю... Они потребовали от детей, чтобы они выходили. Были поданы извозчики. На одном из них с Ольгой Николаевной и сел Заславский».

Доставив детей в дом Ипатьева, Заславский с неизвестным снова вернулись к вагонам. Первый из них взял из классного вагона Татищева, Гендрикову и Шнейдер, а второй из товарного вагона — Труппа, Харитонова, Леонида Седнева и Волкова.

Эрсберг показывает: «Потом, спустя некоторое время, явился снова Заславский и потребовал Татищева, Гендрикову и Шнейдер. Он сам их куда-то увел. После этого Родионов сказал нам: «Ну, через полчаса ваша судьба решится. Только ничего страшного не бойтесь». После этого, кажется, тот же самый, который приходил в вагон с Заславским, увел Труппа, Харитонова, маленького Седнева и Волкова».

Всех этих лиц повезли на извозчиках, сначала к дому Ипатьева. С ними ехал Заславский, неизвестный и Родионов. Здесь Трупп, Харитонов и Леонид Седнев были пропущены в дом Ипатьева. Татищева же, Гендрикову, Шнейдер и Волкова неизвестный с Родионовым повезли в тюрьму. Волков показывает: «Нас, остальных, повезли дальше. Я спросил извозчика: «Далеко ли до дома?» Я думал, что нас везут куда-либо еще. Молчит. Я опять его спросил: «Ты куда нас везешь?» Опять молчит. И привезли нас в тюрьму. Когда нас привели в контору, Татищев не утерпел и сказал мне: «Вот, Алексей Андреевич, вправду ведь говорят: от сумы да от тюрьмы никто не отказывайся». Родионов ничего на это не сказал Татищеву, а другой комиссар ответил: «По милости царизма я родился в тюрьме». Сказал он эти слова по нашему адресу, и сказал их злобно. Не было тогда на меня ордера, а на всех остальных ордера уже были. Начальник тюрьмы и сказал тогда об этом комиссару. Он махнул рукой и сказал: «Потом пришлю». Я не знаю, кто это был. Но потом, когда был в тюрьме комиссар юстиции Поляков и мы обращались к нему по поводу отобрания у нас вещей (у меня взял саквояж этот самый неизвестный мне комиссар), Поляков нас спросил, кто нас арестовал и кто у нас отбирал вещи, и мы не могли ему ответить на его вопрос, начальник тюрьмы сказал Полякову, что нас привозил и сдавал ему Юровский. Это я хорошо помню».

Голощекин, Юровский и Заславский были теми людьми, которые проявляли власть над царской семьей с первого момента прибытия ее в Екатеринбург.

Очень скоро число обитателей ипатьевского дома стало уменьшаться. 24 мая был взят камердинер Чемодуров,

28 мая — дядька Наследника Нагорный и лакей Иван Седнев. Они были отправлены в тюрьму.

С царской семьей оставались доктор Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп, поварской ученик Леонид Седнев и комнатная девушка Демидова.

Всем остальным, кроме заключенных в тюрьмы и доктора Деревенько, было приказано покинуть пределы Пермской губернии. Деревенько остался в Екатеринбурге и проживал на свободе.

Дом Ипатьева

Дом Ипатьева находился на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, сравнительно в центральной части города. Передним фасадом дом обращен на восток в сторону Вознесенского проспекта.

Здесь почва перед фасадом дома сильно понижается и имеет резкий уклон по Вознесенскому переулку.

Благодаря этому, нижний этаж дома носит совершенно подвальный характер и окна его со стороны Вознесенского проспекта ниже уровня земли.

Ворота и калитка ведут во двор, вымощенный каменными плитами, здесь расположены различные хозяйственные службы.

Вблизи дома — деревянная будка, давно существующая при доме.

Задним фасадом дом обращен в сад, идущий вдоль Вознесенского переулка. В саду растут тополя, березы, липы, одна ель, кусты желтой акации и сирени.

В сравнении с другими домами данной местности дом Ипатьева оставляет благоприятное впечатление. Садик же его мал и однообразен.

Ход в верхний этаж — со стороны Вознесенского проспекта.

Дом Ипатьева, когда царская семья была заключена в нем, обнесен был двумя заборами. Первый проходил почти у самых стен дома, закрывая дом с окнами. Второй шел на некотором расстоянии от первого, образуя как бы дворик между заборами. Он совершенно закрывал весь дом вместе с воротами.

Стража. Система постов. Режим в доме Ипатьева

Дом Ипатьева, когда там находилась царская семья, назывался у большевиков «домом особого назначения», а узники его назывались «жильцами дома Ипатьева».

Система караулов была такая.

С первого же момента стража делилась на наружную и внутреннюю.

Наружная стража занимала посты: 1) в будке у наружного забора на Вознесенском проспекте, 2) в другой будке у того же забора на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, 3) между наружным и внутренним заборами, вблизи парадного крыльца, ведущего в верхний этаж дома, 4) в старой будке между стенами дома и внутренним забором, так что охранник всегда видел окна верхнего этажа и со стороны проспекта, и со стороны переулка, 5) в переднем дворе дома у калитки, 6) в саду, 7) на террасе дома, 8) в комнате нижнего этажа у окна.

Внутренняя стража занимала два поста в верхнем этаже дома: 1) за парадной дверью в помещении, здесь, у окна, вблизи перегородки, стоял диванчик; на нем обычно сидел охранник, 2) в помещении, вблизи уборной.

В первых числах июля число постов было увеличено. Были созданы посты: 1) на заднем дворе, 2) на чердаке, 3) где-то внутри дома.

Из всех перечисленных постов наружный — на террасе дома, в комнате нижнего этажа, на чердаке и внутри верхнего этажа дома — был пулеметным.

Достаточно простого взгляда на чертежи ипатьевского дома, чтобы понять, что при такой системе караулов царская семья была в западне, в безвыходном положении.

Сначала состав наружной охраны был случайный. Ее несли различные красноармейские отряды, постоянно менявшиеся.

Двое из таких охранников Суетин и Латынов показали[1]:

---

[1] Удалось выяснить личность трех охранников этого раннего периода, несших наружную охрану. Это были: кр-н Каменомской волости Свянцанского уезда Виленской губернии Феликс Михайлов Якубов, кр-н Н-Салдинской волости Верхотурского уезда Пермской губернии Григорий Иванов Суетин и кр-н В-Вишнединской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии Мухамет Закир Абдул Латынов. Они были допрошены начальником Екатеринбургского Розыска — первый 10 августа, второй — 2 октября и третий 3 октября 1918 года в Екатеринбурге.

СУЕТИН: «В марте месяце сего года я поступил в особо-караульную конвойную команду в Екатеринбурге, начальником которой был какой-то латыш, имя и фамилию его не знаю. Службу приходилось нести в тюрьме № 1, государственном банке и других местах. В апреле месяце меня назначили в караул в доме Ипатьева, где содержался б. Царь, там в карауле я был трое суток, стоял на посту внутри двора у ворот. Каждый день выходил в сад около 12 часов дня сам б. Государь, его жена и все четыре дочери, а бывшего Наследника Алексея выносил бывший при нем доктор, выходили все вместе и гуляли минут 30—40. За время прогулки б. Государь иногда подходил к комунибудь из часовых и разговаривал с ними, некоторых спрашивал, с какого года на службе. Я видел, что часовые к б. Государю относились хорошо, жалеючи, некоторые даже говорили, что напрасно человека томят. В охране б. Царя был я всего лишь трое суток, после чего я более там не дежурил».

ЛАТЫНОВ: «Весной нынешнего года я поступил на службу в караульную конвойную команду в г. Екатеринбурге, в которой служил всего лишь около месяца. За время этой службы меня вместе с другими назначили в караул по охране бывшего Царя, где я был всего лишь три дня, хотя назначали на неделю. В карауле я стоял на различных местах, иногда снаружи, а одни сутки стоял внутри двора. Находясь там, я один раз видел на прогулке в саду бывшего Царя с которой-то дочерью, во время прогулки везде во дворе стояли часовые. В разговоре в караульном помещении я слышал от некоторых часовых, что б. Царь с ними иногда здоровается, а дочери смеются. Часовые к б. Царю относились хорошо».

Иначе обстоял вопрос с внутренней охраной. Она сразу же была специально подобрана. Это было общеизвестно, и выяснить ее состав не представило затруднений[1]. Эту охрану составляли:

1. Авдеев Александр Дмитриев, 35 л. из Юкогнауфмско-

---

[1] Начальником Екатеринбургского Уголовного розыска были допрошены: 28 сентября 1918 года кр-нка с. Уктуса Н-Исетской волости Екатеринбургского уезда Анна Петрова Белозерова; 30 октября того же года кр-нка того же с. Уктуса Ольга Ивановна Степанова и того же 30 октября кр-нка с. Крутихина той же волости Шадринского уезда Евдокия Семенова Межина — бывшие в интимной близости с некоторыми из рабочих. Их показаниями состав охраны удалось установить точно. Он проверялся осмотрами книг фабрики.

го завода той же волости Осинского уезда Пермской губернии, слесарь.

2. Мошкин Александр Михайлов, 28 л., из г. Семипалатинска, слесарь.

3. Логинов Иван Петров, из Каштымского завода той же волости Екатеринбургского уезда.

4. Логинов Василий Петров, его брат.

5. Логинов Владимир Петров, их брат.

6. Гоншкевич Василий Григорьев, 30 л., из Локшинской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии, слесарь.

7. Соловьев Александр Федоров, из м. Гусевского Заболкской волости Маленковского уезда Владимирской губернии, слесарь.

8. Люханов Сергей Иванов, из Ревдинского завода той же волости Екатеринбургского уезда, шофер.

9. Люханов Валентин Сергеев, его сын.

10. Шулин Иван Степанов, из Щадринского завода той же волости Екатеринбургского уезда, слесарь.

11. Бабич Антон, 20 л., из г. Уфы, слесарь.

12. Мишкевич Николай, матрос из Петрограда.

16. Лабушков Леонид Васильев, слесарь.

17. Комендантов Алексей.

18. Сидоров Алексей.

19. Корякин Николай.

Все эти люди жили в верхенем этаже дома Ипатьева, занимая комнаты под цифрами V и VI. Только они несли охрану на двух внутренних постах. Но не следует думать, что их роль ограничивалась толькой охраной этих постов. Они были хозяевами в доме и вторгались во все комнаты, где жила царская семья.

С момента приблизительно приезда детей был создан постоянный кадр наружной охраны.

Она была набрана из рабочих Сысертского завода, верстах в 35 от Екатеринбурга.

Ее составили:

1. Никифоров Алексей Никитин.
2. Добрынин Константин Степанов.
3. Старков Иван Андреев.
4. Старков Андрей Алексеев.
6. Стрекотин Александр Андреев.
7. Котов Михаил Павлов.
8. Проскуряков Филипп Полиевктов.
9. Столов Александр Алексеев.
10. Орлов Александр Григорьев.

11. Теткин Роман Иванов.
12. Подкорытов Николай Иванов.
13. Турыгин Семен Михайлов.
14. Луговой Виктор Константинов.
15. Семенов Василий Егоров.
16. Попов Николай Иванов.
17. Талапов Иван Семенов.
18. Садчиков Николай Степанов.
19. Кесарев Григорий Александров.
20. Зайцев Николай Степанов.
21. Беломоин Семен Николаев.
22. Летемин Михаил Иванов.
23. Сафонов Вениамин Яковлев.
24. Шевелев Семен Степанов.
25. Чуркин Алексей Иванов.
26. Кронидов Александр Алексеев.
27. Вяткин Степан Григорьев.
28. Котегов Иван Павлов.
29. Медведев Павел Спиридонов.
30. Дроздов Егор Алексеев.
31. Емельянов Федор Васильев.
32. Русаков Николай Михайлов.
33. Ладасщиков Петр Акимов.
34. Котегов Александр Алексеев.
35. Талапов Константин Васильев[1].

Спустя неделю кадр наружной охраны был пополнен рабочими той же злоказовской фабрики.

В нее вошли:

36. Якимов Анатолий Александров, 31 г., из Юговского завода той же волости Пермского уезда.

37. Лесников Григорий Тихонов, 29 л., из Кувшинского завода Соликамского уезда Пермской губернии.

38. Вяткин Филипп Ильин, из с. Уктуса Екатеринбургского уезда.

39. Путилов Николай Васильев, гл. Базаровского общества Напорской волости Сарапульского уезда Вятской губернии, слесарь.

---

[1] Из числа этих лиц были задержаны Летемин, Медведев и Проскуряков. Летемин был допрошен в качестве свидетеля начальником Екатеринбургского уголовного розыска 7 августа 1918 года и членом суда Сергеевым 18—19 октября того же года. Медведев, как обвиняемый, был допрошен агентом розыска Алексеевым 12 февраля 1919 года в Перми и членом суда Сергеевым 21—22 того же февраля в Екатеринбурге и мною 1—3 апреля того же года в Екатеринбурге.

40. Смородяков Михаил, 18 л., из Нейво-Рудянского завода той же волости Екатеринбургского уезда.

41. Дерябин Никита Степанов, из д. Тимошиной Меркушинской волости Верхотурского уезда Пермской губернии.

42. Устинов Александр Иванов, 27 л., из Пажевского завода той же волости Соликамского уезда Пермской губернии.

43. Корзухин Александр Степанов, из с. Уктуса Екатеринбургского уезда.

44. Романов Иван Иванов, из Гарской волости Ростовского уезда Ярославской губернии.

45. Дмитриев Семен Герасимов, 21 г., из Ваньчуговской волости Кашинского уезда Тверской губернии.

46. Клещев Иван Николаев, 21 г., из г. Шадринска, слесарь.

47. Пермяков Иван Николаев, 18 л., из с. Уктуса Екатеринбургского уезда, слесарь.

48. Варакушев Александр Семенов, из Тулы или Петрограда, слесарь.

49. Прохоров Александр, из Катав-Ивановского завода Уфимской губернии.

50. Брусьянин Леонид Иванов.

51. Пелегов Василий.

52. Осокин Александр.

53. Лякс Скорожинский.

54. Скороходов.

55. Фомин.

56. Зотов[1].

Сами стены ипатьевского дома выдали многих из этих лиц. Они были покрыты всевозможными надписями: результат склонности охранников к заборной литературе. Удалось прочесть многие имена.

Среди множества брошенных документов оказались денежные расписки злоказовских рабочих, несших внутреннюю охрану, и требовательные ведомости сысертских рабочих, несших охрану наружную.

Наружная охрана поселилась в нижнем этаже ипатьевского дома: злоказовские рабочие в комнате под цифрой VI, сысертские — в комнате под цифрами IV и V. Спу-

[1] Из числа этих лиц был задержан Якимов. Он был допрошен агентом Екатеринбургского уголовного розыска Алексеевым, как обвиняемый 2 апреля 1919 года в Перми и мною 7—11 мая того же года в Екатеринбурге.

стя некоторое время наружная охрана была переведена в соседний дом Попова.

Когда возник кадр постоянной наружной охраны, она стала допускаться и на внутренние посты верхнего этажа дома. Но различие между нею и охраной внутренней не исчезло. По-прежнему злоказовские рабочие внутренней охраны царили в доме и имели доступ во все комнаты, куда не допускались рабочие наружной охраны.

Самым главным лицом среди охранников был Авдеев. Он назывался «комендантом дома особого назначения».

Мошкин был его помощником.

Медведев был «начальником» всей караульной команды, несшей охрану как на внутренних, так и на внешних постах.

Якимов, Старков и Добрынин были разводящими. Они ставили охранников на посты и наблюдали за ними, сами не неся охраны.

Только братья Мишкевичи и Скорожинский были, вероятно, польской национальности. Все остальные охранники были русские.

Что они представляли собой?

Фабрика братьев Злоказовых работала во время войны на оборону: изготовляла снаряды. Работа на фабрике избавляла от фронта. Сюда шел самый опасный элемент, преступный по типу: дезертир. Он сразу выплыл на поверхность в дни смуты, а после большевистского переворота создал его живую силу.

Авдеев — самый яркий представитель этих отбросов рабочей среды: типичный митинговый крикун, крайне бестолковый, глубоко невежественный, пьяница и вор.

Лучше всего слушать о нем рассказ рабочего той же фабрики Анатолия Якимова: «Прибыл в Екатеринбург я в первых числах ноября месяца 1917 года. Тогда же я и поступил на злоказовскую фабрику. Фабрикой в это время еще владели пока хозяева Злоказовы, но уже существовал «фабричный комитет» из рабочих. Был и комиссар фабрики. Этим комиссаром был Александр Дмитриев Авдеев. Откуда он родом, я не знаю. Полагаю я, что по ремеслу он слесарь. Говорили про него, что он был где-то машинистом на каком-то заводе при локомобиле... В декабре месяце Авдеев отвез хозяина фабрики Николая Федоровича Злоказова в острог. Вместо хозяев образовался «деловой совет». Этот совет и стал править фабрикой. Главой на заводе и стал Авдеев. Около него самыми приближенными к нему лицами были рабочие: братья Иван, Василий и Вла-

димир Логиновы, Василий Григорьев Гоншкевич, Николай и Станислав Мишкевичи, Александр Федоров Соловьев, Николай Корякин, Иван Крашенинников, Алексей Сидоров, Константин Иванов Украинцев, Алексей Комендантов, Леонид Васильев Лабушев, Сергей Иванов Люханов и его сын Валентин... В апреле месяце стало известно в городе, что к нам в Екатеринбург привезли Царя. Объяснили об этом среди нас, рабочих, так, что Царя-де хотели выкрасть из Тобольска; потому-де, его и перевезли в надежное место; в Екатеринбург. Такие разговоры тогда в нашей рабочей среде ходили. В первых числах мая месяца, в скором времени после перевезения к нам Царя, стало известно, что наш Авдеев назначен главным начальником над домом, где содержался Царь. Дом этот почему-то все называли «дом особого назначения», а про Авдеева говорили, что он над этим домом комендантом назначен. Действительно, скоро сам Авдеев об этом нам объяснил на митинге. Как произошло его назначение, я хорошо вам объяснить не берусь. Авдеев был большевик самый настоящий. Он считал, что настоящую жизнь дали они, большевики. Он много раз открыто говорил, что большевики уничтожили богачей-буржуев, отняли власть у Николая «кровавого» и т. п. Постоянно он терся в городе с здешними заправилами из областного Совета. Я думаю, что таким образом он, как ярый большевик, и был назначен областным Советом «комендантом» дома особого назначения. На митинге же, который он тогда собирал, он нам рассказывал, что вместе с Яковлевым он ездил за Царем в Тобольск[1]. Что это был за Яковлев, я сам не знаю. Авдеев его поносил и говорил нам, что Яковлев хотел увезти Царя из России и повез его для этого в Омск. Но они, т. е. екатеринбургские большевики, все это узнали и не допустили увоза Царя, сообщив о намерении Яковлева в Омск. Смысл его речи был именно тот, что Яковлев держал руку Царя, а он, Авдеев, вместе с большевиками охраняет революцию от Царя. Про Царя он тогда говорил со злобой. Он ругал его, как только мог, и называл не иначе, как «кровавый», «кровопийца». Главное, за что он ругал Царя, была ссылка на войну: что Царь захотел этой войны и три года проливал кровь рабочих, что рабочих в эту войну расстреливали массами за забастовки. Вообще он говорил то, что везде говорили большевики. Из его

---

[1] Авдеев был в Тобольске в отряде не Яковлева, а Заславского. Они выехали из Тобольска в Екатеринбург, опередив Яковлева шестью часами.

слов можно было понять, что за эту его заслугу перед революцией, т. е. за то, что он не допустил Яковлева увезти Царя, его и назначили комендантом дома особого назначения. И, как видать было, этим самым назначением Авдеев был очень доволен. Он был такой радостный, когда говорил на митинге и обещал рабочим: «Я вас всех свожу в дом и покажу вам Царя»... Постоянно туда ходили с нашей фабрики рабочие, только не все, а те, которых выбирал Авдеев. Главная цель у них, как я думаю, была в деньгах. За пребывание в доме особого назначения они получали особое содержание из расчета 400 рублей в месяц, за вычетом кормовых. Кроме того, они и на фабрике получали жалованье, как состоящие в фабричном комитете или «деловом совете».

Хорошо знали в Екатеринбурге охранника Шулина. Заведующий фабрикой Чистякова Шульц[1] рассказывает: «Я Шулина очень хорошо знаю. Я служу на заводе Чистякова, куда Шулин во время советской власти постоянно являлся... Шулин был членом делового совета злоказовского завода, несомненный большевик, агитатор и вербовщик в Красную армию. Он являлся на завод Чистякова и произносил перед рабочими речи, призывая их вступать в ряды Красной армии, чтобы уничтожать всех паразитов — это его собственное выражение. Он арестовал управляющего заводом и добивался расстрела его, и только благодаря ходатайству рабочих тот был спасен. Хотел арестовать хозяина завода. Являлся на завод с вооруженными красноармейцами и отбирал хлеб. Совместно с заводскими красноармейцами составлял списки рабочих и служащих завода Чистякова, предназначенных к расстрелу перед приходом чешских войск».

«Красноармеец[2] Иван Николаевич Клещев имеет от роду 21 год. С детского возраста имел дурные наклонности и, будучи еще несовершеннолетним, начал заниматься кражами, чему потворствовала его мать. Учился плохо, также и вел себя плохо в ученическом возрасте, так что жаловались на его поведение учителя; родители к исправлению его мер не принимали и, в конце концов, он, как неисправимый по поведению человек, был исключен из училища. После этого он начал приучаться при отце слесарному искусству и

---

[1] В. К. Шульц был допрошен в г. Екатеринбурге военным контролером 3 июля 1919 года.

[2] Рапорт агента Екатеринбургского уголовного розыска Алексеева от 9 апреля 1919 года за № 26.

работал на фабрике Ушкова до возмужалого возраста. Взрослый тоже замечался в кражах... Незадолго до февральской революции уходил искать работы на стороне от своих родителей и затем оказался в г. Тюмени в команде босяков, где мать его разыскала и привезла домой на фабрику Ушкова... При большевистском перевороте он примкнул к партии большевиков и вскоре сделался ярым красноармейцем и являлся предводителем шаек большевиков при отобрании и реквизиции имущества у владельцев».

Охранник Медведев откровенно объяснил при допросе, что кадр охраны потому был набран за 35 верст от Екатеринбурга, что здесь «организация партии большевиков считалась лучшей».

Его жена[1], скрашивая горькую правду, рассказала, что до революции она хорошо жила с мужем. После революции муж тут же записался в партию большевиков и стал «непослушный, никого не признавал и как будто даже свою семью перестал жалеть».

Охранник Летемин сознается, что когда он предложил свои услуги по охране Царя, о его поведении справлялись и, справившись, приняли в охрану. В прошлом этого человека был приговор Екатеринбургского окружного суда с участием присяжных заседателей: в 1911 году Летемин был осужден на четыре года в арестантские роты с лишением прав за покушение на растление малолетней девочки, каковое наказание и отбыл.

Как жилось Царю и его семье в такой обстановке?

Императрица, Мария Николаевна и Демидова писали в Екатеринбург, когда там оставались дети. Они прибегали к конспиративному языку. Несомненно, в доме Ипатьева жилось плохо.

Свидетели показывают:

ЖИЛЬЯР: «24 апреля (старого стиля) от Государыни пришло письмо. Она извещала нас в нем, что их поселили в двух комнатах ипатьевского дома; что им тесно; что они гуляют лишь в маленьком садике; что город пыльный; что у них рассматривали все вещи и даже лекарства. В этом письме в очень осторожных выражениях она давала понять, что надо взять нам с собой при отъезде из Тобольска все драгоценности, но с большими предосторожностями. Она сама драгоценности называла условно «лекарствами»

---

[1] Мария Даниловна Медведева была допрошена в качестве свидетеля начальником Екатеринбургского розыска 7 августа и Сергеевым 9—10 ноября 1918 года в г. Екатеринбурге.

Позднее на имя Теглевой пришло письмо от Демидовой, писанное несомненно по поручению Ее Величества. В письме нас извещали, как нужно поступить с драгоценностями, причем все они были названы «вещами Седнева».

БИТНЕР: «Я знаю, были тогда письма от Государыни и Марии Николаевны. Они писали, что спят «под пальмами» (на полу, без кроватей) и едят вместе с прислугой, что обед носят из какой-то столовой, а Государыне Седнев готовит макароны на спиртовке».

ТЕГЛЕВА: «Были получены письма от Государыни и Марии Николаевны на имя Княжон и мною от Марии Николаевны и Демидовой. Из этих писем можно было понять, что им живется худо. Мария Николаевна писала, что они спят в одной комнате, что они все (вместе с прислугой) обедают вместе; что им Седнев готовит только кашу и что обед они получают из советской столовой. Демидова мне писала: «Уложи, пожалуйста, хорошенько аптеку и посоветуйся об этом с Татищевым и Жильяром, потому что у нас некоторые вещи пострадали». Мы поняли, что пострадали у них некоторые ценные вещи, и решили, что это Императрица дает нам приказание позаботиться о драгоценностях».

ЧЕМОДУРОВ: «Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергги тщательному и грубому обыску, обыск производили некие Б. В. Дидковский[1] и Авдеев — комендант дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал замечание Государя: «До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми». На это замечание Дидковский ответил: «Прошу не забывать, что вы находитесь под следствием и арестом». В ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый, и отношение охраны было прямо возмутительное, но Государь, Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна относились ко всему происходящему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. День проходил обычно так: утром вся семья пила чай — к чаю подавался черный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного Совета рабочих депутатов, обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе

[1] Борис Владимирович Дидковский был, видимо, эмигрант, и проживал в Швейцарии. Был близок к профессору геологии Дюпарку и состоял при нем коллекционером. Национальности его не знаю.

чаще всего подавались котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдавали, то обедали на непокрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя; случалось, что на семь обедавших подавалось только пять ложек. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка в саду разрешалась только один раз в день, в течение 15—20 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда Государь обращался к кому-либо из конвойных с малозначущим вопросом, не имевшим отношения к порядкам, установленным в доме, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание... День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев. Один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле, третий близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение».

Я допускал, что Чемодуров мог быть не вполне откровенен в своих показаниях перед властью, и выяснял, что он рассказывал другим людям про жизнь в ипатьевском доме.

Свидетели показывают:

ВОЛКОВ: «Я разговаривал с ним. Он был сильно потрясен. Он мне говорил, что из Тюмени их возил Яковлев куда-то взад и вперед, так что он совсем потерялся и не знал, куда же именно их возил Яковлев. Привезли их в Екатеринбурге прямо в дом Ипатьева... Обращались плохо, грубо. Он рассказывал, что однажды один какой-то из большевиков стал рассматривать флаконы Государыни и нюхать их. Государь сказал ему на это: «До сих пор я имел дело все-таки с порядочными людьми». Этот большевик ушел, сказал о словах Государя кому-то другому, и тот грубо сделал замечание Государю: «Не забывайте, что вы арестованный». Обедали они все вместе. Во время обеда подходил какой-нибудь красноармеец, лез ложкой в миску с супом и говорил: «Вас все-таки еще ничего кормят». Видимо, здесь в Екатеринбурге обращение было совсем иное, чем в Тобольске».

ГИББС: «Чемодуров мне говорил, что здесь (в Екатеринбурге) им было плохо: с ними обращались грубо. Он говорил, что на Пасху у них был маленький кулич и пасха.

Комиссар, пришел, отрезал себе большие куски и съел. Он вообще говорил про грубость».

КОБЫЛИНСКИЙ: «Передаю главное из его рассказов, что сохранила память. Когда Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом Ипатьева, их обыскали. Обыскивали по-хамски, грубо. Государь вышел из себя и сделал замечание. На это ему было в грубой форме указано, что он арестованный... Обед был плохой. С ним запаздывали: приносили его готовым из какой-то столовой вместо часа в три — четыре. Обед был общий с прислугой. Ставилась на стол миска; ложек, ножей, вилок не хватало; участвовали в обеде и красноармейцы; придет какой-нибудь и лезет в миску: «Ну, с вас довольно». Княжны спали на полу, так как кроватей у них не было. Установилась перекличка. Когда Княжны шли в уборную, красноармейцы якобы для караула шли за ними... Вообще даже со слов Чемодурова можно было понять, что царская семья подвергалась невыносимым моральным мукам».

ЖИЛЬЯР: «Про Чемодурова я могу сказать следующее. После допроса его Сергеевым он приехал ко мне в Тюмень. Он мне рассказывал, что его допрашивал Сергеев. Чемодуров мне говорил, что он не сказал всей правды Сергееву. Он был недоволен не лично Сергеевым, а самым фактом допроса его. У него была вера, что царская семья жива, и он мне говорил, что, пока он не убедился в ее смерти, он не скажет правды при допросе. Со мной он был откровенен. Он называл мне Авдеева, как главное лицо в доме Ипатьева. Он говорил, что Авдеев относился к семье отвратительно. Я точно и хорошо помню следующие случаи, о которых он рассказывал. Чемодуров говорил, что вместе с царской семьей за одним столом обедали и прислуга и большевистские комиссары, которые находились в доме. Однажды Авдеев, присутствуя за таким обедом, сидел в фуражке, без кителя, куря папиросу. Когда ели битки, он взял свою тарелку и, протянув руку между Их Величествами, стал брать в свою тарелку битки. Положив их на тарелку, он согнул локоть и ударил локтем Государя в лицо. Я передаю вам точно слова Чемодурова. Когда Княжны шли в уборную, их там встречал постовой красноармеец и заводил с ними «шутливые» разговоры, спрашивая, куда они идут, зачем и т. д. Затем, когда они проходили в уборную, часовой оставаясь снаружи, прислонялся спиной к двери уборной и оставался так до тех пор, пока ею пользовались. Вот эти случаи издевательства над ними я хорошо помню из рассказов Чемодурова».

Лакей Иван Седнев и дядька Наследника Нагорный сидели в одной тюрьме с князем Львовым.

Он показывает: «Про екатеринбургский режим Седнев и Нагорный говорили в мрачных красках... Они (охранники) начали воровать первым делом. Сначала воровали золото, серебро. Потом стали таскать белье, обувь. Царь не вытерпел и вспылил: сделал замечание. Ему в грубой форме ответили, что он арестант и распоряжаться больше не может. Самое обращение с ними было грубое. И Седнев и Нагорный называли режим в доме Ипатьевых ужасным. Становилось, по их словам, постепенно все хуже и хуже. Сначала, например, на прогулки давали 20 минут времени, а потом стали все уменьшать это время и довели до 5 минут. Физическим трудом совсем не позволялось заниматься. Наследник был болен... В частности, дурно обращались с Княжнами. Они не смели без позволения сходить в уборную. Когда они шли туда, их до уборной обязательно провожал красноармеец. По вечерам Княжон заставляли играть на пианино. Стол у них был общий с прислугой. Седнев удивлялся, чем была жива Императрица, питавшаяся исключительно одними макаронами. Седнев и Нагорный ссорились в доме Ипатьева из-за царских вещей, как преданные семье люди, они защищали ее интересы. В результате они попали в тюрьму. Их рассказы подтверждали и красноармейцы, которые караулили нашу тюрьму[1]. Эти красноармейцы по очереди караулили то у нас, то в доме Ипатьева. Они со мной разговаривали. Их рассказы во всем сходились с рассказами Седнева и Нагорного. Они — это я помню — подтверждали, что Княжон заставляли играть на пианино, и вообще говорили, что с семьей обращаются худо.

Анна Белозерова жила с охранником Василием Логиновым. Стараясь говорить в мягких тонах про охранников, она говорит, что Княжны «учили играть их на какой-то музыке».

Обвиняемые Медведев, Проскуряков и Якимов объяснили:

МЕДВЕДЕВ[2]: «Царь по внешнему виду все время был спокоен, ежедневно с детьми выходил гулять в сад, сын Алексей ходить не мог, у него болела нога, и его выносили в

---

[1] Красноармейцы наружной охраны самого раннего периода.

[2] Я привожу объяснение Медведева, которое он дал агенту Алексееву под наблюдением прокурора Пермского окружного суда Шамарина. Член суда Сергеев допросил его менее обстоятельно.

сад на руках, выносил его на руках всегда сам Царь, который вообще всегда сам ходил за ним, супруга Царя в сад не выходила никогда, а выходила лишь на парадное крыльцо к тыну, окружавшему дом, а иногда сидела возле сына, который обычно сидел в коляске. Царь по виду был здоров и не старел, седых волос у него не было, а супруга Царя начинала седеть и была худощава. Дети вели себя «обыкновенно» и улыбались при встрече с караульными. Разговаривать с ними запрещалось. Доводилось ему, Медведеву, разговаривать с Царем при встрече в саду; однажды он спросил его, «как дела, как война, куда ведут войско»; на это он ему ответил, что война идет между собой, русские с русскими дерутся между собой. Также однажды Царь увидал, что он, Медведев, рвет лопушки в саду и спросил его, на что он это рвет, он сказал ему для табаку. Вообще много говорить не приходилось... Пищу для царской семьи первое время носили из советской столовой, находившейся на Главном проспекте; пищу эту носили из столовой женщины и девушки, от коих принимал караул у парадного крыльца, в дом они не входили... На пищу приносили суп, котлеты, белый хлеб, мясо и молоко. Потом разрешено было варить пищу повару их, который и приготовлял пищу. Неоднократно приглашался в дом священник для богослужения. За все время охраны дома при нем, Медведеве, никакого издевательства над Царем и его семейством не делалось и никаких оскорблений и дерзостей не допускалось. Спала царская семья в двух комнатах».

ПРОСКУРЯКОВ: «Вставали они утром часов в 8—9. У них была общая молитва. Они все собирались в одну комнату и пели там молитвы. Обед у них был в 3 часа дня. Все они обедали вместе в одной комнате, т. е. я хочу сказать, что вместе с ними обедала и прислуга, которая была при них. В 9 часов вечера у них был ужин, чай, а потом ложились спать. Время дня они проводили, по словам Медведева, так: Государь читал, Государыня также читала или вместе с дочерьми вышивала что-нибудь или вязала. Наследник, если мог, делал из проволоки цепочки для своих игрушек-корабликов. Гуляли они в день часа полтора. Никаким физическим трудом им не позволялось заниматься (на воздухе)... Их пение я сам не один раз слышал. Пели они исключительно духовные песни. По воскресеньям у них служил священник с диаконом... Файка Сафонов стал сильно безобразничать. Уборная в доме была одна, куда ходила вся царская семья. Вот около этой уборной Файка стал писать разные нехорошие слова... и разные другие сло-

ва, совсем неподходящие... Залез раз Файка на забор перед самыми окнами царских комнат и давай разные нехорошие песни играть. Андрей Стрекотин в нижних комнатах начал разные безобразные изображения рисовать. В этом принимал участие и Беломоин: смеялся и учил Стрекотина, как лучше надо рисовать. Это я сам видел, как Стрекотин эти вещи рисовал».

ЯКИМОВ: «Они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую Песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разобрал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни «Умер бедняга в больнице военной». Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слышал... Непосредственно наблюдать, как Авдеев относился к Царю и его семье, мне не приходилось. Но я наблюдал самого Авдеева, имевшего с ними общение. Авдеев был пьяница, грубый и неразвитый; душа у него была недобрая. Если, бывало, в отсутствие Авдеева кто-нибудь из царской семьи обращался с какой-нибудь просьбой к Мошкину, тот всегда говорил, что надо подождать возвращения Авдеева. Когда же Авдеев приходил и Мошкин передавал ему просьбу, у Авдеева был ответ: «Ну их к черту!» Возвращаясь из комнат, где жила царская семья, Авдеев, бывало, говорил, что его просили о чем-либо и он отказал. Это отказывание ему доставляло видимое удовольствие. Он об этом радостно говорил. Например, я помню, его просили разрешить открывать окна, и он, рассказывая об этом, говорил, что он отказал в этой просьбе. Как он называл Царя в глаза, не знаю. В комендантской он называл всех «они». Царя он называл Николашкой... Он, как только попал в дом Ипатьева, так начал таскать туда своих приближенных рабочих... Все эти люди бражничали в доме Ипатьева, пьянствовали и воровали царские вещи. Раз Авдеев напился до того пьяный, что свалился в одной из нижних комнат дома... А в нижний этаж он попал тогда после посещения в таком виде царской семьи; он в таком виде ходил к ней. Пьяные, они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку, кто где хотел, и разводили грязь. Пели они песни, которые конечно, не могли быть приятны для Царя. Пели они все «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Отречемся от старого мира», «Дружно, товарищи, в ногу». Вот, зная Авдеева, как большевика, как человека грубого, пьяного и душой недоброго, я думаю, что он обращался с царской семьей плохо: не мог он обращаться с ней хорошо по его натуре; по его поведению; как я сам его наблюдал в комендантской,

думаю, что его обращение с царской семьей было для нее оскорбительным. Припоминаю еще, что вел Авдеев с товарищами разговоры и про Распутина. Говорил он то, что многие говорили, о чем и в газетах писали много раз...»

Красноречивее всяких слов говорит сам дом Ипатьева, как жилось здесь узникам. Необычные по цинизму надписи и изображения с неизменной темой: о Распутине. Как глубоко ошибаются те, кто думают, что яд этого чудовища не проник в народные массы.

Окружение царской семьи чекистами

В первых числах июля в доме Ипатьевых произошли большие перемены.

Авдеев, его помощник Мошкин и все рабочие злоказовской фабрики, бывшие в верхнем этаже, были внезапно изгнаны, а Мошкин был даже арестован.

Вместо Авдеева комендантом стал известный уже нам Юровский, а его помощником некто Никулин. Они заняли ту же комнату под цифрой VI, где жил и Авдеев. Но Юровский проводил лишь день в доме Ипатьева. Никулин же жил в нем.

Через несколько дней после появления их прибыли еще десять человек, поселившихся в нижних комнатах под цифрами II, IV и VI.

Они стали нести внутреннюю охрану. Злоказовские же и сыретские рабочие, жившие в доме Попова, были совершенно устранены от нее и продолжали нести исключительно охрану наружную.

Что означала эта перемена?

Чувство лодыря, соблазн легкого труда и небывалая по тем временам его оплата привели в дом Ипатьева пьяного слесаря от локомобиля и его пьяную ватагу. По своему круглому невежеству эти распропагандированные отбросы из среды русского народа, вероятно, сами себя считали крупными фигурами в доме Ипатьева.

Это было не так.

Они не сами пришли сюда. Их сюда посадили, а затем в нужную минуту выгнали.

Прибытие в Екатеринбург Императора вскрыло фигуру распорядителя Голощекина, прибытие детей — Юровского.

Шая Исакович Голощекин — мещанин г. Невеля Витеб-

ской губернии, еврей, родился в 1876 году. Партийная его кличка — Филипп.

Он кончил гимназию в Витебске и зубоврачебную школу в Риге.

В 1906 году он был арестован, как большевик-пропагандист, в пределах Петроградской губернии и в 1907 году был осужден Петроградской судебной палатой на 2 года в крепость.

Едва отбыв наказание, он тотчас же возобновил свою революционную деятельность в Москве и играл большую роль в московском комитете партии. Но скоро он был вновь арестован и сослан в Нарымский край.

В 1911 году он бежал из ссылки за границу.

Там в это время шла большая борьба в рядах большевистских фракций. С Лениным боролось левое крыло большевиков, обвиняя его в узурпаторских наклонностях и в измене принципам чистого большевизма. Правое крыло стремилось к соглашению с меньшевиками.

Сам Ленин шел к захвату власти в партии и пытался создать сплоченное ядро профессиональных революционеров, чтобы, действуя через них как своих агентов, проводить нужные ему идеи. Подготовляя созыв общепартийной конференции, он домогался привести туда нужных ему людей.

Вернувшись в Россию, Голощекин оказал громадную услугу Ленину агитацией в рабочих районах и, в частности, на Урале.

Конференция собралась в Праге в 1912 году.

Голощекин был на этой конференции, как представитель Москвы. Он тогда же был избран членом ЦК партии. Ему было поручено сделать доклады о работах конференций в Москве и на Урале, с назначением его разъездным агентом «Русского бюро ЦК».

В том же 1912 году он вновь был арестован и сослан в Сибирь на 4 года.

В. Л. Бурцев говорит о нем: «Я знаю Голощекина и узнаю его на предъявленной мне Вами карточке. Это типичный ленинец. В прошлом он организатор многих большевистских кружков и участник всевозможных экспроприаций. Это человек, которого кровь не остановит. Эта черта особенно заметна в его натуре: палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации».

Он был на Урале членом областного совета и областным военным комиссаром.

Этим положением Голощекина и определялась его роль в ипатьевском доме.

Когда возникла угроза большевистскому игу в лице атамана Дутова, Голощекин быстро создал кадры вооруженных уральских рабочих и бросил их в тыл Дутова. Бешено-энергичный, он знал благодаря своим старым связям на Урале, где брать живую силу большевизма.

Сысертский завод был одним из тех, что дал Голощекину эту силу. Большинство сысертских рабочих входили в отряды, боровшиеся с Дутовым. Злоказовская фабрика была гнездом большевизма.

Охрана в доме Ипатьева носила характер военной организации. Рабочие, вошедшие в нее, считались красноармейцами. Их обучали военной службе.

Эту охрану в ипатьевском доме и создал Голощекин. Она и подчинялась ему, как областному военному комиссару.

Медведев был давно агентом Голощекина. Он и набирал в Сысерти нужных Голощекину людей.

Жена Медведева откровенно показала при допросе: «Поручение (набрать охрану) было дано моему мужу комиссаром Голощекиным».

Яков Михайлович Юровский — мещанин г. Каинска Томской губернии, еврей, родился в 1878 году[1].

Когда Юровский злобно иронизировал в тюрьме по адресу Татищева: «По милости царизма я родился в тюрьме», он лгал, одеваясь в чужой костюм наследственного революционера.

Его дет Ицка проживал некогда в Полтавской губернии. Сын последнего Хаим, отец Юровского, был простой уголовный преступник. Он совершил кражу и был сослан в Сибирь судебной властью.

Яков Юровский получил весьма малое образование. Он учился в Томске в еврейской школе «Талматейро» при синагоге и курса не кончил.

Мальчиком он поступил учеником к часовщику еврею Перману, а в 1891—1892 гг. открыл в Томске свою мастерскую.

В 1904 году он женился на еврейке Мане Янкелевой.

---

[1] Сведения о личности Юровского основаны на точных данных: на показаниях его матери Эстер Моисеевны, допрошенной агентом Алексеевым 27 июня 1919 г. в Екатеринбурге, родных его братьев Эле-Мейера и Лейбы и жены первого Леи-Двейры Мошковой, допрошенных мною 5 ноября того же года в г. Чите.

В годы первой смуты он почему-то уехал в Германию и год жил в Берлине.

Там он изменил вере отцов и принял лютеранство.

Из Берлина он сначала проехал на юг и проживал, видимо, в Екатеринодаре. Затем он вернулся в Томск и открыл здесь часовой магазин.

Можно думать, что его заграничная поездка дала ему некоторые средства. Его брат Лейба говорит: «Он был уже богат. Его товар в магазине стоил по тому времени тысяч десять».

Это же время было и началом его революционной деятельности. Он был привлечен к дознанию в Томском Губернском Жандармском Управлении и выслан в Екатеринбург. Это произошло в 1912 году.

Здесь Юровский открыл фотографию и занимался этим делом до войны. В войну он был призван как солдат и состоял в 698 Пермской пехотной дружине. Ему удалось устроиться в фельдшерскую школу. Он кончил ее, получил звание ротного фельдшера и работал в одном из Екатеринбургских лазаретов.

По характеру — это вкрадчивый, скрытный и жестокий человек.

Его братья говорят о нем:

ЭЛЕ-МЕЙЕР: «Он у нас считался в семье самым умным, а я человек рабочий. То, что он считался у нас самым умным, меня от него и отталкивало. Только могу сказать, что он человек с характером».

ЛЕЙБА: «Характер у Янкеля вспыльчивый, настойчивый. Я учился у него часовому делу и знаю его характер: он любит угнетать людей».

Жена ЭЛЕ-ЛЕЯ показывает: «Янкеля, брата мужа, я, конечно, знала. Мы никогда не были с ним близки. Мы с ним разные люди: он перешел из иудейства в лютеранство, я — еврейка-фанатичка. Я его не любила: он был мне всегда несимпатичен. Он по характеру деспот. Он страшно настойчивый человек. Его выражение всегда было: «Кто не с нами, тот против нас». Он эксплуататор. Он эксплуатировал моего мужа, своего брата».

До революции Юровский не был заметен на фоне местной жизни. После переворота 1917 года он — большевик с первых же дней. Озлобленный демагог, он участник митингов и в солдатской шинели натравливает солдатские массы на офицеров.

После большевистского переворота Юровский — член

уральского областного Совета и областной комиссар юстиции.

Ему принадлежала в доме Ипатьева не меньшая роль, чем Голощекину: он бывал здесь в роли наблюдателя за жизнью семьи.

Врач ДЕРЕВЕНЬКО[1] показывает: «С убийцей Государя Императора Николая II Юровским я встретился в г. Екатеринбурге в июне месяце 1918 года в доме Ипатьева, где находилась царская семья. Там я был как личный врач Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, у которого состоял безотлучно с 1912 года... В одно из посещений, зашедши в комнату, я увидел сидящего около окна субъекта, в черной тужурке, с бородкой клинчиком черной, черные усы и волнистые черные, не особенно длинные, зачесанные назад волосы, черные глаза, полное скуластое лицо, чистое, без особых примет, плотного телосложения, широкие плечи, короткая шея, голос чистый баритон, медленный, с большим апломбом, с чувством собственного достоинства... Осмотревши больного, Юровский, увидев на ноге Наследника опухоль, предложил мне наложить гипсовую повязку и обнаружил этим свое знание медицины. При нашем входе сидевший тут же Государь встал, Юровский, осмотрев больного, повернулся к столу, остановился, заложив руки в карманы, и начал рассматривать находившееся на столе. После этого все мы вышли. При выходе я спросил Авдеева: «Что это за господин?» Последний ответил: «Это Юровский». Какую роль играл Юровский он не сказал, но я знал, что Юровский играл очень, очень важную роль».

Дом Ипатьева выделяет еще третью фигуру — Белобородова.

Александр Григорьевич Белобородов — родом из лысьвенского завода Пермской губернии, в возрасте 32—35 лет, русский, конторщик по профессии. Он числился председателем уральского областного Совета.

Из него хотят сделать крупную революционную фигуру. Это неправда. Распропагандированный рабочий, невежественный, он был порождением уральской глуши. Его, быть может, никогда бы не увидели за ее пределами, если бы не убийство царской семьи. Только после этого он оказался членом ЦИКа и видным столичным чекистом.

Он никогда не был самостоятелен, и в роли председате-

---

[1] В. Н. Деревенько был допрошен военным контролером 11 сентября 1919 г. в г. Томске.

ля областного Совета. Одно время он был арестован за кражу или присвоение 30000 рублей, содержался в тюрьме, был освобожден и снова занял свой пост.

Местный большевик Юровский бледнеет перед Голощекиным. Я не могу и сравнивать с ним Белобородова. Он ближе к Авдееву, отличаясь от него разве красивым почерком.

Для ипатьевского дома эти три человека связывались, как, впрочем, и для всего населения в Екатеринбурге, не их положением в областном совдепе. Они были страшны, внушали ужас своей ролью в чека, где они были руководителями.

Областная чека занимала в Екатеринбурге гостиницу, известную под именем «американской».

Когда она была занята большевиками, там остался старый аппарат служащих.

Горничные гостиницы Пьянкова, Морозова, Дедюхина, Швейкина показали[1]:

ПЬЯНКОВА: «Из комиссаров я знаю Голощекина и Юровского; за первым из них числится № 10, а за вторым № 3. Юровский постоянно принимал участие в заседаниях чрезвычайной комиссии; бывал на них и Голощекин».

МОРОЗОВА: «Комиссия собиралась часто на заседания в номере 3-м, числившемся за комиссаром Юровским. Юровский в гостинице не жил, но почти всегда присутствовал на заседаниях и сидел на главном месте... Комиссар Голощекин тоже приезжал на заседания, но, числился ли за ним номер, не припомню».

ДЕДЮХИНА: «Из комиссаров я знаю Голощекина и Юровского; за Голощекиным числился номер 10, а за Юровским номер 3 (лучший и самый большой), в номерах этих они не жили, а приходили только на занятия».

(Продолжение следует)

---

[1] Свидетельницы А. М. Пьянкова, П. И. Морозова, Ф. А. Дедюхина и А. Н. Швейкина были допрошены Сергеевым 18—26 февраля 1919 года в Екатеринбурге.

Анатолий Змиевский

* * *

Ты не забыла, не забыла,
как звон небес был сброшен вниз,
как пеплом взгляд запорошило
под тихой зеленью ресниц.
Как ветер выл в краю безлюдном,
где над покинутостью мест
фальшивил бодро меднотрубный,
распнувший благовест, оркестр.
Душа от мук перекосилась,
приложишь к ранам снег — он соль...
О как ты, девочка-Россия,
превозмогаешь эту боль?!
Колокола, уйдя под землю,
гудят, покойникам звоня,
и превращающимся в стебли
паслена, сирым деревням
в дыму туманящейся рани
мерещится который год
спешаший к родине крестьянин,
переходящий город вброд...

* * *

Прямые тополя... Звезда... Кривые клены...
Родных до слез земли и неба по клочку.
Пред родиной стою коленопреклоненный,
молясь на нищету заборов и лачуг.

Пред родиной стою коленопреклоненный,
и никуда меня отсюда не зазвать.
Я знаю, обречен ей вот у этих кленов
до самой смерти нежно руки целовать.

Живущий невпопад, погрязнувший в ошибках,
ступлю, как на алтарь, на сгнившее крыльцо...
Усталых тополей усталые улыбки
мне тихо упадут на грустное лицо.

Всех тех, кого люблю, прошу: благословите!
Глаза родных небес весною веселя,
шумите над судьбой, над родиной шумите,
кривые клены, прямые тополя.

* * *

Киркой затмений мир расколот,
Вцепился в горло лету лед.
И обезумевшие пчелы
с полыни собирают мед.
И проступивший, как у пьяниц,
как на щеках больных в конце,
зари чахоточный румянец
горит у неба на лице.
Змеится в стеклах ртуть неона,
и под похабный пляшет визг
раздетый свет во мраке стона...
И лишь немного раз за жизнь
нам дарят умиротворенье,
когда стихают гвалт и лай,
просветы редких сновидений,
в которых нам блазнится рай,
где мы сквозь чащи роз и чая
идем, как вброд, на Божий Глас,
все то любимое встречая,
что миновало в жизни нас...

Змиевский Анатолий Борисович родился в 1959 году. Учился на юридическом факультете Иркутского госуниверситета. Стихи публиковались в областных газетах. Живет в Иркутске.

Петр Власов

ОЧАРОВАННАЯ ДУША

РАССКАЗ

Сибирь — страна моего духовного становления. Я храню в своей душе свет березового сияния предвесны Баргоя, золото осенней тайги, прозрачной голубизной сверкающий аквамарин Байкала... Люблю Саяны, люблю свою Сибирь предрассветную, люблю друзей своих сибиряков...

Отец Владимир

На Байкале священном.
Мне дорог и близок
Каждый встречный.
У. Галсанов

Это была не первая моя поездка в Листвянку. День выдался пасмурный, моросил дождь. От стремительно несущейся «ракеты», постепенно растворяясь в густой сетке дождя, убегали зеленые берега, тушевались причудливые скалы. На воде было холодно. Ехал не один, нашлись попутчики. Познакомились, разговорились.

— А знаете, отец Владимир-то помер...*

— Неужто правда?

Не хотелось верить. Будто что-то оборвалось в душе, стало зябко. Осталось лишь воспоминание о тех теплых встречах, которые рождали во мне постоянную, подсознательную мысль о том, что я уже когда-то там жил. Теперь, и так неожиданно, надо было проститься с Листвянкой.

---

* Протоиерей отец Владимир (Георгиевский) — настоятель храма святителя Николая Чудотворца в Листвянке, Иркутской обл. Отец Владимир умер в 1968 г.

Умер старенький настоятель, с ним отзвонили и звоны — поездка потеряла свой смысл.

И припомнилось мне, как отец Владимир, матушка Галина, две старушки сиживали на лавочке у церкви, сиживали чинно, по старшинству — батюшка в белой холщовой рубашке навыпуск, матушка, монашки-прислужницы. Сидели, смотрели на большой Байкал, в воды которого опускалось солнце, и махали ему, пока оно, не спеша, опускалось в воду. Вспомнилась скромная деревянная церковь с голубыми куполами, крестный ход во время пасхального богослужения, чаепитие у матушки Таисии*, разговоры со старушками, да еще японские туристы, которые, кланяясь, чирикали по-русски — «Спа-си-бо», — а мы им в ответ: «Спасибо за спасибо». Постараться бы вспомнить и записать, потому что все это скоро последует за батюшкой, за матушкой, за тихими старушками — шаток их крохотный мир. Уйдут все друг за другом, и никто не догадается помахать им вслед, как это делали они сами, каждый вечер, на закате, с благодарной молитвой за прожитый день, провожая на покой ясное солнышко.

Крестный ход

Когда в тот вечер подошел к церкви, с шипеньем взвилась красная ракета.

— Ну все, быть беде, — подумал я.

У ограды стояла группа «зачинщиков» — веселых парней и девчат. Вокруг храма собралось множество народу, внутри было и того больше. С трудом протиснулся.

Монотонно, сбиваясь на трудных словах, мужской голос читал бесконечные молитвы, слова которых не доходили до сознания. Однако прихожане стояли тихо, ожидая выхода батюшки. И он вышел на амвон, очистил всех присутствующих кадильным дымком, благословил. Потом начался долгожданный крестный ход. Впереди всех, с достоинством выполняя почетное поручение, шел, высоко неся крест, рослый паренек. Судя по значку, комсомолец. Что за прелесть! За парнем мужчины несли хоругви и иконы, шел хор.

— Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах. И нас на Земле сподоби чистым сердцем Тебе славити.

---

* Матушка Таисия умерла в 1969 г.

Поддерживаемый крепкими руками, шествовал старенький настоятель — отец Владимир. Он передвигался на своих протезах, опираясь на палку. Батюшка был в светлом праздничном облачении и весь светился внутренней радостью. За ним, словно телохранители, семенили сгорбленные старушки в белых косынках. Шествие замыкала молодежь. Остальные прихожане остались в храме.

В таинственной темноте пасхальной ночи разом зажглось множество свечей. Их несли бережно, прикрывая от порывистого ветра. Просвеченные живым огнем ладони казались плывущими золотыми лампадами; они освещали только глаза, все остальное уходило во мрак. Где-то, совсем рядом, вздыхал священный Байкал.

Обошли вокруг храма, и тут вступил радостный звон. За закрытыми дверями, на паперти, вознесся, хоть и слабенький, но властный голос отца-настоятеля: «Христос воскресе!»

Двери распахнулись, священник первым вошел в храм, за ним остальные.

— Христос воскресе!

— Воистину воскресе!

Радостное поздравление повторялось много раз, столько же раз все прихожане отвечали ему:

— Воистину воскресе!

Закончилась обедня. Стали святить куличи. Большой, накрытый белой скатертью стол был установлен пасхами, куличами, мелкой сдобой. В каждый кулич были воткнуты свечи и бумажные розы. Монашки зажгли эти свечи; их лица затеплились отраженным пламенем. Отец Владимир пошел в обход стола, молясь и крапя освященной водой... Брызги летели с метелочки на тех, кто стоял рядом, на куличи в сахарных шляпках, на крашеные яички, что горками теснились к пасхам, на пирожки, на бумажные розы, и как ни странно, ни одна свеча не погасла от искрящегося в их пламени «дождя». «Доброе знамение», — подумалось мне.

*

В гостях у матушки

Перед тем как приглашенным сесть за стол, все хором пропели «Отче наш», «Христос воскресе». Батюшка благословил снедь, всем поклонился, и все поклонились ему. Перекрестившись, гости тихо заняли свои места. Внесли самовар, матушка, Галина Васильевна, стала разливать чай.

А на столе чего только не было! Куличи, сырная пасха, пирожки, печенье, разное варенье и, конечно же, крашеные в луковых перьях яички.

Сначала было тихо — шуршали скорлупками, прихлебывали чай, угощались шепотком. После чая стали обмениваться впечатлениями о службе — все ею остались довольны. На сей раз не было ни милиции, ни дружинников. Молодежь вела себя пристойно, чего от нее и не ожидали. Одна старушка заметила:

— Гляжу, а он-то, Василь, шагат по дорожке, по которой должон ходить только отец Владимир. Хотела было остановить, да уж подумала — ладно, Господь простит, пущай парень ставит свечу Николушке-Угоднику.

— А Илья, — подхватила другая, — спрашиват: «Куды свечу ставить по матери-то?» К Матушке Божьей, заступнице, — отвечаю. Он-те и поставил! Да не к иконе ейной, а прямо-те в лик прилепил, окаянный, прости меня, Господи!

Старушка в страхе перекрестилась на образа, остальные не выдержали, засмеялись.

— Подумать только! Ничо теперича не знает мóлодежь!

А потом пошли разговоры о чудесах, которые, оказывается, не перевелись и до наших дней. Каждый рассказывал удивительные случаи, чему все гости искренно радовались, а я слушал и радовался, глядя на них.

Когда сел записывать то немногое, что смог вспомнить, образ отца Владимира затеплился в душе, как те свечи в ночи над вездесущим Байкалом... И ездил я к нему, в Листвянку, оттого, что дороги мне старинные наши обряды, люблю стариков, люблю слова молитв, в которые вслушивался, но не все понимал, кадильный дым, горящие свечи, грустные лики святых — все это всегда жило во мне.

Вечный Байкал мне отвечал:

— У-ух... У-ух!.. Скатывалась, шурша галькой, волна: — У-ух!..

Рождались волна за волной и умирали, как время, как поколения, как теперь отец Владимир, тихий голос которого поднимался ввысь и замирал под сводами: — Мир всем!

Разве могу забыть то ни с чем не сравнимое ощущение беспредельности, когда, выходя из церкви, я попадал в океан света, воды и простора, когда охватывало чувство убежденности в том, что Бог является людям в величественной красоте природы, что нас окружает, и всем необыкновенным в ней. Вот именно там, стоя над Байкалом, слушая шум прибоя, я отчетливо чувствовал гордость, мощь и ду-

ховное назначение России, осязал все то, что связывало нас, живых, с теми, кого уже нет, и с теми, кто придет нам вослед.

Мне с Байкала священного
Видится дальше,
На Байкале
Мне пишутся легче стихи.
Здесь слова и напевы
Свободны от фальши,
Неподкупным, чужды им
Людские грехи...

День рождения

Байкал оказался совсем не таким диким и необжитым, каким я его себе представлял. Группы отдыхающих в санаториях, туристы-одиночки с кинокамерами, фотоаппаратами, туристы организованные «табунами», с горластыми транзисторами, кемпингами и кострами, нарушили извечный покой его берегов. Когда же их не было, Байкал властвовал надо всем и все вокруг казалось первозданным: причудливые нагромождения скал, исполинские кедрачи, лохматые ели, сказочные коряги на берегу, смолистый и острый воздух. Я не знаю, чему отдать предпочтение. Байкал — это два мира: воды и неба над ним. Оба бесконечны, оба величественны и переменчивы. Я сознательно укрывался в Листвянке, огораживаясь от дерзкой действительности. Меня не могла остановить даже непогода. Я вырвался из общежития с его холостяцкими запахами, пошлыми анекдотами в этот заповедник покоя и чистоты. Как, порой, завидовал тем, кто здесь жил, на берегу, в этих добротных избах, в которых, пусть, не было газовых плит, телевизоров, зато были люди, костры, собаки, лес да шум вздыхающего прибоя.

Теплоход пришвартовался, пассажиры, прибывшие в Лиственичное, сошли на берег. День выдался на редкость погожим. Ярко светило солнце, потому ослепительно белыми смотрелись скалы, изумрудной была трава. Село укрылось от ветров в долине, с обеих сторон защищенной горами, одетыми лесом. Крестьянские избы тут какие-то удивительные, как нигде; срубы их от времени, воды и ветров приняли теплый шоколадный оттенок. В каждой избе по два оконца с белыми ставнями, наличниками и во всех окнах традиционные цветы Сибири — «женихи» да «невесты». У изб — сараюшки, березовые поленницы, и все это

огорожено аккуратными палисадниками. По селу пробегают две говорливые речушки — Крестовка и Золотушка, а в самом центре села, на островке, возвышается храм Николая-Чудотворца.

К нему я и направился. Однако, решил не торопиться. Быбрав удобное место для наблюдений, устроился на прогретых солнцем бревнах. Мимо меня, тараща стеклянные глаза, протопали козы. На лугу отдыхало стадо коров — белоснежных красавиц с кофейными пятнами на мощных боках. Волнами разносился приятных коровий запах. Одна из коров, что была ближе ко мне, сонными глазми уставилась куда-то вдаль, притом еще и громко сопела. Несколько животных стояли в тени и отмахивались хвостами от назойливых слепней. Остальное стадо спокойно лежало, жевало и думало о чем-то своем... Гуси, что щипали траву, завидя меня тревожно загоготали. Солидный гусак, вытянув шею, стал грозно наступать на меня.

— Чужак! — гнусавил он. — Чужак!..

Потом двое из них, на глазах у толстенной гусыни, затеяли настоящий турнир. Долго боролись, шипели, щипались, пока слабый не сдался. Тогда победитель выпятив грудь сильно забил крыльями.

На солнце меня скоро разморило, и я встал и пошел вдоль речушки. На берегу, багровея, злился индюк, увлеченно играли в ножики вихрастые пацаны. У первой избы оскалилась цепная собака. Я помахал ей рукой.

Она долго провожала меня недоуменным взглядом, а когда я пропал из ее поля зрения, спохватилась и яростно залаяла.

Перешел по шаткому мосту речку. Храм был передо мной, однако казался запертым. Но нет, вышла старушка, повернулась, перекрестилась, до земли поклонилась и бодрым шагом пошла по мосту. Женщина со мной поздоровалась. Что же это я не догадался первым поприветствовать ее?.. Дальше никто мне не встретился.

Подойдя к ограде, толкнул скрипучую калитку. Дальше повела меня дорожка из щербатых плит, меж которых пробивался сорняк. Стрекотали в траве кузнечики...

Прохладная тень прикрывала от зноя небольшую, скромную, тем и милую, церковь. Строение было деревянное, окрашено охристой краской, крыша была зеленой. На фоне листвы, красиво смотрелись васильковые купола, горели кресты в безоблачном небе, над входом висел образ Христа, выше Него было вмонтировано распятие.

В храме шло богослужение. В нескольких шагах, спи-

ной ко мне, сидел на стуле священник. Около него стоял седенький дьяк в холщовой рубашке и кадил ладаном. Народу было мало — день был будничный, — всего десятка два молящихся, больше женщин и несколько пожилых мужчин. Прихожане пели красиво и складно. Меня никто как-будто не заметил. Я прислонился в сторонке, стал наблюдать за происходившим и незаметно настроил себя на волну удивительного состояния духа. Мне казалось, что я что-то когда-то потерял, теперь нежданно нашел, а что именно — не знал. По щеке скатилась слеза. То ли от радости, то ли по той потере, не мог объяснить. Скорее всего, это была радость, которая переполняла меня от того, что восстановилась связь с утраченным прошлым.

Еще до окончания службы тихо вышел, увидел скамейку, решил посидеть, успокоиться. Долго ли сидел, не помню, только почувствовал, что кто-то стоял надо мной, поднял голову. То была монашенка, которая обходила всех прихожан с тарелкой для подаяния на храм Божий. Она приметила меня, когда всыпал ей свою скромную лепту. Все, что было при мне, отдал, чтобы хоть еще немного продержалась церковь, чтобы старушки могли проводить друг друга, чтобы не закрыли им двери еще и здесь.

— Что, сынок? — спросила она и осторожно подсела ко мне. — Что, тяжко тебе?

— Что вы!

— А я было подумала.

— У меня сегодня день рождения.

— Вот оно что!

Монашенка вынула из кармана и положила мне в руку две карамельки, а сама застеснялась, мол не обижусь ли я.

— Бери, сынок, бери, не сумневайся.

Потом мы еще долго сидели, она поведала мне о первых христианах, о царе Ироде, о том, как прекрасная Саломея потребовала головушку Иоанна Крестителя. Я слушал ее и был рад, рад тому, что она доверилась, что подарила мне свой наивный и трогательный рассказ. На душе стало тепло и спокойно. Там, внизу, славное море бликовало ослепительными солнечными звездами, белыми чешуйками накатывалась волна...

И, значит, уже не бывать беде,
и, значит, ненастье ушло...
Не только людям,
даже воде
Необходимо тепло.

Вот так и отметил в тот год свой день рождения далеко от дома, родных и близких друзей.

В автобусе, который отправлялся в Иркутск, собрались разговорчивые попутчики, многие знали друг друга. Машина рванула, сильно тряхнула пассажиров, потом пошла и дальше трясти по ухабам, пока не выбралась на асфальтированную дорогу. Мало по малу завязался общий разговор. Не помню с чего бы, может, проезжали мимо погоста, вспомнились кому-то пленные японцы, их в этих краях, говорили, было множество.

— Вона я и слыхала, как на родину их отправлять стали, они вагоны ветками да цветами разукрасили. А после пересадили их на баржи, а баржи те в море затопли.

Все замолкли. Другая женщина добавила:

— Эт так случилося, оттого что не хотели ихние, чтоб пленные коммунистами домой возвращалися.

— Что тута говорить! Вона у нас, на Байкале, есть мыс, называется Покойничий. Мне тут моряк рассказывал, он здесь в лесничестве работает.

— А про чо эт говорил?

— А про то самое, чо сюды к нам раскулаченных ссылали. Погрузили партию на баржу, чтоб переправить в Верхний Ангарск, а в пути разбушевался шторм, да такой страшной, что грозил потопить баржу и буксир. Капитан, он-те знал, чо спастись можно, ежели перерубит канат. Не рубил, боролся за русские душеньки. Да команда вынудила его, тем и спаслися, а баржа, как есть затопла, никтошеньки в живых не остался. Для убедительности женщина махнула рукой.

— Байкал — он-те мертвых не принимат, — продолжала она. Вода така у ем. Все трупы до едина повыбрасывал на тот мыс — на Покойничий.

Долго молчали.

— Видать, тихой родился, — сказала, молчавшая до сих пор старушка.

Матушка Таисия

— Динь, динь, динь!

Звук колокола разносился далеко по лощине, сливался с криками петухов, лаем собак, мычанием коров, с шумами повседневной трудовой жизни села.

— Динь, динь, динь!

Под этот звон когда-то провожали рыбацкие лодки на

промысел, теперь колокол оповещал о том, что служба в храме закончилась, что всем, всем, всем посылает свое благословение отец Владимир.

По крутой темной лестнице я вбежал на колокольню, где в тот же миг был ослеплен светом и подсиненным воздухом, который как бы лился откуда-то сверху. Звонарь не заметил меня. Он стоял, закрыв глаза, упиваясь перезвоном колокола. Ветер трепал его седые волосы, солнце подсвечивало их сияющим нимбом. Всей своей фигурой звонарь напоминал иконописных старцев с полотен Рериха.

— Динь, динь, динь!

Постояв немного, спустился вниз. Вошел в храм, как всегда, с какой-то опаской. Из-за перегородки услыхал шепот женских голосов:

— 15, 18, 20, 23. Шесть пишем, один в уме — получается 75 копеек. Батюшки-светы! Напутала, снова напутала!..

Послышался звон пересыпаемых монет, и снова шепоток:

— 15, 18, 20, 23, итого 76 копеек. Всего-то буде — девять рублей сорок семь копеек. Так, Матушка, и запиши себе в приходную книгу. Теперча точно, можешь проверить.

Матушка Таисия защелкала счетами, щелк, щелк, щелк!

— Сошлося, слава Те, Господи!

Пока женщины были заняты сложной для них бухгалтерией, я стал рассматривать иконы, которые всегда находились далеко от меня, а теперь представилась возможность подойти к ним поближе. К слову, следует заметить, что внутреннее убранство церкви столь же скромно, как и ее внешний вид. Правда, много, очень много икон. А вот пол окрашен обычной желтой краской. По нему разостланы старенькие, домотканые половички, в середине расстелен большой кусок бывшего когда-то ковра с пятнами от масла и воска. Подливать масло в лампады и следить за свечами входило в обязанности матушки Таисии, а она сама такая махонькая! Возможно, тут и ее погрехи?!... Пока я рассматривал церковь, вошла еще одна опоздавшая к службе душа, перекрестилась на алтарь, поклонилась, затем, подойдя к тем, кто пересчитывал церковную «выручку», довольно громко сказала:

— С праздничком вас!

— И вас с тем же! — ответили ей.

Сегодня ведь «День Морского Флота», мелькнуло у меня в голове, потом дошло — да не с ним поздравляют друг друга женщины, а с Серафимом Саровским! Наверное, ради него-то так упоенно звонил старый звонарь, а я-то!.. Этот

эпизод отвлек меня на мгновение. Я вернулся к своим мыслям.

Передо мной икона Тайной Вечери. Горит красная лампада, и с места, где стою, видится, что стоит она прямо на столе, за которым расположились Христос и его ученики. Икона написана в темных тонах. Может, время потемнило ее, или так было задумано художником когда-то очень давно. Огонек лампады теплится и дрожит на ликах сидящих, потому кажется, что они тихо беседуют меж собой...

Другая икона — думается святого Иннокентия, тоже освещена догорающими свечами. Свечи отекают воском и оползают на подставку. Святой «идет» мне навстречу по неведомой знойной пустыне, держа в руках свиток. И тут от движения воздуха, от марева пламени снова видится мне, как развеваются полы его складчатого одеяния. Удивительное превращение! Тут еще солнечный луч пробился, побежал по храму, озаряя потемневшие изображения, от чего они на миг оживали, потом опять прятались в неподвижную тень притворов, а луч все выводил следующих, чтобы они поведали нам о себе. Мне думается, что следует очень внимательно вглядываться в эти грустные, спокойные лики, слушающие, понимающие, прощающие. Это как раз то, что так нужно, так важно человеку, пришедшему к ним. Вот почему икона воспринималась верующими живой участницей человеческих судеб. Но вот почему же многие отходят от веры, почему не стало потребности в иконах-заступницах? Не потому ли, что люди стали считать себя всесильными, или оттого что иконы стали безразличны к судьбам людским?.. Исстари иконы представлялись небесными посланцами, они приходили, они могли нежданно и уйти. Сколько о них было наговорено сверхестественного, чудодейственного. Тогда и не могло быть иначе, а в наш век, люди перестали верить в чудеса. Нет нужды в чудесах, люди горделиво решили, что сами творят земные чудеса, и даже Юрий Гагарин позволил себе утверждать, что там, в облаках, Бога он не встретил!.. И что же, каков для него был ответ!..

Человеку думающему, ищущему видится все по-другому. Он не собирается увидать в телескоп сидящего на небесах Творца. Человек силится понять веру, понять сердцем, что только она ведет вперед, к светлому будущему человечество. Конечно, этот путь нелегок и уж, конечно, не под силу тем, кто слаб духом.

А вот еще одна икона в погнутой раме и под стеклом, потому сильно бликует. Вокруг нее вьется плющ, что рас-

тет в банке, обернутой тюлем. Венчиком уложены бумажные цветы. Когда я подошел, увидел, что то был образ Богоматери. Перед Ней, на коленях, стояла женщина. У женщины был такой вид, будто ждала она условного знамения, чтобы войти в ту черную бликующую пустоту через златые врата изогнутой рамы.

Догорали отекшие свечи, их сейчас начнут собирать. Так и есть, подошла матушка Таисия, крестясь, стала снимать огарки, потом подошла ко мне.

— Опоздал, сынок, служба, как видишь, закончилась.

— Да так уж получилось, сами знаете, с транспортом.

— На все воля Господня, — ответила она. — Я вот только свечи соберу, чайком угощу, вареньице славное есть у меня.

Отказаться от приглашения было невозможно, обидел бы добрую старушку, а она действительно была очень старенькая, говорили, восьмой десяток пошел, а надо же, такая шустрая, жизнерадостная, приветливая.

Клетушка, а иначе нельзя назвать, матушки Таисии находилась тут же при храме, темная и прохладная. Из мебели только стол, покрытый клеенкой, койка, заправленная лоскутным одеялом, тикающие очень громко ходики на стене да иконки на полочке с засохшей вербой и крашеными яичками. С потолка свисала тусклая лампочка без абажура. Украшали келью только цветы на подоконнике, высаженные в консервных баночках из-под горошка. Вот, пожалуй, и все.

Я сел на табуретку после того, как монашенка убрала с нее чайник и вытерла тщательно тряпкой. Потом она стала резать хлеб, разлила жиденький чаек по кружкам, стала искать что-то под столом, нашла, поставила передо мной баночку, на дне которой и было обещанное варенье.

— Угощайся, сынок, не стесняйся!

А я ей твержу, что, дескать, поел перед отъездом. Конечно, врал — есть адски хотелось!.. Съел ломоть хлеба с вареньем. Оно было действительно отменным — темно-красного цвета, с особой горчинкой. Жаль, что было его так мало, потому постеснялся намазать еще краюху.

— Из жимолости варенье-то, очень пользительное, кровь очищает.— Эх! — со вздохом добавила она,— молодые, бедные, ничего-то не знают, кто им подскажет, ежели родители все позабыли!

И она стала рассказывать мне о снах и о силе Креста.

— Сон дело тайное. Во сне душа с умершими встречается, только то, что во сне видывали, Господь не велит вспо-

минать. Жизнь моя так и идет: во всем на Господа полагаюсь. Днем прислуживаю, ночью общаюсь с теми, кого уже нет среди нас, и такая благодать настает, умиленье такое душе, когда слышу над собой шум ангельских крыльев...

Какое единение, подумалось мне. Пусть мир этой славной женщины с неизвестной никому судьбой примитивен, зато всему она находит свое объяснение. Пусть для нее мир на воде покоится, а вода та не в силах более держать безобразия и бесчинства земные...

— Вона сколько везде случаев по миру! — Войны, голод да болезни страшные. Смерть так и рыщет по Земле...

Вот так и только так она сознает своим сердцем великую гармонию жизни и смерти, вечное движение через смерть к жизни новой. Наверное, это ей воздалось за терпение, веру и кротость.

— Спасибо за угощенье, матушка. Я вот хочу еще равок подняться на гору, полюбоваться.

— Ну ступай, ступай с Богом, да не задерживайся, к автобусу не запаздывай. А ежели что, то в баньке устроим, овчину подстелешь, да и переспишь на лавочке.

— Не могу, матушка. Завтра на работу выходить. Не беспокойтесь, непременно успею.

Она проводила меня до порога, хотела было запереть церковь огромным кованым замком, как откуда ни возьмись перед нами возникла странная фигура.

Сеня

— Здрасте, матушка Таисия. Я к вам — по личному.

— Здравствуй, здравствуй, Семен, — ответила она улыбаясь, вероятно, догадываясь, зачем он пришел, да еще и по личному делу.

Семен стащил с головы беретку.

— Я хотел вам доложить, что муку давать будут, может, вам взять?

— Ежели будут, так пошто бы не взять, а по сколько?

— По два кило в руки.

— Так что? Тебе денег дать?

— Рубля три хватит.

— На муку не более рубля надо, еще и сдача останется. Обманываешь ты меня, Сеня. Тебе на вино, видать, не хватает?

— Точно! Я ведь врать не умею. Седни праздник, са-

ми знаете, вот мы маненько и решили собраться. Да я к вам пятого числа, как штык солдатский, заявлюсь, можете не сомневаться.

Он говорил так искренно, что отказать было нелегко. Так думалось мне, но не матушке Таисии.

— На вино дать не могу.

— Да я же как штык, точно, ну?

— Сказала ясно, не могу дать на вино. Вот обманул бы меня, тогда бы дала, — обернувшись ко мне, сказала она.

Видя такой оборот, Сеня весь сник, начал теребить свой и без того измятый берет. Старушка, глядя на него, тоже расстроилась. Мне было неловко.

— Ну, а что будешь делать, ежели отпуск возьмешь? — вдруг, помолчав, спросила старушка. — Ты ведь вроде как собирался?

Ей явно хотелось помочь Семену, да так, чтоб самой в грех не впасть, да еще на Серафима-Преподобного.

— Возьму да подамся на могилку к матери. А после сберемся с дружком за шишками, имеется мечта подзаработать деньжонок. Да чо не говори: ну да ну, а щас их нету-ти, денег-то.

— А сколько же тебе нужно?

— Да рубля полтора бы и хватило, — смекнул Сеня. — Ради светлого праздничка куплю пачку папирос да сгущеночки банку.

Старушка ушла к себе. Сеня шутливо подмигнул, дескать, ясненько.

— Добрая душа, только подход к ей нужон. Она беспременно даст.

Монашка вернулась.

— Вот тебе, Сеня, два рубля с уговором — не на вино дадены, на сгущенку, понял?

— Как не понять, понял!

Семен хотел было еще что-то сказать на прощание, да, видать, слов подходящих на радостях не нашел.

— Ну, так я побег? Точно, пятого — как штык. Можете не сомневаться!

Фигура, именуемая Семеном, исчезла за оградой, только его и видали. Матушка Таисия улыбнулась ему вслед.

— Хороший он человек, услужливый, поклонный. Раньше не пил, а как жена его померла... Ну что же, Бог простит и нас с ним, грешных.

И последнее

Я взобрался на гору. Оттуда был виден во всю ширь и даль величественный Байкал. Неразличимы были только противоположные его берега, они сливались по цвету с небом, а небо с водой. Внизу Листвянка смотрелась крохотной деревенькой с игрушечной церковкой. Тут я был, наконец, один и смог записать в блокнот свои мысли о том, что видел и о чем думалось мне.

Когда возвращался обратно, повстречалась девчушка с большим букетом ромашек. Пошли вместе. Подходя к храму мы увидели группу японских туристов, приехавших из Иркутска. Гости раздавали детям печенье. Тоненькие, как стебельки цветов, японочки пытались говорить по-русски «Спа-си-бо» и виновато при этом улыбались. Многие из них делали беглые зарисовки и торопясь фотографировали все, что только попадалось в объектив. Моя маленькая знакомая — Катенька — стала раздавать свои ромашки. Бдительный гид-переводчик на всякий случай начал потарапливать гостей: дескать, время позднее, пора возвращаться. А туристы хотели еще «поговорить» с приветливыми русскими людьми. Они все раскланивались, улыбались, говорили: «Досиданя, хореше, хореше!»

Наконец, их сгребли, и автобус тронулся. Изо всех окон высунулись руки... Мы тоже махали им вслед.

Когда машина скрылась за поворотом дороги, оставшиеся стали обмениваться своими впечатлениями.

— Я с Су-Иным сигаретами обменялся. Они мне ихние с картинками, а я ему наш «Север». Даже благодарил.

— Ну ты даешь!

— А я ему толкую: не меня сымай, видишь: старуха я, внучек сымай, они у меня пригоженькие.

И, правда, внучки-двойняшки стоили того, чтобы их «сымали» на память. Совсем крохотные с белыми волосенками, спадающими на глаза, с полуоткрытыми от удивления ртами, с лишайчиками на щеках и россыпями золотых веснушек на курносеньких носиках. Прелесть и только!

— До чего же здорово рисовать умеют, прямо-те раз — и готово. Матушку нарисовали, точно живую. Отца-настоятеля тоже нарисовали на память.

— А тута вылез, как назло, наш петух с курицей, так они и их нарисовали! Невидаль какая!

— Ну надо же!

— Эт называется сувенир. У их, поди, куры не таки, не нашенские!

— Ну надо же!

Долго не могли успокоиться, все от души смеялись и радовались, да тут подошел дед Денисыч, послушал, о чем судачат сограждане, потом и сам высказался:

— А усе-те равно мы им дали! Боле не сунутся. Во, пусть их видят, чо у нас в СЭСЭЭРЕ религия не запрещена, кому в охоту, тот и пожалуйста.

— Ну тебя, дед! Все-то ты токмо ворчишь. Хороши люди, вежливые. Вона детишек конфетами наделили.

— Во, во, а вы тут свои скворешни и пораскрыли!

Вечерело, повеяло прохладой, пора было и нам прощаться. Автобус отправлялся последним рейсом из села. Отец Владимир вышел провожать своих гостей. Он был в черной рясе с золотым крестом на груди, в черной бархатной скуфье на седой голове. Ветер трепал его бороду. Рядом с ним стояли матушка-попадья и дьячок. Поодаль махала рукой махонькая матушка Таисия. И не мог я тогда предположить, что это была моя последняя встреча с этими чудесными людьми, светлой памяти которых я посвящаю свой рассказ.

Иркутск, 1973 год

Маргарита Дюкова

СЧАСТЬЕ

В этот час ничего не случится —
будут сумерки длиться и длиться,
в этот час ничего не случится,
потому что случилось уже:
опустилась незримая птица
на Васильевский дворик столицы,
по глотку пьет, как из криницы,
то в моей, то в твоей душе.
В этот час ничего не случится,
будут сумерки длиться и длиться,
и с крылечка — под колесницу
перья снежные заметать...

* * *

Нетороплив английский детектив,
в России так романы начинают —
в них страсть и долг навек соединяют,
чтобы звучал трагический мотив.

Нетороплив и наш с тобой роман,
ах, что ему года и расстоянье,
и то, что счастье жжет, как подаянье,
и что за правдой следует обман.

Так невеселой ветреной зимой,
надвинув шапку и поднявши плечи,
спешит куда-то умный человече,
а дома ждут, и надо бы домой...

* * *

Когда зонт полночи кренился
и звездный дождь во тьме мерцал,
и лунной бледностью светился
овал знакомого лица,
казалось: клятвенным обетам
момент свершения настал!
Но неопознанным объектом
над миром ангел пролетал...
И эту боль воспоминаний —
о шелесте прохладных крыл —
сильней фактических страданий
мой бедный разум сохранил.

СОНЕТ

Привычна мне связующая нить
Души и тела — центра и окраин.
Вот это жизнь! Как в маленьком органе
Трепещет звук — без пользы, а звенит!

И, перегретым воздухом дыша,
Без кислорода — что уже не ново —
Блаженствую, покуда не лишат
Последнего дыхания земного.

Цветы философических полей,
Дейтерий океанов и морей
К ядру планеты возвратятся снова.

Но заросли речного камыша
Блаженствуют, пока их не лишат
Последнего дыхания земного!

Дюкова Маргарита Михайловна родилась в 1947 году в поселке Жигалово Иркутской области. Училась в Иркутском государственном университете на математическом факультете.

Публиковалась в газетах и журналах, автор книг стихов.

Живет в Иркутске.

Сергей Скудаев

* * *

Мне кажется, что я старик —
смакую жизни каждый миг,
смотрю на звезды, дождь, траву.
Последний день живу!

Мне летний вечер как вино!
Я жизни смысл постиг давно.
Он в том, чтоб, волнам вопреки,
Увидеть глубь реки.

Не слушать шепоты молвы,
а слушать шорохи травы,
смотреть на искры от костра
и слышать комара.

И вдруг, теряясь в звездной мгле,
забыть о горестной земле,
и веру потерять в рассвет
и в то, что Бога нет.

И вновь понять, что нет идей,
священнее, чем жизнь людей,
что в звездной холодно дали,
что нет другой земли.

Что люди слепы, а не злы,
что нет ни славы, ни хулы.
Что сам меж ними столько лет
мечусь, и слаб, и слеп.

Что скоро у обид в плену,
беду их принял за вину,
что долго на земле гостил,
не поздно их простил.

* * *

Родниковой воды зачерпну,
будто прошлую жизнь зачеркну.
Отопью и над сладкой водой
распрямлюсь, молодой, молодой!

Потечет меж ладоней вода,
затоскует, засвищет в бору!
Я на свете не жил никогда.
Никогда, никогда не умру!..

С долгим криком потянется нить
вдаль зовущих меня лебедей.
Почему, чтобы жизнь полюбить,
нужно к соснам уйти от людей?!

* * *

Когда ты вспомнишь акт рожденья
и полетишь на зыбкий свет,
окончатся земные бденья —
тогда узнаешь ты ответ!

И взглянешь на людей и землю,
о том печалясь и скорбя,
что злату, зрелищам и зелью
там служит все, как до тебя.

Что ложь лелеет их сознанье...
И вечно будешь ты страдать,
но здесь открывшееся знанье
туда не сможешь передать!

* * *

На жизнь в который раз (все смысл не разгадаю)
Гляжу, заворожен, как на воду с моста.
Куда-то все спешат, я молча наблюдаю
движение толпы, падение листа.
Кому-то хоть куда, но только бы со всеми
от бывшей немоты за флюгером речей.
Багряный жесткий лист среди морозной сини
по-прежнему скользит свободный и ничей.
В редеющих лесах березы полыхают,
и движется стекло медлительной реки.
Раздастся тихий всплеск, и кто-то завздыхает,
завозится в кустах, и заскрипят мостки.
Тревожно прошуршат желтеющие травы,
посыплется листва — и снова тишина.
А люди делят мир на правых и неправых,
И чьей-то жизни вновь снижается цена...
Что видится вдали?
Постылый дом разрушить,
увы не мудрено.
Отстроим ли затем?
Миг, да не озлоби
разбуженные души,
чтоб тот, кто был НИЧЕМ,
не оказался ВСЕМ!

* * *

Спешу ли в ночном такси я,
проснусь ли в купе пустом —
не знаю, где есть мой дом,
а, значит, он — вся Россия.

И в ней у меня есть мать.
С цинизмом в борьбе неравной
Меня не смутить неправдой
и правдой меня не сломать!

Есть женщина у меня.
В долгу перед нею вечном,
я прихожу к ней вечером
и греюсь, как у огня.

И если женщина вдруг
мне скажет:
  — Хватит! Устала!
Ее упрекать не стану. —
Есть у меня друг.

А если дружбу сломать
сумеет черная сила —
есть у меня Россия,
есть у меня мать!

Скудаев Сергей Дмитриевич родился в 1952 году в Читинской области. Окончил биолого-почвенный факультет Иркутского университета. Публиковался в газетах, в альманахе «Сибирь».

Живет в Иркутске.

Анатолий Стальбовский

* * *

Взыграй, веселый ум,
Как в бочке молодое
Играет виноградное вино,
Чтоб не было заботы о покое,
Чтоб не было печали о былом.
Искрись во тьме переживаний,
Выбрасывая мысли, словно газ,
Из кратера в проснувшемся вулкане
Под непрестанным взором тысяч глаз.
Пускай тебя ничто не остановит:
Ни страх, ни смех, ни шепот из толпы,
Ни ужас неизбежной боли
От в щепки разлетевшейся мечты.
Взыграй, веселый ум,
Как кровь играет в венах
У молодого скакуна в степи,
И пусть глаза забрызгивает пена,
И пусть встают преграды на пути!

* * *

Лечь костьми
Или с хрустом пройти по костям?
Этот жуткий вопрос
Испокон человечество мучит.
Над холмами могил,
Над глазницами вырытых ям,
Словно души людей,
Проплывают тяжелые тучи.

Им видать с высоты:
Вероломство слащавых друзей,

Раболепный плевок,
Что окурок хозяина тушит,
Сонм похвальных речей,
И охапку бредовых идей,
И как к узкой двери
Прилипают петлистые уши.

Им видать с высоты,
Как за блеском точеных зубов,
Раздвоившись, язык
Мирно гладит смертельное жало,
Как на нашей земле
Из правдивых и праведных ртов
Жестким кляпом торчат
Рукояти булатных кинжалов.

Ах вы, тучи мои,
Вам бы вылиться наземь дождем,
Смыть вонючую грязь,
Что так буйно цветет по планете,
Воскресить бы собой
То, что в землю зарыто живьем,
И из царства смертей
Нам звездою далекою светит.

Ах вы, души людей,
Вам бы крепкий костяк приобресть,
Позабыть, что давно
Возносились эфиром к светилам
И, отвергнув поэтов,
Бесстыже-придворную лесть,
Вы шагнули бы в травы
С любовью, и с лаской, и с миром.

И тогда пусть ступает
По вашим стопам детвора,
Без боязни споткнуться
О чей-то обглоданный череп.
Через горы и солнце,
Островочки родного двора,
Сквозь туман и дожди
До единственно правильной цели.

* * *

Я привык смотреть
На уходящее счастье,
Не оплакивая,
Провожать его,
А в плаксивые дни
Годового ненастья
Пить прокисшее в бочке
Молодое вино.

Выпивать до дна
Его нежные речи,
Опускаясь на дно
Переполненных чувств,
И прощая себе
Наши робкие встречи,
Не прошу никогда
Нецелованных уст.

В моем пьяном уме
Встает миражами
То, что крепко, казалось,
Держал я в руках.
А теперь схоронилось
За глухими лесами,
Пронеслось ветерком,
Растворяясь в лугах.

Не жалею о том,
Чего не имею:
Счастье не было главной
Мечтою моей.
Потому так легко
Я от жизни хмелею,
Что в любви рассмотрел
Смысл всех прожитых дней.

Борис Лапин

ГОЛУБЫЕ ЗАРНИЦЫ ЯЗОНА*

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

8

Прошу постараться войти в мое положение. Вы, наверное, уже заметили, что при каждом новом повороте событий я прошу войти в мое положение.

Какой поворот я имею в виду? А радиограмму за подписью Вацлава Броды! Когда мы отправляли свое сообщение, такой ответ был бы вполне «соответствующим». Но теперь кое-что изменилось, если не в сумме информации, то в моем толковании происходящего. Если бы не эта радиограмма, я, наверное, предпочел бы все-таки сняться с Язона, к исследованию которого — в сложившихся обстоятельствах — мы оказались готовы. Но сам Вацлав Брода дал добро на дальнейшие работы, пусть и оговорив предельную осторожность, так что теперь я уже не мог покинуть Язон, даже считая такое решение наиболее разумным, потому что все, и в первую голову я сам, квалифицировали бы подобное деяние как малодушие и трусость.

Я должен был продолжать исследования Язона по штатной программе и одновременно вести активное изучение феномена зарниц, угрожавшего нашей жизни, причем делать это в условиях круговой обороны, опасаясь на всякий случай всего и не зная, чего следует опасаться особенно. Да еще при условии, что самое разумное для нас с Гердом — не покидать базу. А кроме того, не отпало подозрение, что Герд так или иначе замешан в истории, приведшей Шарля к гибели, и я не только не имел права довериться ему во всем, но и вынужден был занимать по отношению к нему позицию оборонительную. Если Герд виноват, то безуслов-

---

* Окончание. Начало см. «Сибирь», № 6, 1990.

но понимает, что я держу его на крючке, стало быть, надо ему и со мной что-то делать. Словом, я был опутан обстоятельствами по рукам и ногам. Чего, конечно, не знал Вацлав Брода.

Взвесив все это, я пришел к выводу, что обязан сообщить Герду версию с обитаемым астероидом, ничего не скрывая, в том числе историю капитана Дьероши. Иначе не справлюсь даже с минимально необходимой в этой обстановке программой исследований и не сумею по-настоящему предостеречь Герда от опасности зарниц. Герд выслушал меня скептически.

— Что ж, так или иначе, — будем наблюдать. Пути наши идут параллельным курсом...

— Какие еще пути? — насторожился я.

— Ну, программа более основательного изучения границ, кто бы за ними ни скрывался, — едва заметно смутившись, ответил Герд. — Короче, я согласен. Как говорится, ответ существует в природе, дело ученого — суметь задать вопрос. — И тут же предложил несколько остроумных экспериментов по выявлению физической сути зарниц. С учетом гипотезы Голубого Луча. И, как я понимаю, каких-то своих гениальных прозрений.

До вечера мы занимались приспособлением нашей аппаратуры к этим экспериментам, подзаряжали аккумуляторы вездехода и устанавливали на нем дополнительное штатное оборудование магнитолета. Зарниц этим вечером не было.

Назавтра мы поднялись на нашем вездеходе-магнитолете и с высоты, как говорят на Земле, птичьего полета сфотографировали, прощупали и прозондировали горный гребень, откуда, как нам казалось, исходили зарницы. А кроме того, и глядели в оба, почитая глаза самым надежным прибором. Ничего мы не обнаружили, ни малейших признаков обитания живых существ — сейчас или в прошлом. Ни пещер, ни дорог, ни особым, «геометрическим» образом расположенных предметов, например, камней, ни следов, которые на подобных безжизненных глыбах держатся практически вечно. Только вход в шахту нашей базы. И баба...

Затем мы несколько раз облетели Язон в разных направлениях и для контроля прощупали другой горный район. Как и следовало ожидать, исследования дали однозначно отрицательный результат, а главное, чего не смогли бы добиться никакие ученые сектанты, температура нашего астероида ничуть не отличалась от температуры тысяч дру-

гих глыб, а ведь любая человеческая деятельность там, внутри, дала бы заметное рассеяние энергии. Гипотеза моя несколько пошатнулась. Но не лопнула. Ну, может быть, это не они сами, «Островитяне», а лишь оставленная ими аппаратура Голубого Луча. И даже не аппаратура — какая-нибудь излучающая порода. Камни ужаса...

— Этого следовало ожидать, Дима, — мягко сказал за обедом Герд. — Ты подступаешься к феномену с сугубо земными мерками. Дай тебе его пощупать! А щупать-то и нечего. Попробуй представить на нашем месте Шарля — как действовал бы он...

— Он уже показал, как действовал... на своем месте...

— И все-таки... Теперь мы имеем кое-какую информацию от зарниц... первую порцию информации. Почему не предложить, хотя бы в качестве рабочей гипотезы, что зарницы — это они... инопланетяне? Точнее — послание от них?

Я рассмеялся.

— Не ты ли, геноссе Лаубе, подначивал и дразнил Шарля инопланетянами, и вдруг сам...

— Обстоятельства меняются, Дима, и мы меняемся с ними. Но я не отступил от своей методологии: прежде рассмотреть все возможные естественные, земные объяснения, и лишь когда они будут исчерпаны... Почему ты не хочешь проработать гипотезу пришельцев?

— Хорошо, я готов проработать. А ты уже сделал это?

— Разумеется. У меня было на одну версию меньше.

Он явно намекал на мои подозрения по его адресу. Я предпочел этого вопроса не касаться.

— И к чему же пришел?

— У нас слишком мало информации...

— Браво! Уже нечто! Все-таки ноль — не пустое место, а точка отсчета!

Что ж, заданный Гердом вопрос и впрямь не лишен резона. Почему бы не проработать гипотезу пришельцев? Учитывая, что версия Голубого Луча дала изрядную трещину — ни один из самых изощренных наших зондажей не принес ни единого бита информации в подтверждение теории о живущей на Язоне (или жившей когда-то) общины. Но попутно, как я понимаю, и на весы пришельцев ни единой самой крохотной гирьки не уронил. Или я ошибаюсь?

Удивительно, как только голова не раскололась в эти дни. Точнее, ночи. Опять до утра просидел я в своей конуре, из всех сил ворочая извилинами. Но фактов было явно недостаточно, Герд прав. Похоже, и он занимался тем же — я слышал его размеренные шаги по каюте, иногда ти-

хое посвистывание. Что-то из «Тангейзера», монотонное и трагическое.

По моим наблюдениям, Герд здорово изменился за это время. Осунулся, почернел, глаза лихорадочно светились мечущейся непойманной мыслью. Иногда мне казалось, его гложет вина перед Шарлем. Но, может быть, Герд просто-напросто пересматривал свои с ним отношения, а заодно — и свое мировоззрение? У меня создалось подспудное впечатление: Герд сломился. Стал совсем другим. По крайней мере, ирония навеки оставила его.

Итак, следуя принципу Герда, я перебрал все «естественные» объяснения и взялся за... «сверхестественные». Хочу еще раз подчеркнуть: я отнюдь не противник теории множественности обитаемых миров, я лишь противник каждую дыру в науке затыкать «пришельцами».

Ну, прежде всего, я попытался с точки зрения этого допущения проанализировать феномен зарниц. Будто они — не отпугивающие сигналы некоего скрывающегося от нас сообщества людей и не случайные причудливые всполохи, вызванные неведомыми, однако вполне естественными причинами, а небесные знаки, чье-то внеземное послание, адресованное нам. Допустим, ОНИ обращаются к нам. Жаждут сообщить некую информацию. Но если зарницы действительно несут в себе информацию, позволительно спросить: а кто же именно ОНИ? Люди или джинны? То есть тот человечек, которого голубые призраки смахивали крылом, или же сами эти призраки? Что это, непосредственный их мир, так сказать, в натуре, или только его изображение, кино, какая-то автоматика в недрах астероида? Затем: если это инопланетяне в какой-то их ипостаси, и они прямо и не таясь обращаются к нам, зачем же им скрывать физическую суть феномена? А ведь наши приборы никаких физических явлений, сопутствующих зарницам, не зарегистрировали. Ну, и еще ряд вопросов. Почему зарницы столь пагубно повлияли на Шарля — и несоизмеримо слабее на нас, увиденные в телезаписи? Разница в сущности незначительная — если речь об информации. Какова оптическая основа всполохов, учитывая, что на астероиде нет ни атмосферы, ни магнитного поля? И что это, если не излучение? А коли так, поможет ли наша защита: скафандр, вездеход, даже подземелье? Короче, размышления мои сводились к вопросам, только к вопросам — все новым и новым. Едва ли стоит перечислять их. И едва ли стоит называть это анализом. Но на большее у меня не хватало фактов.

О чем я говорю — «не хватало фактов»! Будто я хоть

одним-разъединственным фактом располагал! Как я был опрометчив, пообещав Герду «проработать» версию пришельцев! Прошу обратить внимание: когда я развивал свои предыдущие гипотезы, я тоже по сути не располагал никакими надежными фактами. Но разве это помешало? Здесь же я поминутно ловил себя на том, что не в состоянии даже связно рассуждать, нить мысли то и дело рвалась, и в итоге все размышление сводилось к вопросам, которые некому адресовать. А ведь теоретически я неплохо подкован на тему пришельцев, да и Шарль с Гердом постоянно манипулировали при мне различными аспектами этой проблемы. Теперь же, едва коснулось практики, никаких аспектов не осталось, один глупейший вопрос вертелся на языке: господи, да что им от нас нужно? Я не мог высказать ни единого сколько-нибудь обоснованного суждения не только о том, кто они, но и есть ли они вообще, страхом ли они нас потчуют или высоким, а потому жутковатым знанием, убивают ли как бычков на бойне или приобщают к высотам галактической культуры. Я не был готов даже к тому, чтобы раскованно порассуждать на тему пришельцев. Согласитесь, вопрос: «Что им от нас нужно?» — еще не анализ.

Вообще-то говоря, слово «анализ» в применении к поясснику звучит непривычно, но здесь, уверяю вас, я превзошел себя. И Герд, конечно, тоже. Обстоятельства заставили. Разумеется, мы не гении, мы труженики, чернорабочие космоса, и особых склонностей к анализу нам не требуется. Но голова на плечах нужна, без головы на Поясе делать нечего. Так вот, по сложившимся на Земле представлениям, поясники — этакие бездумные герои, лихие покорители космоса, этакие ковбои в скафандрах, то и дело заарканивающие астероид за астероидом. Все это романтическая чепуха. Мы труженики, обычные труженики, в меру отважные и в меру осторожные, в меру новаторы и в меру рутинеры. И никаких лавров, во всяком случае, не больше, чем у шахтеров Марса или земных океанологов. Я, например, всю жизнь в космосе, можно сказать, в пекле, а только раз попал в фильм — когда мы сдвинули с орбиты астероид, состоящий из магнитного железняка. Кстати, благодаря этому фильму и познакомился я с Верой...

Веру я вспоминал частенько. Веру и свою сибирскую тайгу. Не только потому, что эта встряска заставила подвести жизнь к общему знаменателю. Скорее потому, что характер у меня такой. По самой глубинной сути — далеко не космический. Чуть что, переносит меня некий внутренний суперзвездолет домой, на Байкал. И к Вере моей. Так

что, если разобраться, никакой я не кочевник космоса. Домосед и однолюб. Истинно!

Впрочем, благо, что никто об этом не знает. У нас, десантников, сантименты не в почете. Да и не мешает мне эта привязанность к Земле, к дому и жене быть работником космоса. Космос я тоже люблю, и тоже к нему привязан. Ого, да еще как! Давно уже подмечено: тот не поясник, кто вздыхает по единственному облюбованному уголку Земли, где хотя бы раз в два года дышит полной грудью и бывает совершенно и безоглядно счастлив. Как я у себя на Байкале.

Вот и к жене у меня такая же привязанность. Верочка моя — существо особенное. Гранит. Сталь. Алмаз. Мною, например, может вертеть как пожелает. И что совершенно обезоруживает — мягкостью берет, кротостью, нежностью. Не только меня, прокаленного жесткими излучениями и солнечным ветром, — мир берет женственностью. И союз наш настолько полон смысла, что лишь вместе мы составляем два особых «я»: я ее твердая оболочка, она моя мягкая сердцевинка. Однако только здесь, на Язоне, я окончательно уяснил: без нее моя жизнь — ничто, даже заполненная до краев космосом, риском, мужской дружбой, экспедициями, десантами, змеехвостыми кометами и золотыми на фоне черно-фиолетового неба россыпями Пояса. Наверное, лишенный всего этого, я не смог бы существовать — даже с нею. Но без нее... Словом, вы меня поймете.

И вот, раздумывая о Вере и о Байкале, припомнил я один случай, имеющий, как мне кажется, прямое отношение к происходящему.

Это было в начале июня, по берегам Байкала еще лед лежал кое-где, и мы с Верочкой возвращались домой береговой каменистой полосою — после рыбалки на зорьке. Шли и болтали, очень собой довольные. И вдруг один из валунов поднялся на дыбы и зарычал. Это был здоровенный матерый медведище, тощий и облезлый, с мокрым брюхом и лапами — тоже, видно, пытался рыбалить, им в этот период не больно-то сытно живется в тайге.

Мы замерли. Сзади путь нам преграждал утес, уходящий в воду, — мы только что перелезли через него, причем не без труда. Впереди стоял медведь. Огромный. Голодный. Злой. То есть ситуация предельно ясна. Я вытащил охотничий пистолет.

Вообще-то у нас медведи охраняются, стрелять в них можно лишь в случае крайней опасности. И если бы я оказался с ним один на один, я бы еще подумал. Но тут была

Верочка. И дома нас ждал годовалый Вовка. А топтыжка, увидев оружие, вовсе осатанел и прямо на задних лапах двинулся на нас. Совершенно нахально.

«Не стреляй!» — крикнула Вера и повисла у меня на руке.

Я отшвырнул ее прочь и снова вскинул пистолет. Зверь остановился в десяти шагах, приложил лапу к голове и оскалил зубы. Конечно, можно было предположить, что он приветствует нас и улыбается, но мне было не до предположений.

«Не стреляй, — еще раз умоляюще шепнула жена. — Он какой-то ненормальный».

А мишка давай топтаться: то ли кружится на месте, то ли плясать — черт его разберет. Может, у них обычай такой — сплясать, прежде чем полакомиться человечинкой. И когда он снова двинулся на нас, я выстрели почти в упор. Но не попал — Вера помешала. Косолапый остановился, подумал, отбежал, еще подумал — и вдруг приволок камень пуда этак на три и бросил в песок. Мы стояли и глаза на него лупили, не в силах что-либо сообразить. А он принес еще камень, еще...

Это же возмутительно! Непорядок! Ежели ты медведь и хочешь нас задрать — нападай. А не хочешь — проваливай, не топчись на дороге. Одно из двух. Таскать же камни перед носом испуганных людей не принято, уважаемый. И я твердил про себя, держа палец на спуске: «Господи, да что ему от нас нужно?»

Наконец, мы смекнули, что складывает он камни не просто как попало, а в определенном порядке. И через пять минут перед нами возникло слово, выложенное двухметровыми буквами: «Тяпа»... Представляете теперь, что такое контакт? Ведь это же надо носом ткнуть человека, чтобы уразумел, что не нападают на него. Что это всего-навсего — контакт!

Верочка бросилась к нему: «Тяпа, Тяпа!» — точно к зайчишке, принялась за ухом чесать, чуть не обнимать. А я все же держу пистолет на взводе: мало ли что, Тяпа ты Тяпа, а как лапой долбанешь... Ну, поиграли, пообщались, пора бы и честь знать. Но Тяпа не пускает, то ли соскучился по человеческому обществу, то ли что. Вспомнили мы: прошлой осенью вышло постановление — всех медведей из школьных живых уголков выпустить на волю, а то что ни школа — медведь. Этот, верно, тоже был из «школьников»: грамоту знал, правила вежливого обхождения усвоил, улы-

баться и гримасничать научился, одного не умел — добыть себе пропитание.

И тут мы взяли в толк: он же голодный, бедняга, сам рыбачить не наловчился, вся надежда на человека. По его понятиям, человек просто обязан его кормить. Пришлось выложить Тяпе улов. Он поблагодарил, поклонился в пояс и занялся рыбой, потеряв к нам малейший интерес. И мы пошли домой. Дернул же меня черт обернуться — на пузе у Тяпы болтался ремень с потускневшей медной пряжкой, а на пряжке — флотский якорь. А мы ухитрились эту весьма даже заметную пряжку в упор не разглядеть...

Истинно смутное это дело — контакт!

9

Мы снова встретились утром. Это было уже следующее утро после двух бессонных ночей и мучительного дня раздумий. Правда, все в моей воспаленной башке перепуталось к тому времени, тем более, трудно было фиксировать земные сутки, по которым мы жили, и «сутки» Язона, с которыми не могли не считаться. Однако я точно запомнил, это было утро: мы с Гердом поначалу заказали Фенечке наш обычный завтрак — омлет с ветчиной. И, лишь проглотив его, обнаружили в себе зверский голод — вероятно, мы ничего не ели полтора суток — и заказали жареную курицу с капустой, рыбу под белым соусом и яблочный пирог. А Герд, вздохнув, потребовал еще и сосиски.

Это было утро четвертого дня на Язоне. Всего лишь четвертого! Вчерашний вечер мы встретили во всеоружии — готовыми к комплексному наблюдению зарниц. Однако никаких зарниц не появилось. Может, их вообще не бывает, а нам удалось лицезреть нечто исключительное. Может, и не на Язоне вовсе, а за его пределами. Какая-нибудь гравитационная аномалия в определенной точке орбиты. Гигантское газовое облако. Чья-нибудь потерянная «корона»... Конечно, Шарль что-то понял, но унес это «что-то» с собою. В геометрическую низкотемпературную капсулу из-под батарей астроспектрографа.

Примерно с этой мысли я и начал разговор.

— А не кажется ли тебе, доктор Лаубе, что никаких зарниц вообще больше не будет? Это был редкостный единичный случай — надо же, как не повезло Шарлю!

— Почему ты так думаешь? — уточнил он, смакуя яб-

лочный пирог. Пирог его интересовал в этот момент явно больше моих глубокомысленных суждений.

— Вчера же не было.

— Вчера мы их просто не включили, — мимоходом отмахнулся Герд. Будто речь шла о вентиляторах в кухонном отсеке. Или о светильниках в шахте.

— Как так — не включили?! — воскликнул я. И тут же сообразил, что напрасно выставляю себя тупицей. Сам же высказал вчера соображение, что баба каким-то образом «провоцирует» зарницы. Он и не ответил на мой риторический вопрос. Он с тщанием вытер губы салфеткой и заговорил совсем о другом.

— А ты знаешь, геноссе Дима, мне здорово помогли твои вчерашние басни. Возможно, если бы я учился в академии, как ты, я бы и сам додумался кое до чего. Но я учился на Земле и не имел счастья наслаждаться в свои студенческие годы слушанием столь чудесных легенд и преданий...

«Ну, начинается, — подумал я. — Герд Лаубе неисправим!» Однако он тут же «исправился» и перешел к делу.

— Твои предполагаемые отшельники посреди Большого Бабая, с их парализующим Голубым Лучом страха... Мечущаяся в том же районе Златокудрая Изольда с нейтронным излучателем, убивающим все живое... Бесследное исчезновение в тех же координатах многих десятков кораблей... Леденящий кровь «летучий голландец»... и все это на осевой линии Пояса, которая есть не что иное, как бывшая орбита Фаэтона... более того, в ограниченном районе Большой Бабай, рассчетном центре гипотетического взрыва, давшего жизнь Поясу, то есть по сути на месте погибшего Фаэтона! Поэтому, сдается мне, говоря сегодня о зарницах, мы говорим о Фаэтоне...

Черт возьми, в его догадке была своя логика, видимо, поэтому я вспылил:

— Да что ты мне склоняешь Фаэтон! Я уже вышел из того возраста, когда слушают сказки! Не глупее нас с тобой люди занимались этой гипотезой — и все-таки отвергли ее...

— Не отвергли, а отодвинули за неимением достаточного количества фактов. А мы с тобой кое-какие новые факты получили.

— То, что мы получили, не факты, а байки. И не новые, а весьма древние. Те, кто занимался гипотезой Фаэтона, к твоему сведению, как и я, учились в академии. По крайней мере, некоторые из них...

— Я не о байках, Дима. Не только о байках. Видишь

ли...— Герд был терпелив, как учитель, разъясняющий ребенку трудную задачу.— Когда я вижу на своей тарелке десяток кусочков жареного мяса с дырочкой посередке, причем все кусочки с одного бока подгорели, я не без оснований полагаю, что в данном случае имело место наличие шампура. Кстати, ты наелся, Дима?

— Пожалуй, ты прав,— пробормотал я.

Герд понял мои слова по-своему.

— Фенечка! По шашлыку, пожалуйста! Да чтобы подгорел с одного бока! Так вот, геноссе Дима, все, что происходит с нами сегодня... и что происходило вчера и позавчера в районе Большого Бабая... это остатки неведомой нам цивилизации Фаэтона...

Он мог бы и не резюмировать: я понял это еще в тот момент, когда он описывал шашлык. И, пожалуй, одновременно осмыслил заметную разницу между нами. Я прежде всего практик, командир группы, десантник-поясник. Герд же Лаубе скорее теоретик, мыслитель, ученый. Вот почему он сделал свой вывод раньше меня. Хотя и опираясь на мои материалы и опыт десантника-практика. А кроме того, он был значительно лучше подкован для осмысления темы инопланетной цивилизации... контакта... пришельцев... называйте их как хотите!

— Видишь ли, Дима, я не просто так с порога отверг твою гипотезу отшельников, владеющих Голубым Лучом. По весьма понятной причине: ни одна замкнутая секта не может обогнать в своем развитии общество в целом. Даже и в какой-то отдельно взятой отрасли техники. Поэтому весь фольклорный материал и рассказ твоего старшего товарища капитана Дьероши я прокрутил исключительно с точки зрения моей единственной гипотезы.— Он подчеркнул голосом «единственной», но я и на этот раз ничего не заметил. — И ты смотри, геноссе Хлебников, как воспрянула под напором свежих фактов теория Фаэтона! Десятой планеты Солнечной системы, взорвавшейся всего шесть миллионов лет назад. Однако не погибшей, нет! Споры жизни Фаэтона развеялись по Поясу и продолжают существование в свойственной им форме. Чему свидетельство — необычайная смерть Шарля, которую мы хотя и не видели своими глазами, зато слышали своими ушами. И в любой момент, включив запись переговорной, можем убедиться: они сделали попытку поговорить с ним!

Я усмехнулся, вспомнив, как в динамике появился вдруг какой-то ненормальный, запыхавшийся, что ли, голос Шарля Мбукву: «Герд... Геноссе Лаубе... Запиши-ка, меня вдруг

осенило... Доказательство теоремы Герлиха... — Он сравнительно внятно, но слишком уж, пожалуй, торопливо, продиктовал свое мнимое доказательство. — Потом потолкуем, геноссе Лаубе... Пока не до этого...»

Да, Герд был искренне изумлен. Изумлен и сбит с толку. Совершенно очевидно, о теореме Герлиха у них не было разговора. И что интересно, это доказательство, неважно даже, истинное или ложное, Шарль обнаружил у себя в голове: «осенило»! Теорема Герлиха не пустяк, чтобы сразу же от нее отвлечься, едва нашел доказательство. Но Шарль отвлекся. Лишь в эти мгновения он понял, что на него воздействует нечто со стороны... что он получает информацию... вероятно весьма для него заманчивую... скорее всего, зрительную; «Потом потолкуем... Пока не до этого...»

Около десяти минут Шарль молча созерцал нечто чрезвычайно интересное, настолько, что даже голоса не подал. И лишь потом закричал не своим голосом: «Эврика, я нашел, ребята! Фаэтонцы понимали...» Помню, его нечеловеческий хохот впервые насторожил нас. Слышалось в этих раскатах нечто торжествующее: «Мы вольем в гипотезу Фаэтона своежую кровь...» Да, он говорил о крови, но еще не думал о ней. Вероятно, до следующего мгновения, когда горло его перехватил хрип, еще не осознанный, мешающий высказать главное: «Великая нация... Трагический исход... Это было великолепное зрелище... неповторимое...»

Скорее всего, на этом информационное воздействие прекратилось. Почувствовав, что дело табак, он еще попытался спасти, но не себя — добытое столь дорогой ценой знание: «Дима... Дима... Включи телезапись... и все поймешь...» Больше он уже ни о чем не мог думать — его сдавили пальцы костлявой. Слабые всхлипы, стон. «Помогите!» Лишь теперь он бросился бежать. Или сделал несколько шагов, спасаясь от верной гибели. И свалился в расщелину. Уже обреченным свалился.

Пожалуй, Герд, прав. Это не могло быть ничем иным. Это был контакт. Находясь возле бабы, Шарль «включил» зарницы и вступил в контакт с ними. Однако... что же еще мог он видеть, кроме того, что записалось автоматикой базы и что видели мы с Гердом? Что еще — кроме зарниц?!

— Мы тоже видели этих голубых... голубых бестий. Их разгульные танцы. Однако никаким Фаэтоном там и не пахло, — возразил я.

— Но Шарль умер, насмотревшись зарниц в натуре, а мы лишь легкое головокружение испытали, — напомнил Герд. — Стало быть, воздействие феномена было ослабле-

но в десятки раз. И вот что важно, Дима. Сколько бы на Земле ни моделировали первое сообщение при вступлении в контакт, оно всегда состояло из азов математики. Поскольку для всего мира математика едина: «3+3=6. 3×3=9. 3³=27. Ну и так далее... И лишь если перципиент воспринимал текст, контакт продолжался.

— Ты хочешь сказать, они настолько выше нас, насколько теорема Герлиха выше таблицы умножения?

— Я хочу сказать, Шарль выдержал экзамен. Он понял, что это теорема Герлиха. И по-своему передал ее нам... а заодно им. То есть повторил. Только после этого... обрати внимание, Дима!.. они дали основное изображение... информативное... которое и убило Шарля.

Так вот же она, флотская пряжка контакта! Как мы раньше этого не заметили?! А вдруг — совпадение?

— Что же это могло быть... основное изображение? Если проверочным тестом они дали теорему Герлиха? И кто они, эти голубые зарницы? Сами они... или их изображение? проекция? запись?

— Слишком много вопросов сразу, Дима! Но это именно те вопросы, которые мы обязаны задать себе. И на которые я предварительно ответил. Мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем, сами ли они предстают перед нами в виде голубых зарниц или только их изображение. Но очевидно одно: это и несущественно. Если зарницы ведут контакт, если им поручены переговоры, стало быть, это полномочные представители той цивилизации. Цивилизации Фаэтона.

— Погибшей цивилизации, — уточнил я.

— Нет, скажем точнее, рассеявшейся по орбите. Утратившей первоначальный облик. Но сохранившей суть. Или хотя бы память о сути. Информацию.

— Допустим. Но как ты это представляешь физически? Планета раскололась на миллионы различной величины глыб и камней. И вот на некоторых астероидах сохранились голубые зарницы. Что это, они сами, живущие на мертвом камне без воздуха, без пищи, без воды? Или их информационные установки, оставшиеся без энергии и без присмотра? А может, поле? Магнитные всплески? Автоматически действующие излучатели?

— Ах, Дима, Дима, — покачал головой Герд Лаубе. — Будем поосторожнее с земными аналогиями. Не дадим сбить себя с толку. Я всего лишь человек, как и ты, нам ли судить о физической сути их воздействия на нас! Ну давай разобьем большой магнит на сто частей — все равно каждый из маленьких магнитиков будет показывать в ту же

сторону — в сторону северного магнитного полюса. Или если зеркало разобьется на тысячу осколков... Мне представляется гораздо важнее первый твой вопрос: что они показали Шарлю? Какие сведения они считают первостепенными? Поверь мне, геноссе Дима, нет сейчас ничего важнее, чем ответить на этот вопрос. Узнав это, мы узнаем, кто они. И поймем, как нам действовать дальше...

— Что им от нас нужно, — пробормотал я.

— Именно! Вспомни, ты говорил о трех печках феномена. А надо определить одну и от нее плясать. Так вот, с бабой, зарницами и теоремой Герлиха мы более или менее разобрались. Попробуем теперь определить эту одну печку, как ты по-русски точно выразился.

— По-русски метко? — усмехнулся я. — Вот уж не думал... Для меня абсолютно ясно, о чем они должны толковать. О причинах гибели планеты. Если уж вещать для других цивилизаций, то лишь для того, чтобы предостеречь их. Иного смысла я не вижу.

— Ты гений, Дима! — вскочил Герд. — Светлый гений Пояса астероидов! Сибирский Кант!

— Гегель с берегов Байкальзее, — добавил я.

— Именно так, Гегель с берегов Байкальзее, где я обязательно побываю. Мы пришли к единому выводу, Дима, стало быть, оба близки к истине!

— Или оба ошибаемся.

— Ты знаешь, — продолжал он торопливо, — как-то мы с Шарлем рассуждали о возможных причинах гибели высокоразвитой цивилизации... не здесь, еще в прошлой экспедиции... перебрали все допустимые причины — и пришли к любопытным выводам... Во-первых, вероятны два пути гибели цивилизации, существенно различных: постепенный и мгновенный. Так вот, причиной постепенной гибели могут стать экологический криз планеты, истощение сырьевых и энергетических ресурсов, генетическое вырождение...

— Религиозные распри, антагонизм поколений, информационный криз, — дополнил я.

— Возможно, не спорю. Хотя названные тобою беды нельзя отнести к необратимым. Что же касается гибели внезапной, катастрофической, — здесь мыслимы лишь две причины: социальная и расовая.

— Лишь две! — невольно воскликнул я. — Да там с десяток. Боже, как хрупок мир.

— Пятьдесят на пятьдесят, — невозмутимо констатировал Герд. — Из двух известных нам с тобой цивилизаций

одна разлетелась в дребезги, другая сумела сохранить себя...

— Добавь: пока и чудом. Вспомни двадцатый век!

— Примерно в таком же настроении обсуждали мы эту проблему с Шарлем. Доискивались, откуда исходит главная опасность. И ты знаешь, пришли к единодушному выводу... — Он обхватил голову руками и на минуту замолк. — Не могу забыть, Дима, как парили в небесных сферах эти голубые бестии... как ползали по земле черные человечки. И когда черные пытались не то чтобы воспарить, хотя бы распрямиться, вздохнуть свободнее, что делали голубые? Они как бы мимоходом, крылом или хвостом сталкивали их в тар-тарары... И вот, уже обогащенный печальным опытом Язона, я возвращаюсь к тому давнему разговору — и делаю вывод...

Я представил высокий черный лоб Шарля, его смоляные кудри, шалый огненный взгляд — и мне стало ясно, к какому выводу пришел в свое время Шарль Мбукву.

— ...что единственной причиной гибели цивилизации Фаэтона могла быть расовая нетерпимость, дошедшая до предела!

Герд опешил. Сдается, никак не ожидал от меня столь быстрой отгадки. И прошептал:

— Почему ты так решил?

— Не мудрено, — уклончиво ответил я. — Голубые бестии, черные рабы... Голубая кровь, черная кость... Думаю, Шарль никогда не забывал, что какие-то двести лет назад его предков линчевали.

— Да, он был нетерпим в этом вопросе. Вот его слова: «Бредовая идея расового превосходства. Бредовая и преступная!» Мы даже прикинули, как это могло произойти, — опять затараторил он. — Хотя сегодня, так сказать, в свете зарниц, все видно гораздо отчетливее. Но схема та же, Дима, схема определена еще Шарлем. В общем, в процессе развития общества расслоение наций зашло так далеко, что они даже физически стали разниться. Если черные сохранили форму своего биологического существования, голубые как бы воспарили над собственным телом. То есть они, может быть, и остались связаны с ним, но в то же время приобрели высокую степень свободы. Однако чтобы голубые вольно парили над землею... то есть над планетой... черные должны были день и ночь работать на них, обеспечивая как минимум энергией. Возможно, внутри планеты находился колоссальный накопитель энергии. И когда жизнедеятельность голубых была обеспечена уже на миллио-

ны лет вперед, они решили избавиться от грязных рабов, которые все-таки давили им на совесть... мешали наслаждаться жизнью... и стали не нужны...

— А черные узнали об этом — и взорвали накопитель? Браво, Герд, весьма оригинально! Как в детском фантастофильме! И теперь голубые предупреждают всех соседей по вселенной: не обижайте черномазых. Так?

Похоже, Герд обиделся.

— Предостерегают: бредовая идея расового превосходства губительна для цивилизации. Вспомни-ка, из-за чего едва не погибла Земля в конце двадцатого века!

Я задумался. Да, конечно... «Богоизбранная нация», призванная пасти заблудшее стадо человечества... Пример Земли более чем доказателен. Но... Добавляет ли что к нашему собственному опыту печальный опыт Фаэтона? «Великая нация... Трагический исход...» Какого черта, я все еще рассуждаю как владыка вселенной! А если я лишь гражданин вселенной?.. один из многих?.. еще не переживший бури, вызванной «пастырем народов»?.. тогда и рассуждать не приходится! Мне протягивают руку... Возможно, это единственный шанс за всю минувшую и грядущую историю Земли... или жест, предостерегающий от падения... или обращение к брату за помощью... И что же, я буду раздумывать, выгодно ли мне это неведомое знакомство? Да ни минуты! Я просто не имею права не ответить на рукопожатие. Даже если мне грозит гибель...

— Значит, нам не следует руководствоваться в переговорах с ними идеей космического братства? — спросил я.

— Точнее, нам следует отрешиться от идеи геоцентризма. Отрешиться напрочь, решительно и бесповоротно! И сделать это разом. Иначе едва ли найдем общий язык.

— Ты собираешься контачить с ними?

— А ты разве нет, Дима?

Я не понимал одного: куда это он в течение всего разговора торопился? Точно спешил побыстрее проскочить опасный участок пути. Уж не свидание ли с зарницами? Едва ли, баба при всем желании никуда не денется. И спросил прямо:

— Если бы Эвелин бежала не с Торпом, а с Шарлем, мог бы ты его убить?

Шея Герда побагровела, он рванул воротник.

— Мог бы, — прохрипел Герд. — Но твоя аналогия хромает, геноссе Дима. Я бы убил его не как представителя другой расы, а как брата... Кровного брата, обманувшего лучшие мои чувства. Мы оба любили его... оба... с Эвелин...

Фенечка молча поставила перед нами тарелки с жареным мясом и луком. Все кусочки мяса были проткнуты посередине и с одного бока слегка подгорели.

10

За обедом мы обговорили еще один остроумный экспперимент. Мы решили «просветить» наш Язон, провести эхолокацию астероида, чтобы выявить малейшие отклонения от средней плотности пород: а вдруг этим способом удастся обнаружить полости или уплотнения? Ведь ежели где-то здесь упрятана какая-то хитроумная аппаратура зарниц, в данный момент бездействующая, мы все равно ее засекли бы. Правда, предстояло изрядно поработать, чтобы заставить нашу штатную аппаратуру «видеть насквозь», но это не страшило. Наоборот, радовало.

Кроме того, мы решили с сегодняшнего дня поочередно дежурить на вездеходе в окрестностях бабы, «караулить» зарницы. Я не видел в таком дежурстве особого резона, однако согласился с Гердом: не сидеть же взаперти в нашем подземелье. Разумеется, еще раз скрупулезно оговорили технику безопасности. Первейшее требование: наблюдать только из вездехода, по экрану теле, никаких прямых наблюдений! Впрочем, в отличие от Шарля, Герд Лаубе всегда был сама дисциплинированность. А за себя я не тревожился.

Этот мирный разговор, предстоящая сложная работа и хоть какая-то определенность, появившаяся в нашей жизни, приободрили меня и успокоили. Видно, не приспособлен я для «чисто головной» работы. Да еще затеплилась надежда — «авось пронесет!» Авось да не появятся больше зарницы, чтоб им ни дна и ни покрышки...

И вот Герд ушел «на свидание», как он сам выразился, добавив еще, что-де не очень-то надеется на встречу с ветреной красавицей. Я занялся перенастройкой аппаратуры, а сам соображал, что бы еще такое хитренькое предпринять, чтобы зафиксировать наших неуловимых «голубых ангелов», если локация ничего не даст. И уже всерьез подумывал, не вызвать ли сюда специалистов по бабам, мастеров черной магии и охотников за призраками. Но вовремя одернул себя: «Распустился, Дмитрий! Избаловался! Ты и есть это самое, специалист-универсал. Одно слово — поясник. Не кому-нибудь, а тебе доверено раскусить сей орешек по имени Язон...»

И тут включился Герд. Голос у него был почти что ликующий.

— Дима, феномен! Самое начало... Я в вездеходе, даю изображение на тебя. Наблюдай, потом сопоставим.

Помню это «сопоставим» натолкнуло меня на мысль подключить к наблюдениям Евстигнея. Сопоставлять так сопоставлять.

— Ты в порядке, Герд? — спросил я. — Все меры предосторожности принял?

— Не мешай, смотри! — отмахнулся он досадливо. — Да, да, я в вездеходе...

Отложив очередной глиссер, я сел перед экраном.

Это было почти то же самое. Только теперь картинки застывали. Менялись — и застывали на секунду-другую, словно бы специально для того, чтобы их успели разглядеть. И мне действительно удалось разглядеть много больше, чем в прошлый раз. Но это не значит, что я хоть чуть лучше разобрался в этой галиматье. Вот уж воистину зрелище — вспоминать тошно. Это была такая заумь, такой интеллектуальный винегрет — только собак дразнить. Я встал весь мокрый от пота. Сердце колотилось как у зажатой в кулак птахи. Голова раскалывалась. В висках изрядно пульсировало. Не то чтобы подташнивало, но порядочно подсасывало внутри. Я поднялся, хватаясь руками за стены, с трудом отыскал клавишу переговорного и, едва ворочая языком, спросил:

— Ну как ты, старина?

С равным успехом я мог бы спрашивать об этом опрокинутую каменную бабу. Я понял: они выманили его из вездехода! Герд Лаубе предпочел наблюдать зарницы в натуре. Выманили! Попался! Клюнул! Вот тебе и сама дисциплинированность!..

И я опять как очумелый ринулся наверх. Предчувствия были самые отвратительные. Почему-то судьба Шарля казалась теперь благом. И действительно, Герд был жив. Но лучше бы уж умер, как Шарль Мбукву! Он был жив, но забился под вездеход и скулил, точно полураздавленный щенок. И трясся всем телом. Меня он не узнал. Не узнал и нашей базы.

Евстигней весело изрек:

— Полная утрата разума. Крайне редкий в практике случай. Прогноз неблагоприятный. Назначаю абсолютный покой, транквиллизатор тразамин, обильный теплый чай, уход квалифицированной сиделки, морской воздух и хвойные ванны.

Боже мой, большего идиота не видывали в подлунном мире!

Глаза у Герда стали бессмысленные — как у рыбы. Он был послушен, ошеломляюще послушен. Я дал ему лекарство, напоил чаем, уложил в постель — он свернулся калачиком и уснул.

А я... Черт возьми, я остался совсем один! Один на один с этими бредовыми, несуразными, абсурдными зарницами! Что мне оставалось? Рвать на себе волосы? Колотиться головой о стенку. Отхлестать по морде каменную бабу? Я сел в кресло, набил трубочку и закурил. Следовало собраться с мыслями. Хотя ясно было: если уж прежде не собрался, теперь и думать нечего. Да и столько разных мыслей возникало — не соберешь...

Видимо, на какое-то время я отключился. Потому что, когда снова врубился, трубка давно остыла. Я стоял в каюте Герда, у большого фотопортрета Эвелин и рассматривал его так, будто видел впервые. В глазах Эвелин читалась укоризна. Дескать, что ж ты, мил человек, такого пустяка не понял, погнался за призраками, — и вот тебе итог! Я был согласен с нею — еще подсказала бы, что тут «пустяк», а что «призраки»! Но Эвелин молчала, прислушивалась, как тихо посапывает во сне ее Герд. То, что еще недавно было Гердом.

Если б только не давили на психику эти немыслимые фальшокна!..

Я невольно вздрогнул: на столе Герда, рядом с пепельницей, в которую я только что выколотил трубку, валялась прозрачная пустая ампулка. Хорош же ты гусь, Дмитрий Хлебников, — не заметить такой штуковины! И сразу встал передо мной вопрос: если это та самая ампула, почему он не спрятал ее, не выбросил, не уничтожил, а вместо этого схоронил от посторонних глаз фотографию? Может, он чувствовал, что я за ним слежу, и непременно решил обратить мое внимание на какие-то очевидные для него отношения Эвелин с Шарлем? Для чего? Чтобы сбить меня с толку, навязать свою версию?

Такие вот мысли мелькнули в моем измученном мозгу, прежде чем я протянул руку. И тут же опустил ее: это была ампула из-под эрголина, стимулятора умственной деятельности. Бедняга Герд, пытаясь проникнуть в загадку зарниц, подстегивал себя!

Я выдвинул ящик его рабочего стола. Потребность в последний раз посоветоваться с Гердом была неодолима. Казалось, если я не покончу с этой навязчивой идеей сок-

рытого для меня соперничества Герд — Шарль, я не продвинусь ни на шаг вперед. Вдруг какие-то его записи помогут, какое-то случайно оброненное слово. Наверное, с час я листал его рабочую тетрадь — ни малейших намеков на что-либо! Раскрыл журнал регистрации аппаратуры, почему-то оказавшийся здесь, наверху, — только начат... журнал расчетов жизнеобеспечения — из него выпала фотография. Вот уж что озадачило меня: Эвелин и Торп! Явно парная фотография той спрятанной. И фон тот же — земные деревья, какое-то строение за ними. Но не хижина, нет. Однако на той был Шарль, а здесь — Торп! То есть я сразу узнал самоуверенную физиономию и понял, что это Торп. Но... зачем фотография Герду? Зачем он взял ее в экспедицию?! И вообще, как она у него оказалась, уж не Эвелин же прислала на память, вот, мол, я с одним, а вот с другим?

Конечно, самое простое было предположить, что Шарль во время своей летней поездки на Землю отыскал Эвелин с Торпом, погостил у них день-два и попутно прозондировал почву, не вернется ли она к мужу. По заданию Герда. А возможно, и по собственной инициативе. Но меня уже не устраивали варианты простые. А если Шарль зондировал почву в свою пользу? Или пытаться посчитаться с Торпом, коли Торп увел Эвелин не столько у мужа, сколько у него, воздыхателя? Или же, наконец, он просто заполучил бежавшую ради него красавицу, и они вместе навестили Торпа, чтобы отблагодарить за содействие. Но ведь ни одно из этих допущений не объясняет, почему Герд спрятал фотографию Эвелин с Шарлем! Не другую, не обе, а именно с Шарлем...

Безусловно, за всем этим что-то стояло. Что-то вызывающее между Гердом и Шарлем яростные споры. Какое-то застарелое соперничество. Это я нутром ощущал. Может быть, — и помимо Эвелин. Что же тогда — неизжитый тайный расизм Герда Лаубе? Восторженная теория вселенского братства Шарля Мбукву, над которой Герд посмеивался? Я, разумеется, прекрасно сознавал, что теперь, после происшествия с Гердом, все это копание в личном потеряло смысл. Потому что к гибели Шарля Герд очевидно не имел отношения. По крайней мере, если следовать земной логике. Однако в том-то и штука, что привычной логике я уже не доверял. Или, скажем, не полностью доверял. Вот почему мне так хотелось разобраться в этой путанице. Хотя бы для того, чтобы выбросить ее из головы.

А может, я уже трекнулся на этой почве? Потому что —

черт возьми! — у меня по-прежнему оставалось три версии. А это значит — ни одной. И они, все три, как лебедь, рак и щука, тянули меня в разные стороны. Хоть разорвись...

Теперь-то мне совершенно ясно: обмозговывая на пару с Гердом версию контакта, я все-таки слишком мало верил в контакт. Я лишь добросовестно проштудировал ее, как отвлеченную математическую задачу. Куда уж добросовестнее, если сам Герд наградил меня «гением». Но уверовать в то, что эти голубые твари, эти одержимые безголовые гидры — представители иного разума, иной цивилизации?! Извините и простите! А после случившегося с Гердом мое неприятие их еще обострилось. Да если бы они были разумные, они никогда не убили бы Шарля! И уж в любом случае поостереглись повторить ошибку, если это все же ошибка! Разум — он и есть разум, первейший его признак — гуманность. Или я не прав?

Но нет, нет, не следует усложнять! Никто не отменял золотое правило: прежде рассмотри естественные, земные причины. Однако версия с Гердом отпала сама по себе. К несчастью, вместе с Гердом. А в инопланетян я попросту не верил. Лишь увлекся на время. Но это натиск Герда, одержимость Шарля заразили меня.

Н-да... И что же остается? Это я тебя спрашиваю, Дмитрий Васильевич! Тебя, тебя!..

А что я мог ответить? Я все больше грешил на отшельников, на замкнутую и враждебную человечеству общину Голубого Луча. Склонялся к мысли, что все происшедшее с нами — дело их рук, что они защищаются от нас, пытаются нас отогнать, выиграть время. Но я не располагал ни единым битом дополнительной информации. Чтобы еще раз вернуться к этой версии. Эх, если бы мы с Гердом не потеряли день на глупости с пришельцами, а вплотную занялись локацией, может, уже раздобыли бы кой-какие данные, необходимые, чтобы сдвинуть с мертвой точки теорию отшельников... да и Герд... сидел бы сейчас рядом как ни в чем не бывало, потягивал свой коктейль: «А тебе не кажется, Дима?..»

Нет, не кажется!

Герд спал спокойно и мирно, как набегавшийся и нашалившийся ребенок. Как мой Вовка после длительной прогулки берегом «славного моря». И так же основательно посапывал. Я оправил на нем одеяло и погладил по голове — он сладко вздохнул сквозь сон.

А я заплакал. Истинно — заплакал.

11

Рассуждал я так. Я остался один, отвечаю сам за себя. Опасность налицо, если доложить начальству, меня отзовут, без всяких разговоров. Конечно, это было бы прекрасно — вернуться сюда во главе спецотряда, с первоклассной техникой, с каналом прямой связи! Однако... себя не переделаешь. А я уже завелся. Какого черта, здесь же погибли мои товарищи! То есть я считал, Герд тоже... ну, если не физически, то как личность. И я решил взять на себя ответственность и расщелкать этот орешек во что бы то ни стало. Распорядиться собой. Не то чтобы, разгадав загадку Пояса, сделать подарок человечеству. Но тоже — послужить ему, человечеству, отстояв здесь звание человека. Все-таки я существо разумное, можно сказать, царь природы, а здесь какие-то зарницы, какие-то лучи, феномены... Истинно — голубая нечисть!

Возможно, нечисть разумная. А я что? Соломенное чучело?!

Ну, если и не чучело, что-то весьма похожее. Мишень. Мишень, из всего достаточно обширного астероида выбирающая непременно это место — возле бабы. Так сказать, пристрелянное. А кстати, в этом и прелесть моего положения. Если не сидеть здесь, в норе, если тормошить их, дергать, провоцировать, рано или поздно они вынуждены будут ответить. Среагировать. Раскрыться. В любом случае — будь они отшельники или пришельцы. Включить нечто, чем они располагают: Голубой Луч или информационный экран зарниц. Что мне и нужно. Значит, надо действовать! Да и вообще моя излюбленная метода — действовать...

Была ночь. Я облачился в тяжелый скафандр, выбрался из шахты, уселся в вездеход, чтобы немедля отправиться к статуе и таким образом начать действовать. Как действовать, я тогда понятия не имел, одно знал наверняка — немедленно. Еще подумал: надо будет наговорить свои впечатления, чтобы не пропало ни крохи знаний, если что со мной произойдет. Эта мысль как-то вдруг и резко затормозила меня. И вездеход.

Да я же с самого начала веду себя неразумно! Все-таки если я не царь природы, то ведь и не дурак же! Я забыл узнать, что думает по этому поводу Евстигней. Не сразу сообразил я, что и Герд наверняка наговорил что-то после того, как включил камеру. А главное, я должен заготовить сообщение в Центр. Проинформировать, если что. Чтобы мое поражение не стало поражением человечества.

Так сказать, на пожарный случай. Словом, нельзя пороть горячку, ситуация не из простых. Действовать — это отлично, но прежде надо хоть какой-то план в голове иметь! И я повернул вездеход. Не то чтоб заосторожничал — взял себя в руки. После встряски с Гердом.

Однако башка у меня была тупая. Удручающе тупая. Я налил стакан ледяной шипучки, опорожнил в него ампулу эрголина и вплеснул в горло. Вот теперь лучше...

Прежде всего, включил запись Герда. Он говорил ровно шестнадцать минут — с паузами. Это была путаная и горячечная речь, со стороны послушать — бред. Сначала сплошной текст, все более бессвязный, потом отрывочный, перемежаемый стонами, всхлипами, какими-то провалами, а под конец хрип и нечленораздельные вопли. Но без взрывов хохота, как у Шарля. И пожалуй, логичнее, информативнее...

Из всей этой путаницы я извлек одно: ни о теореме Герлиха, ни о зарницах, ни о тайнах Фаэтона там не было ни слова. Герд говорил о биологии, только о биологии, причем что-то мудреное, истинно запредельное. Я не вдавался в детали, не силился разобраться в вещах непостижимых, не до того было, — я искал лишь ответ на свои сугубо практические вопросы. А он, захлебываясь в информативном потоке, кричал, хрипел, шептал о синтезе кремнийорганического белка, о перестройке ДНК на кремниевой основе как факторе автономного существования субстанции мысли, о формах воплощения идеального, о засеве каких-то миров спорами органики с «взведенным» генным механизмом, о звездной экспансии саморегулирующейся материи и вечной жизни во вселенной. Насколько я разбираюсь в биологии, это были вопросы, еще не стоящие на повестке дня современной науки. Но выглядели они не как размышления и догадки, а как готовые выводы, нахватанные из слишком толстого и малопонятного учебника с картинками. Надеюсь, знатоки разберутся.

К несчастью, спрашивать Герда, откуда он почерпнул все это, было бесполезно. И я спросил у Евстигнея, что он думает по поводу зарниц. Евстигней доложил коротко, наш мудрец предпочитает не рассусоливать на темы «не по профилю»:

— Это было фантастическое декоративное зрелище в светло-синей тональности продолжительностью пятнадцать минут сорок три секунды.

Истинно исчерпывающий ответ! Вот бы отправить творца этого электронного Соломона со своим детищем на не-

обитаемый остров — ну хотя бы на год!

Для Вацлава Броды я наговорил сообщение, в котором коротко изложил суть и запросил спасательную группу. Передачу в эфир запрограммировал на завтрашний вечер после зарниц, то есть если со мной что-нибудь случится, старик Вацлав получит SOS ночью и к утру соберет спасательную группу. А не случится — перепрограммирую на послезавтра и так далее. Кроме того, настропалил Евстигнея и Фенечку лечить Герда, ухаживать за ним, а понадобится — и за мной тоже. Распорядился привезти меня на базу, если потеряю сознание наверху. Словом, как будто все предусмотрел, проявил разумность.

А покончив с делами, устроился в салоне, где все оставалось как в тот день: шахматы, сигара Шарля, бокал Герда с недопитым коктейлем, — закурил свою «капитанскую» и начал думать.

Одно было совершенно ясно: это не явление природы. Это плоды чьей-то деятельности. Не сама секта или цивилизация, а оставленное ею... психотронное поле. Вот-вот, именно — поле! И включается оно по какой-то команде возле каменной статуи. Скорее даже в ответ на мысль, а не на слово. Но мне пока этот импульс, этот ключ неведом. Шарль и Герд нашли его, потому и вызвали зарницы. Возможно, так и не догадавшись, что это ключ. Хотя, пожалуй, Герд дошел до истины сознательно, жаль только — не успел сообщить мне. А коли отыскали они, найду и я, пусть не сразу.

Не помогла ли Герду в поисках ключа рассказанная мною история капитана Дьероши? Ведь когда Дьероши приткнулся на тот осколок, чтобы избавиться от останков эллинга... Почему же не затаились владельцы Голубого Луча, не предпочли переждать? Да потому, что он начал действовать — с помощью лазерного пистолета освободился от деформированной конструкции, продемонстрировал, с точки зрения наблюдателя, опасную мощь...

Короче, я опять принялся ворошить версию отшельников. Ворошил я ее по возможности добросовестно, но что-то явно мешало. Во мне шевелилось, вызревало, синтезировалось нечто, уводящее прочь от этой гипотезы и одновременно убеждающее, что они, обладатели голубого излучения, — не враги, а в чем-то главном даже свои. Хорошенькое дело — свои!

Что это было? Предчувствие? Интуиция?

Предчувствиям я не доверяю. Доверяю только логике. Железной логике фактов и гипотез. Чем, например, не ги-

потеза — о существовании обратной связи между полем и нами? Герд ведь не умер и значительно дольше оставался в сознании, чем Шарль. Да и представление шло в замедленном темпе, точно они приспосабливались к нашему восприятию. Значит, они сбавили напряжение, что ли, своего поля. И темп сбавили. Поняв, что первый раз хватили через край...

Тут я вскочил и забегал по салону, то и дело натыкаясь на пальму. Вот те и здрасте! Ведь это значит, они проявили гуманность. Гуманность, первейший признак разума! Стало быть, они идут на контакт. А если б это были отшельники и отгоняли нас, они, наоборот, прибавили бы! Это обстоятельство все меняло. Ну, если не все, то многое. Выходит, не зря царапалось во мне это... первобытное интуитивное мышление. Любопытненько!

Стало быть, они, обнаружив, что сбавили недостаточно, сбавят еще. Нет же у них такой цели — убивать или калечить, явно нет! Напротив, они пытаются преподать нам какие-то знания. Пока не суть важно, что это: проверка на разумность или же урок. Важно, что я не очень-то и рискую. Хотя, конечно, некий элемент есть. Могут опять маловато сбавить...

Вот таким странным, полуинтуитивным образом вернулся я к гипотезе контакта. Или Фаэтона, как хотите. То есть я не отбросил мысль об отшельниках, она как-то сама собою отпала. И больше не возвращался к ней — вопреки логике. Хотя и новые мои представления о зарницах были от логики далековаты. А вне логики — я, кажется, уже говорил — всякий поясник чувствует себя не совсем уютно.

Итак, прежде всего я попытался упорядочить те крайне скудные знания о зарницах, которыми располагал. Точнее, даже не знания, а представления. Ну, например: что это за поле, какова его структура? Суть воздействия на мозг? Что это, своеобразный концентрат знаний, супербиблиотека, информаторий? Или стимулятор деятельности мозга случайных гостей Язона? Или же детектор разумности, отмечающий, как реагирует испытуемый на ту или иную порцию знаний? Любопытно, что оба мои товарища делали «открытия» в чуждых для них областях науки. И если Герлих был для них «таблицей умножения», как полагал Герд, то биология — «возведение в степень»? Неужели через эту пляску голубых призраков передают они свою информацию? Или же передают непосредственно, а зарницы — лишь сопутствующее явление? Своеобразный катализатор, спрессовывающий информацию до чудовищной плот-

ности нуклонов? Почему же тогда я, наблюдая зарницы по теле, практически никакой биологической информации не получил, вообще отделался нервным шоком, хотя прекрасно усвоил «декоративное зрелище светло-синей тональности»?

Впрочем, все это мы уже штудировали с Гердом в свое время. Однако теперь я имел дополнительный материал, правда, весьма скудный — итоги «второго контакта». И обязан был этот материал проанализировать.

А воистину — что же это такое, зарницы? Собственно зарницы, которые видел я? Уж не наглядный ли показ пути эволюции на их планете? От того человечка, мнившего себя царем природы, венцом творения, — к голубым призракам, освободившимся от телесной оболочки и воспарившим над планетой? Или, может быть, наоборот, это симбиоз двух различных видов жизни — человекоподобного и «плазменного», чисто мыслительного? Но как бы там ни было, их цивилизация претерпела крах — свидетельство тому судьба «шарика».

Герд и Шарль вычислили как-то на досуге, что существует лишь две причины внезапной гибели высокоразвитой цивилизации: либо социальный, либо национальный кризис. Вычислили чисто теоретически. Однако для меня сейчас вопрос приобрел сугубо практическое значение. Герд прав: только поняв, кто они и отчего погибла их планета, мы поймем, как нам действовать дальше. Ну, хорошо — социальный или национальный кризис, нашедший разрешение во взаимной гибели враждующих сторон. Это истоки. А непосредственная причина? Бомба? Сконструированный вирус? Испарившийся озоновый слой? К сожалению, ноосфера, оболочка жизни, слишком хрупка — можно привести сколько угодно причин, способных заставить ученых или правителей взорвать планету — лишь бы избавить соотечественников от повальной мучительной гибели. В сущности, любой глобальный научный эксперимент может оказаться последним. Потревоженные недра... Термоядерный синтез в океане... Катастрофические процессы в атмосфере...

Однако все это сводится к науке, а наука сама по себе едва ли станет причиной гибели планеты. Орудием — да, но не причиной. Действительно, наука — лишь инструмент, и сколь бурно она ни развивалась бы, здоровое общество никогда не позволит ей обратить свое острие против человека.

Значит, все-таки нездоровое общество? Социально больное?! Расслоение на рабов и господ. Попытка разом из-

бавиться от класса антагонистов. А верно, как ликовали крылатые твари, в очередной раз освободившись от непокорного человечка! Голубая аристократия! «Страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые...» Чье это? Похоже девятнадцатый век. Глубокая старина.

Но поскольку черные и голубые так разнятся, так не похожи физически... да и биологически... скорее все же это плоды расового конфликта. «Богоизбранная нация, призванная руководить народами». Вот и вознеслись. Ни дать, ни взять — голубые ангелы. Своеобразное разделение труда: вы рубайте уголек и растите хлеб, а мы будем играть на скрипке...

И я снова завелся, вспомнив голубую братию. Антипатия моя к зарницам все росла и ширилась. И почему я взъелся именно на них, вольных, веселых, раскованных? Не потому ли, что они теснили того пришибленного человечка, родственную душу? Брата нашего по эволюции? Человека прямоходящего? Или потому, что они убили Шарля... и Герда? Но ведь скорее всего феномен един. Да и какое мне дело, в конце-то концов, до их внутренних отношений!

И тут я опять услышал шаги в тамбуре. Гулкие. Отчетливые. Я резко обернулся. В дверях стоял Шарль Мбукву. Без скафандра. В легкомысленной земной футболке — как на фотографии, спрятанной Гердом. Стоял и нерешительно улыбался.

— Дима, — произнес он тихо. — Дима. Ты на опасном пути. В нашем деле прежде всего следует отрешиться от идеи геоцентризма. Отрешись напрочь, решительно, бесповоротно!

Это были слова Герда. Тогда... почему же мне привиделся Шарль? Или первоначально мысль принадлежала ему?

Я не успел поблагодарить — смутная фигура у двери истаяла.

Да, да, конечно, это была мысль Шарля. Об эпидемии геоцентризма, охватившей нас, землян. Особенно опасной при исследовании космоса. И теперь мы расплачиваемся за этот методологический просчет, за легкомысленную, незрелую, самонадеянную установку.

Так вот почему наши ученые подходят к любому космическому феномену со столь жесткими, а по сути нелепыми мерками: прежде исчерпаем все «естественные» объяснения! Для них феномен ни разу не вышел за рамки чисто умозрительных схем. Окажись они в моем положении, ког-

запер снаружи замком. Нагорный устроил ему скандал и ругался: «Какое нахальство! Больной мальчик! Нельзя в уборную выйти!» Нагорный вообще держал себя смело с Родионовым, и свою будущую судьбу он предсказал себе сам».

22 мая утром дети приехали в Тюмень. Несколько часов ушло в ожидании поезда. Затем они уехали в Екатеринбург.

Дети ехали в классном вагоне. С ними помещались Татищев, Гендрикова, Буксгевдень, Шнейдер, Эрсберг и Нагорный. Все остальные ехали в товарном вагоне.

23 мая в 2 часа утра дети приехали в Екатеринбург. Всю ночь вагоны катались по путям. В 9 часов их продвинули между вокзалами Екатеринбург I и Екатеринбург II. Были поданы извозчики. На них детей увезли в Ипатьевский дом.

Отмечу, что председатель тобольского совдепа Павел Хохряков, доставил детей в Екатеринбург, больше не возвращался в Тобольск. Видимо, миссия никому здесь неизвестного «выборного» председателя этого «выборного» учреждения была окончена.

Задержание Государя, Государыни и Великой Княжны Марии Николаевны в Екатеринбурге. Переезд их и остальных детей в дом Ипатьева

Весной 1918 года был в Екатеринбурге особый железнодорожный отряд, занимавшийся расстрелами в пределах железной дороги.

Во главе его был кр-н Парфений Титов Самохвалов, служивший также шофером в советском гараже.

Ему и было доверено перевезти в автомобиле Государя, Государыню и Марию Николаевну с вокзала в дом Ипатьева.

Самохвалов[1] показал на следствии: «Я не помню, какого числа это было, но помню, что в апреле месяце меня вызвал в здание Екатеринбургского окружного суда комис-

[1] Самохвалов скрывался на территории Адмирала и был пойман контрразведкой Штаба Верховного Главнокомандующего в октябре месяце 1919 года. Он был мною допрошен в качестве свидетеля 20—21 ноября 1919 года в г. Чите.

брезгливости, неприязни, недоверия? Пустое! Значит... Значит, возьми себя в руки, Дмитрий Хлебников. Зажми волю в кулак. Чтобы мысль твоя была чиста, как священные воды Байкала...

А на Байкале сейчас зима. Все деревья в куржаке. Зеленый лед лежит бескрайним полем, и пацаны гоняют под парусом на коньках...

Я снова набиваю трубку и чего-то жду. Чего? Зарниц? Но я вообще-то в своем уме, понимаю, что они не возникнут сами по себе, они будут молчать еще миллионы лет, если их не позвать. Каким образом? Не знаю. Не знаю даже, как обратиться к ним...

Эх, закурить бы сейчас настоящего табачку — чтобы мозги прочистились и заработали на полную мощность! Но попробуйте достать на Марсе хоть горсть натурального табачку с тех пор, как прижали контрабандистов! Хоть бы одного оставили на такой экстренный случай...

А впрочем, так можно ждать до бесконечности. Моему партнеру по контакту спешить некуда. Иду, вдруг по дороге что-нибудь да взбредет на ум. Иду на вы, голубые зарницы Язона, внуки Фаэтоновы!

Привет вам, дорогие товарищи, кто бы вы ни были!

Обнимаю тебя, Верочка. Люблю. И буду помнить каждую минуту. До последнего вздоха.

12

А баба лежала и ждала. Хотя грунт вокруг был исполосован колесами вездехода. Ждала, как миллионы лет назад. И на каменном ее лике застыла тупая улыбка.

Я поощрительно похлопал ее по плечу.

Позади меня в десятке шагов возвышался вездеход — я намеренно поставил его поближе, чтобы в случае чего укрыться за броней. Прямо передо мной возвышался рваный скалистый гребень — край той самой вмятины, пальцем в сдобное тесто. Где-то там, в недрах хребта, и обитали зарницы. А за острыми зубьями Язона провально чернела наполненная ледяными брызгами звезд вселенная. Глухая и немая. Войти в мое положение — истинно печальное зрелище, хоть вой!

Но я не вздыхать пришел — разговаривать с ними. Значит, никакой враждебности не могу допустить. Даже в мыслях. Вот именно — в мыслях прежде всего! Запретить себе

думать о них непочтительно! Держать мысль под неусыпным контролем!

— Я хочу говорить с вами! — сказал я негромко. И сам усмехнулся собственной наивности. Все же на русском языке вознамерился беседовать! Тогда хоть кричи погромче, не услышат! А кстати, как-то ведь следует к ним обращаться. Эй вы? Голубые зарницы? Дичь... Товарищи? Друзья? Мало... Братья?

Где-то за гребнем слабо, отраженно полыхнул голубой всполох.

Совпадение, — понял я. Но тотчас вытеснил из головы эту недостойную мысль.

— Братья! — позвал я.

По черному частоколу скал скользнул голубой отблеск.

Это и был ключ.

Я обернулся: вездеход стоял рядом. Я мог залезть в него каждую секунду. Тем более, следовало включить запись. Но прежде мне хотелось убедиться, что есть смысл записывать. И я подумал всей силой своего ума:

— Братья, отзовитесь!!!

Яркий бирюзовый фонтан вырвался из тьмы скал, охватил полнеба, как бы загребая все сущее вокруг, — и канул в скалы...

Маленький черный человечек пробежался на четвереньках и настороженно остановился. На ветке над ним висело яблоко. Большое и румяное. Он приподнялся на задние лапы и протянул вверх неуклюжие передние. Но яблоко осталось висеть на ветке. Человечек обиженно заскулил и ринулся прочь. Однако наткнулся на палку и зашиб колено. В ярости он схватил ее цепкими пальцами, чтобы отбросить прочь... И тут вокруг его головы на миг взметнулся голубоватый ореол. Человечек поднялся на ноги и палкой сшиб яблоко. Яблоко было сочное, вкусное. И пока он пожирал плод, вокруг лохматой его головы слабо пульсировало затухающее синеватое поле...

Выкидывая сверкающие отточенные молнии, наползала тяжелая туча. Черные фигурки испуганно заметались у кромки леса. Однако их вожак не поддался панике, схватил каменный тесак — раз! два! три! — повалил несколько деревьев, наискось приставил их к гигантскому валуну, подпер плоским сланцем — и загнал в хижину изумленных сородичей. Вокруг его черного чела метнулась голубая молния. На мир обрушился ливень...

Неповоротливый исполинский слон взрывал бивнями увядший луг, а за ним шли черные человечки и выбирали из вздыбленных пластов земли сладкие корешки. Те, что потоньше, самые сладкие, поедали сами, а толстые охапками подносили слону. Слон, благодарно помахивая ушами, подбирал охапку за охапкой...

Над чернеющей прошлогодней раной земли задумчиво стоял человечек, и вокруг его головы несмело искрило: в чем дело, почему там, где до зимы разрыл почву слон, вырастают самые крупные, самые сладкие, самые румяные плоды? Значит, виною тому слон. А если обойтись без слона, если разрыхлить почву корягой — вот так? И кинуть в рану земли косточки от съеденных плодов?..

Они строили хижины, пахали землю на слонах, вышкой ставили, взгромождая их друг на друга, сухие деревца — и приманивали молнию, чтобы зажечь очаги в хижинах. Они выкапывали блестящие тяжелые камни и растапливали их на больших кострах, чтобы смастерить прочные железные тесаки. Острыми тесаками они рубили хижины из бревен — и теперь уже не боялись ливня и снега. Они питались одними травами, лечились другими, плели одежду из третьих натирались от крылатых насекомых четвертыми. Они широко открытыми глазами читали книгу жизни — и над их еще неуклюжими головами колыхались голубые гривы...

Черт возьми, никаких зарниц по сути не было — а я видел одну за другой все эти картины! Точнее, черные фигурки и впрямь копошились на далеком горизонте, изредка возникали над ними фиолетовые всполохи — но я видел и понимал совсем не это. Или не только это? Свои «картины» видел скорее внутренним взором. И, думаю, видел бы даже с закрытыми глазами.

Я обернулся: вездеход ждал меня. Но прятаться не имело смысла. От чего, собственно, прятаться?

Так что же, начался контакт? Или еще нет?

Ловко орудуя заостренными палочками, черные человечки торопливо рисовали что-то в шелестящих бумажных свитках. Другие, перематывая свитки, читали картинки. Похожая на голубя птица переносила свитки из города в город, и когда она парила под облаками, в клюве у нее точно фиолетовое пламя трепыхало...

Массивный слон покорно бегал по кругу, раскручивая

какое-то тяжелое колесо, насаженное на столб. Внутри большого колеса вращались другие колеса, все меньше и меньше. От вершины столба в каменный дворец тянулась проволока, и там, в кромешной тьме, розовато светился полый стеклянный шар. Огонь без огня! В призрачном свете другого шара склонился над верстаком человечек. Он так и этак высматривал что-то в небольшом, с орех, желтоватом кристалле. Потом прикасался к кристаллу иглой с тонким проволочным хвостом — и между камнем и металлом проскакивала крошечная лазоревая молния. Вокруг головы человечка клубился голубой венец...

На улицах города, на трамвайных рельсах, в загаженных скверах полыхали костры. Костры из свитков. Человечки приносили их ворохами и швыряли в огонь. Теперь ни к чему полжизни корпеть над свитками, стоило надеть на голову обруч с оком желтоватого камня во лбу — и ты знал все. Над головами владельцев обруча покачивались голубые нимбы...

Слоны с обручами на голове одни, без человечков, распахивали поля и собирали урожай. Крупные морские животные, похожие на дельфинов, подтягивали к берегу сети, полные сверкающей рыбы из океанских глубин. На лбах дельфинов посверкивали желтоватые фонарики. Окольцованные миниатюрным обручем птицы разносили по воздуху почту и небольшие грузы...

Чьи-то нервные пальцы торопливо листали передо мною страницы истории неведомого народа. Мелькали века и эпохи, войны и революции, открытия и изобретения. И о каждом факте я знал столько, сколько никогда ни о чем не знал на Земле. Я знал все! То есть мог бы знать все — только пожелай. Сознание могущества пьянило, кружило голову...

Черным громом обрушилась на мир беда. По всей стране от неизвестной болезни околели слоны — их недвижимые туши загромоздили пашни, луга, дороги. Люди смотрели окрест пустыми глазами, думы их стали темнее ночи. От голода пухли дети.

В низкой мансарде под крышей ветхого общественного здания собрались люди — самые отважные, самые твердые, самые ответственные. «Слуги народа». В углу у окошка поднялась высокая женщина с властным лицом: «Нам грозит новая дикость. Гибнут дети, безвременно уходят ста-

рики. Толпы охвачены анархией. Мы обязаны овладеть обстановкой, организовать наиболее сознательных, чтобы дать людям хлеб!» — «Как? Объясни нам, Яакко! Мы сделаем все, что ты скажешь!» — «Мы построим железного слона». — «Один железный слон прокормит сто человек, остальные все равно погибнут». — «Мы возведем заводы. Мы построим тысячу железных слонов!»

Тысячи неуклюжих железных слонов вышли на поля. Выпрямились согбенные спины. Люди ели хлеб. Дети грызли бублики. Снова расцвели улыбки на лицах. Восторженная толпа дружно вскидывала руки, скандировала: «Яакко! Яакко!» Над головами проплыло гигантское властное лицо женщины, давшей людям хлеб...

Над гребнем взвился ослепительно-синий лохматый протуберанец, описал дугу и на миг застыл величественной аркой, словно приглашающей в царство благоденствия, а потом затрепетал, заколыхался пышным павлиньим хвостом — и рассыпался, рассыпал окрест вороха постепенно гаснущих искр.

Что-то я должен был сделать. Что? Хоть убей — не помню...

Они жили вполне счастливо, эти черные человечки. Лишь несколько часов в день работали, чтобы обеспечить себя и общество, бегали наперегонки и азартно играли в мяч, разводили огромные многоцветные цветы и диковинных зверьков, вроде наших обезьянок.

Боже, боже! Если б только провидели они, во что обратится их счастливая планета!

Неужто между орбитами Венеры и Марса возникнет когда-нибудь второй Пояс астероидов? Боже, боже...

Чтобы фаэты жили безбедно и беззаботно, предаваясь своей всепоглощающей зрительной страсти, гроттам приходилось все больше работать. Они чуть больше занимались спортом, чуть больше общались и спорили друг с другом, решая общественные проблемы, чуть больше учились и чуть больше думали. Да и количество их увеличилось: великий народ нуждался в умных, разворотливых и преданных слугах. И теперь уже над головами гроттов без всяких обручей вздымался мощный нимб разума...

В небольшом зале с колоннами собрались люди — самые отважные, самые твердые, самые ответственные. Гротты, слуги народа. За председательским столом поднялась высокая женщина с добрым волевым лицом: «Нам грозит потеря авторитета среди народа. Мы плохо служим ему. Недостаточно заботимся о его благе». — «Синтезированная пища из рук вон плоха, Яакко!» — «Не пищей единой счастлив человек. Наш славный народ заслужил большего: высококачественной духовной пищи! Мы должны создать для него изобилие зрелищ. Раскрыть перед ним тайники истории. Народ вправе знать правду!» — «Но трансляторы и без того перегружены, Яакко!» — «Наша задача: вместо двух десятков устаревших трансляторов построить один, самый современный. Супертранслятор — вот гарантия счастья для народа!»

И он вознесся над горами, Светильник Разума. Нити его всепроникающих волн мириадами витков опоясали «шарик».

Общество благоденствовало. Совершенствования шли по двум направлениям: обеспечить народу возможно более длительный досуг для гармонического культурного развития и по мере сил и средств приспособить гроттов для наилучшего исполнения ими своих все усложняющихся обязанностей. Чтобы лучше служить народу, гротты вынуждены были питаться особой пищей, где над синтезированной преобладала естественная. Их пришлось разместить в особых зданиях — с усиленным притоком свежего воздуха, регуляцией температуры и обязательным солнечным облучением в зимние месяцы. Были сооружены специальные бассейны с целебной морской водой для гроттов. Они воспитывались в особых школах, тренировались в отдельных гимнасиумах. И в то время, как у представителей народа голубая аура вокруг головы, если снять обруч, едва мерцала, — у слуг народа голубой столб мысли вздымался в три человеческих роста, более того, гротты могли уже управлять этим столбом, напрямую общаясь друг с другом...

Это был великий миг в истории Фаэтона. Уникальное открытие сделали биологи. Они нашли возможность перестройки белковой молекулы на кремниевой основе — так впервые возник фактор автономного существования субстанции мысли. В жизни фаэтов произошел переворот. Гротты могли, наконец, оторваться от своего бренного тела и воспарить над всем сущим — чтобы еще лучше, с меньшей затратой сил и энергии, служить своему народу. А народ

мог отныне сутки напролет наслаждаться разнообразными, все более и более заманчивыми зрелищами, прерываясь лишь для принятия пищи и короткого сна. Так духовное оторвалось от физического, идеальное от материального — и воспарило над планетой.

Вот когда они закружили свои бешеные пляски, эти крылато-хвостатые шельмы, запрыгали, забились в конвульсиях, затряслись, свиваясь и разъединяясь, испуская импровизированные щупальца, головы и конечности, сливаясь воедино и снова распадаясь на сотни самостоятельных особей...

Я понял: пляски гроттов были зрительным отображением лишь им доступной величайшей интеллектуальной роскоши — роскоши слияния душ...

Не следует думать, что они и впрямь оторвались от материального, физического. Их духовная суть, прежде привязанная к мозгу человеческого тела, отныне была сконцентрирована в блоке кристаллов, защищенном непробиваемой оболочкой и хранящемся за семью замками. Теперь для поддержания жизнедеятельности гротт лишь время от времени подпитывался энергией, заключенной в специальных подземных «банках». Блок кристаллов гарантировал гротту практически вечное интеллектуальное существование.

На строительство этих «банков» пришлось мобилизовать все силы общества, все наличные ресурсы энергии. «Фаэты, подтяните пояса!» — таков был популярнейший лозунг века...

В величественном дворце собрались люди — самые отважные, самые твердые, самые ответственные. Гротты — слуги, служители, воспитатели, учителя, наставники, начальники, руководители, вожди народа. На трибуну поднялась высокая женщина с усталым лицом заботливой матери: «Цивилизация в опасности! Стихийное недовольство обывателей грозит сорвать величественные планы созидания. Ходят безответственные разговорчики, что де мы, гротты, оторвались от народа. Нам предстоит приложить немало усилий, чтобы, несмотря ни на что, обеспечить безусловное выполнение Предначертанного». — «Но как это сделать, Яакко?» — «Как мы это делали всегда. Позаботиться о благе народа. Народ требует правду? Дайте ему ВСЮ правду! Напомните, что он произошел от тех самых безо-

бразных обезьянок, которые ползали на четвереньках, питались слизняками и спали в загаженных гнездах. Что он едва не сдох с голоду в эпоху гибели слонов. Что благоденствием своим он обязан лишь нам, гроттам. Пусть не очень-то возносится. И пусть усвоит: каждому свое, кому трудиться в поте лица, а кому парить под облаками!»

Так что Яакко — вовсе и не имя. Скорее должность. Призвание. Предназначение.

Небо над астероидом неудержимо полыхало. Завороженно следил я за буйством всевозможных форм и оттенков голубого. Это было истинно захватывающее зрелище... даже не с чем сравнить.

Краешком мозга я помнил, что сам вызвал эту голубую бурю. Но зачем? Так ли уж это важно...

Вот, начинается самое главное! Апофеоз Великого Общения! Пурпурные пляски — музыка сфер вселенной...

Каждое достижение, даже эпохальное, имеет свои негативные стороны. Гротты как бы слишком увлеклись новыми своими возможностями, как бы «заигрались» — и не могли уже уделять прежнего внимания прикованному к грезам народу. Фаэты получали все более небрежно синтезированную пищу, все более грязный воздух и отравленную отходами производства воду, а главное, все более скучные и однообразные программы. Естественно, черные человечки начали вырождаться. И дело даже не в том, что гротты не хотели больше служить народу — слишком много энергии отнимали интеллектуальные танцы, а энергии, вполне понятно, не хватало. Вот и приходилось выбирать, на что ее расходовать в первую очередь: на поддержание никчемных фаэтов или на дальнейшее развитие гроттов, которые, достигнув новых вершин, нашли бы способ снять и эту проблему.

Было решено глубоко в недрах планеты соорудить гигантский супербанк, автоматически пополняющийся от энергии бушующих недр. Этот аккумулятор жизни должен был гарантировать существование гроттов на миллионы лет вперед. Шесть столетий вся техника планеты работала на супербанк. Следовательно, условия существования фаэтов еще ухудшились...

Черномазый парнишка в досаде швырнул свой обруч на мостовую — брызнули янтарные искры. Сплясал на нем

джигу грубыми башмаками. Взвизгнул истерично: «Все это чушь, гиль, вздор, обман!» Однако и без обруча над головой парня клубился голубой купол. Прохожие смотрели на него восторженно-испуганными глазами: «Ай да Ауэтт! Безумец Ауэтт! Смельчак Ауэтт!» А парень выкрикивал: «Долой дурман обруча! Каждый обязан думать сам! Своим котелком!» Но думать «своим котелком» стало непривычно. Зазорно. Тягостно...

Народ начал пробуждаться от векового сна. Пробуждаться и требовать к себе внимания от слуг... от слуг, которые давно уже забыли, что они слуги. Собирались стихийные митинги, сколачивались группы недовольных, зрело сопротивление. Сверхзавлекательные приключения и мелодрамы, детективы и псевдоисторические трагедии уже не могли отвлечь фаэтов от будничных, но весьма насущных забот. Черные человечки были возмущены голубыми ангелами и попытались призвать их к ответу.

Вот тогда-то и начали эти перепончатокрылые, трехглавые, многохвостые мимоходом сбрасывать, сталкивать, сметать человечков — знайте свое место под солнцем!..

Ох, как болит голова! Просто раскалывается...

Среди фаэтов возник заговор. Руководители подпольного центра прознали о существовании супербанка. Чтобы поставить на место гроттов и начать с ними переговоры, следовало временно отключить планетарный аккумулятор. Такое задание получила группа Пяти...

Пятеро один за другим тайно проникли в полутемный вестибюль подземки. «Свобода или смерть» — был пароль. Отсюда начинался путь в сверхсекретный город гроттов, на многие километры уходящий вглубь планеты. «Не разобраться нам в их адской технике!» — сокрушенно вздохнул старик, командир группы. «Чушь! Разберемся!» — самодовольно усмехнулся парень без обруча...

В этот день небо над Фаэтоном особенно ярко полыхало голубыми всполохами — гротты вели глобальную мозговую атаку на проблему: как усмирить чернь.

Запутанными подземными лабиринтами пять черных теней пробрались в святая святых супербанка. Увы, для их куцых умов задача отключения и впрямь оказалась трудновата. Однако один из пяти, Ауэтт, не собирался сдавать-

ся, долго ходил вдоль пульта, грыз ногти, думал. И отыскал-таки нужную кнопку...

Вокруг возвышающейся на постаменте Каменной бабы, древнего символа вечной жизни, играли ребятишки. Лепили куличики из сырого песочка, возводили сказочные замки. На их сосредоточенных лицах мелькали улыбки...

Колоссальной мощности взрыв вдребезги разнес планету, швырнув по орбите между Марсом и Юпитером мириады больших и малых осколков, бесформенных глыб и камней. Тысячи сгустков магмы из центра планеты превратились в ядра комет...

Голубые столбы как-то разом опали, втянулись в горизонт. Из провальной глуби вселенной повеяло космическим холодом...

На серой скале ничем не примечательного астероида лежала та самая баба. И стоял над нею, схватившись за голову, маленький человечек... почему-то в скафандре.

Но контакт продолжался...

С тех пор минуло шесть миллионов лет. Сохранился лишь один осколок с небольшим банком энергии и хранилищем кристаллических блоков при нем. Вот этот осколок, на котором ты сейчас стоишь. Теперь мы одни храним Древнюю Культуру Фаэтона. Но мы страшно ограничены в энергии. Мы вынуждены законсервироваться, чтобы не тратить ее попусту. Нам осталось жить всего полмиллиона лет. По сути, мы лишь жалкая спора прежней Жизни...

Голова у меня пылала, мозги в черепушке кипели и клокотали. Но я заставил себя дослушать до конца...

Помогите нам! Спасите Древнюю Культуру Фаэтона! Вашей цивилизации это вполне по силам. Если ты сумел нас понять, значит, вы найдете способ помочь нам. В награду вы получите доступ к Великому Знанию. Помогите нам, братья!

Братья!!!

И все смолкло. Голубое зарево угасло.

Я оглянулся и увидел что-то металлическое. На колесах. Не знаю, что это за штуковина, помню только: мне

нужно во что бы то ни стало залезть в нее. От каждого шага разламывалась голова. И все же я заставил себя сделать шаг в сторону этой штуки.

И еще шаг.

Тут и набросился на меня этот медведь с бляхой на пузе. Швырнул на камни и навалился всей тушей. Я даже дыхнуть не мог. Истинно.

Часть вторая

1

Ночью мне позвонил сам Вацлав Брода.

Едва услышав его имя, я тут же все поняла. Это не срочный больной, не экстренный вызов куда-нибудь к черту на кулички. Что-то случилось с Димой. Но он жив, жив! Я чувствовала — он жив, иначе Вацлав Брода не стал бы спешить, подождал до утра.

Я готова была бежать в чем попало, нечесаная и неприбранная. Но вовремя хватилась. За пять минут все равно ничего не решится, а я не имею права являться в Центр огородным пугалом. Тем более в такую минуту. Все-таки я жена Дмитрия Хлебникова.

И вот представьте картину. Посреди ночи молодая и довольно привлекательная женщина сломя голову мчится по марсианскому городу Подснежники. Подснежники ведь не просто город — космопорт, здесь машут платочками улетающим на край света, встречают с цветами вернувшихся из бездны пространства и времени, слезами здесь никого не удивишь. Поэтому я не плачу. И потому еще, что я врач, нашему брату не положено.

Ночью город точно мертвый. Слабый синеватый свет, ни тротуары, ни эскалаторы не работают, тишина, только каблуки цокают по асфальту. Днем из нашей с Димой квартиры в третьем ярусе можно добраться до Центра за пять минут. Ночью я бегу полчаса. Бегу по бесконечным застывшим эскалаторам, будто спускаюсь в преисподнюю: пятый ярус, восьмой, одиннадцатый... Сектор Е, сектор Н, полусектор Р-2. Вот и центральная площадь города, сквер, шелестящий листвой, глухой голос какой-то ночной птички. Старомодное, совсем земное здание — ротонда. Тяжелые мраморные колонны кажутся прислоненными к стенам. На втором этаже ярко освещены три окна. Кабинет Вац-

лава Броды. Бегу туда. Распахиваю дверь, врываюсь — он подымается мне навстречу, высокий румяный старик с живыми детскими глазами и белой, голубизной отливающей гривой. Академик Брода, председатель совета Марсианского Исследовательского Центра. А я стою в пяти шагах от него, маленькая, растрепанная, с вылупленными глазами, и не могу сказать ни слова, то ли запыхалась от бега, то ли волнение перехватило горло. Он берет меня за руку, словно ребенка, ведет к креслу, усаживает. И приговаривает:

— Успокойтесь, Вера Семеновна, голубчик, успокойтесь, зачем вы так бежали.

Но я не могу успокоиться — сейчас разревусь, как дурочка. Чувствую, глаза уже горячие и руки дрожат. Тогда он гладит меня по голове и совсем по-домашнему лепечет:

— Не надо, Верочка, доченька, ничего такого ужасного, просто неприятности, все еще поправимо, возьмите себя в руки. И примите вот это.

Сует мне пилюли, пододвигает стакан. Вижу, он тоже волнуется. Из-за меня? Или из-за Димы? И тоже подрагивает большая со вздутыми венами стариковская рука.

Я встаю, как ни в чем ни бывало протягиваю ему пилюли, стакан. И говорю тем же домашним тоном:

— Примите, дядя Вацлав. И не надо переживать. Пожалуйста!

Я врач, и в моем голосе есть нечто такое. Требовательное. Он послушно глотает пилюлю, предназначенную для меня. И только тогда я спохватываюсь: назвать самого Броду «дядей Вацлавом»! Можно ли придумать что глупее! Но ведь он сказал «Верочка, доченька», не отвечать же на это «товарищ Брода». А отчества я не знаю. Не знаю даже, существует ли вообще отчество у словаков. А он ничего не замечает. Смотрит на меня пристально и говорит:

— Он жив. Но то, что произошло, весьма неприятно. И, можно сказать, необъяснимо. Вот два сообщения с Язона. Первое передал сам Дмитрий Васильевич пять дней назад. Второе получено сегодня в полночь. И передано автоматикой.

Хватаю листки, читаю сначала с пятого на десятое, потом тщательно, скрупулезно, стараясь вникнуть, увидеть, поставить диагноз. Вацлав Брода ходит по кабинету, руки за спину.

Все это похоже на кошмарный сон, на бред шизофреника. Если бы я не знала, что у Димы ясный и трезвый ум,

я подумала бы... Впрочем, медицинская сторона вопроса в принципе понятна. Насколько может быть понятна нелепость. Внезапный инсульт Шарля Мбукву. Внезапное безумие Герда Лаубе. Под влиянием то ли острейшего эмоционального стресса, то ли колоссальной информационной перегрузки. По убывающей... Значит, у Дмитрия Хлебникова... во всяком случае, ничего хорошего. Мозговой шок. Потеря памяти. Летаргия. Возможны локальные кровоизлияния. Тромбы. Что угодно. Правда, Дима здоров как медведь, но сорок шесть — это уже не молодость. Я врач, и мысли о больном, в каком бы он ни был состоянии, всегда мобилизуют меня.

— Что вы намерены предпринимать?

Он встает передо мной, как мальчишка.

— В семь утра соберется совет. Пока веду консультации со специалистами. К сожалению, у нас нет специалистов в области контактов с призраками...

— Я не о контактах. О медицинской помощи. Туда немедленно должен отправиться врач.

— Видите ли, мы обязаны решать задачу в комплексе. Главный врач Центра согласен с вашим мнением, однако...

— Команды на оказание первой помощи переданы?

— Конечно, Вера Семеновна, конечно. Однако мы не знаем причин происшедшего, а это, как я полагаю, немаловажно. Речь идет об отправке на Язон комплексной группы в составе...

— Нет! Пока не выясним сущность феномена, никаких групп! И без того достаточно жертв.

Видимо, слишком уж безапелляционно я высказалась, а он, человек деликатный, не счел возможным меня, женщину, к тому же супругу одного из пострадавших, поставить на место. Тогда он обошел мое кресло, сел за стол и сразу из симпатичного старика обратился в председателя совета, того самого Вацлава Броду, одно имя которого заставляет трепетать старых космических волков.

— Я не для того пригласил вас, Вера Семеновна. Мы разберемся. Расскажите-ка лучше о Дмитрии Васильевиче. Правда, я сам знаю его, и давненько, но не столь близко, как хотелось бы. Прежде всего, нас интересуют особенности его психики.

— Понимаю. Вас смущает... мистика. Меня тоже. Видите ли, Дмитрий — человек предельно трезвой мысли. Практичен и уравновешен. Прошел едва ли не весь Пояс, разное бывало, и все-таки всегда сохранял хладнокровие. Подобная чушь его не интересует. Так что самовнушение, на-

вязчивые состояния, коллективные галлюцинации... едва ли. А Герд Лаубе вообще рационалист, скептик, сухарь, что хотите. Разве что Шарль Мбукву... тот действительно... чересчур эмоционален. Был... Но ведь контакт... если это и впрямь контакт... далеко не мистика.

— Да, если «и впрямь». Вы верите в иные цивилизации, Вера Семеновна?

— Н-не знаю. Просто не задумывалась. В принципе допускаю. Но верить или не верить... это же не ведьмы, не архангелы, тут факты нужны.

— В том-то и дело. Понимаете ли, сегодня я пришел к запоздалому выводу: мы не готовы к контакту. Пять столетий твердим о нем — и не готовы. Ни философски, ни практически. Вы смогли бы... как это поточнее выразить?.. Представьте себе Язон, известную оторванность от базы, черное бездонное небо и «голубые зарницы», которые творят с людьми бог знает что... Смогли бы вы сознательно и без крайней нужды пойти на контакт с ними? В тех самых условиях, уже после Герда Лаубе? То есть не вызывают ли у вас эти «голубые зарницы» неприятия, отвращения, враждебности?

Я задумалась.

— Симпатий к феномену не чувствую. Но, пожалуй, смогла бы. Мы, медики, умеем не замечать патологического. Не реагировать на него.

— А Дмитрий?

— Он — да! После Герда — наверняка. Он может трезво все взвешивать до поры и быть осторожным, а потом заведется — и полезет к черту на рога. За каким-то пределом — горяч. Но и когда кипит, голову не теряет.

— Ему знакомо чувство страха?

— Страха?

— Точнее: существует ли для него граница самообороны, которую он никогда, ни при каких обстоятельствах не переступит?

— Нет. Он любую границу переступит. Вообще-то он сдержан, но в двух случаях — переступит. Если заведется. А после Шарля и Герда наверняка завелся. И в порыве... любознательности, что ли, страсти к познанию.

— Гм... Значит, вдвойне вероятно. И еще, Вера Семеновна...

— Простите. — Я поднялась. И глянула ему в глаза. — Я должна лететь туда.

— Вы? Почему вы?

— Я его жена!

— Это очень мило, уважаю права супружества, но...

— И я врач. Часто бывала в экспедициях, все мне там знакомо...

— Все? И феномен?

— Знаете, оставим в покое феномен. Успеется еще. Когда окажем помощь пострадавшим. Кроме того, только я смогу его успокоить. У него невероятной силы мозговая экспрессия. А я, извините, не очень верю в химию. Я верю в психотерапию.

— А Лаубе?

— Сделаю все возможное. И ваши физики, геологи и прочие вулканологи мне пока не нужны. Единственное, что мне нужно, — постоянный канал связи со специалистами. Любого профиля. И чтобы сидели наготове.

Вацлав Брода глянул на меня с сомнением. Будто я вколачиваю гвоздь шляпкой в стенку.

— Понимаю, все это достаточно убедительно: врач, психотерапия, канал связи. Но... при чем тут вы? Я не отрицаю, лишь пытаюсь уловить вашу мысль. Почему именно вы?

— Потому что, кроме меня, никто не спасет Диму. Я так чувствую.

— Чувствуете?!

Он встал и несколько суетливо пробежался два-три раза вокруг стола. Потом сказал:

— Что ж, это интересный поворот. Хотя и попахивает детсадиком. Но устами младенцев, как известно... Хорошо, мы подумаем. А пока, Вера Семеновна, пройдите в холл, подождите. Я вас приглашу. Кстати, вы у меня не первая, вызвавшаяся лететь на Язон. Все, к кому я обращался за консультациями, приводят примерно те же доводы. В свою пользу, разумеется.

Я вышла в холл. И без сил рухнула в кресло под разросшимся лимонным деревом.

Старик мне понравился. Очень человечный старикан. Но он не внял. «Вы у меня не первая». Удивительно, те же самые слова! Тогда я обиделась, услышав их от Димы. Теперь была безмерно благодарна всем этим неведомым людям, большим специалистам, вызвавшимся лететь на Язон. В неизвестность, страх, безумие. Может быть, на верную гибель...

Но это не то, не то! Я должна вытащить Диму из беды... вызволить... выцарапать... Если что-то спасет его, так только моя любовь!

2

Это было девять лет назад.

После института ее направили врачом в таежный поселок на Байкале. Она уже год проработала там. И жила — вот чудо! — в деревянной избе с резными наличниками, с двумя рябинками в палисаднике, с настоящей печкой, которую можно затопить в непогоду, чтобы потрескивание смолистых поленьев заглушало тоскливый вой метели. Зимой на оконном стекле пышно расцветали ледяные папоротники. А летом за окнами во всю ширь синел Байкал. Каждый раз она просыпалась на рассвете в предощущении девятого вала счастья. Наверное, потому, что ее будили птички, трезвонившие свою вечную песню: «Митьку видел? — Видел, видел! — А Митьку видел? — Видел, видел!» — и так без конца. Одно плохо — больных в этом поселке, где жили рыбаки и добытчики самоцветов, не было ни единого, и она боялась потерять квалификацию.

Как-то летом, подгребая на байдарке к пристани, она увидела на борту новенькой яхты высокого плечистого мужчину с лицом добрым и чуть насмешливым. Он отличался от всех в поселке своей белой кожей, она еще подумала: не с Марса ли прилетел? И тут же узнала его — это был Дмитрий Хлебников, один из героев-разведчиков Пояса Астероидов. Недавно она видела фильм о нем, несколько дней ходила под впечатлением. И ей захотелось познакомиться, так захотелось — хоть головой в Байкал, чтоб остудиться. Она слыла отчаянной девчонкой, в институте, бывало, на спор кружила головы парням, но сейчас немалых усилий стоило ей перебороть застенчивость.

— Алло, на яхте! — крикнула она. — Вы даже не представляете, как я вам благодарна.

Он скользнул по ней взглядом и удивленно спросил низким хрипловатым голосом.

— За что же, красавица?

Так обратиться к незнакомой девушке осмелился бы только «марсианин», там нравы проще.

— За то, что вы будете первым пациентом моей поликлиники.

— Но я вроде здоров.

— Сибирское солнышко — это вам не крымское. Не оденетесь — к вечеру ожог второй степени.

Он повернулся к ней спиной и отчалил. В самом деле, не видал он девчонок, которые любыми средствами напрашиваются на знакомство!

А вечером завалился в поликлинику, весь красный, точно ошпаренный.

— Вот уж не думал, что родное байкальское солнышко так меня поджарит!

Оказывается, здесь жила его мать, здесь он родился и раз в два года наезжал в отпуск.

Через три дня Дмитрий ждал вертолет, который должен был забросить его в верховья бурной речушки Мурин, на самую вершину хребта Хамар-Дабан, откуда он, страстный любитель водного слалома, собирался сплавиться на самодельном плоту. Вера отговаривала его: он еще не совсем здоров, есть же специальные туристские речки, а эта дикая, неведомая, никто по ней не сплавлялся, мало ему еще ожога. Дмитрий только посмеивался. И тогда она, сама дивясь своей дерзости, поставила условие: только вместе с ней, с врачом, под ее присмотром и контролем. Он пожал плечами: маршрут действительно предстоял сложнейший. Чувствуя, что все рушится, что она всерьез влюбилась и вот — теряет его, Вера в какой-то безудержной заячьей смелости ляпнула:

— Подумаешь, маршрут! Для нас, поясников, это не маршрут!

— Ну и пичужка! — изумился он. — Вы что же, в кино Пояс видели?

— Я буду там работать. Экспедиционным врачом. Через год. Хотите — на спор?

— А, была ни была! — решился Дмитрий. — Едем. Только чур: без слез!

И как-то сразу воодушевился. Это ее приободрило. Похоже, он и сам был не прочь пригласить ее, да не осмеливался.

Не стоит вспоминать, как они рубили плот, ели подгоревшую на костре кашу, натягивали палатки. Дмитрий был предупредительно-вежлив, однако вроде бы настороженн и называл ее на вы. Забавно звучало: «Вы, Пичужка!» А назавтра...

Это был сумасшедший поток. Тугая пенистая струя швыряла их на камни, с размаху колотила о скальные стены, перебрасывала из порога в порог, накрывала с головой и скидывала с плота. То и дело они сами выпрыгивали в ледяную воду, чтобы облегчить плот, снять его с острых зубьев шиверы. Словом, какой-то кошмар, сплошное упоение схваткой со стихией. Вера не переставая пела, орала что-то во все горло, визжала и хохотала, благо себя не слышала за шумом воды. Дмитрий научил ее орудовать руле-

вым веслом, обходить «лбы», нырять в водосливы, притормаживать плот и бросать его в ревущие водовороты. «Ничего, Пичужка, еще чуть — и научитесь! Пройти бы Чертовы ворота, там полегче станет».

В полдень, плотно перекусив, они сложили наскоро просушенную одежду в непромокаемые рюкзаки, привязали их к бревнам и почувствовали себя совсем вольготно — теперь можно было безнаказанно прыгать в воду. Вскоре в Мурин впали две безымянные речушки, поток стал еще многоводнее, яростнее, страшнее. Дмитрий посерьезнел: «Держитесь, Пичужка, вот-вот Чертовы ворота!»

И тут, на самом крутом участке, случилась беда: «судно» швырнуло в водоворот, закрутило, Дмитрий не успел увернуться от торчащего из камней топляка — его ударило в поясницу и сбросило в воду...

Кое-как Вера вытянула его на берег. Дмитрий с трудом отдышался, но шевельнуть ни рукой, ни ногой не мог. Минут через пять заговорил, однако язык ворочался еле-еле. Помочь она была бессильна: а вдруг не ушиб, вдруг перелом? Оставалось одно — срочно доставить пострадавшего в поселок. Немедля! Но впереди их ждал самый опасный участок спуска — Чертовы ворота. И плот застрял на камнях полукилометром ниже. И эта веселая речка с ее перекатами, шиверами и бурунами стала вдруг черной, мрачной.

Дмитрий требовательно и печально глядел ей в глаза, как бы упрекая: допрыгалась, пичужка?

— Ну, чего же вы ждете? — растерянно спросила Вера.

— Жду, когда вы скажете: дернул меня черт!

Наверное, только это и требовалось ей услышать, чтобы снова почувствовать себя врачом с больным на руках. Раздумывать было некогда — она подхватила Дмитрия и попробовала оттащить подальше от воды. Он глухо застонал и, кажется, потерял сознание. Откуда только силы взялись — она вывернула с корнем две елочки, третью сломила. Но чем же связать примитивные волокуши? Пошли в ход шнурки от кедов Дмитрия. Еще бы что-то... На ней были резиновые сапожки. Лифчик? Сгодится! Кое-как взгромоздила на волокуши тяжелое тело Дмитрия и, несмотря на стоны, поволокла к плоту. Выбилась из сил. Доволокла. Привязала лямками рюкзаков. В кровь содрав колени, столкнула плот с камней...

Дальше все было как в кино. Лежа на мокрых бревнах, Дмитрий время от времени слабым голосом подавал ей советы... пополам со стонами. А она... она смело бросала

плот в самые невероятные водовороты, выруливала из нагромождения гигантских валунов, лавировала в каньоне, и все успевала — повернуть весло, оттолкнуться ногой, вовремя выпрыгнуть в воду, точно кто-то неведомый направлял ее волю. Наверное, то была рука судьбы. Выплыли они, конечно же, только чудом.

Когда крутизна миновала, глазам ее открылась уютная живописная долинка, зеленое озерцо и каемка пляжа. Измученная, она ткнула плот в песок маленького острова близ берега, чтобы покормить Дмитрия и поесть самой. И тут поймала на себе его настойчивый взгляд, хватилась, что в азарте единоборства с рекой так и не удосужилась привести в порядок туалет.

Она полезла в рюкзак за кофточкой — Дмитрий как ни в чем не бывало вскочил, рассмеялся во все горло, подхватил ее на руки и шагнул в воду. В нескольких шагах от них расстилался шелковистый незабудковый луг. Но она вырвалась, упала в озерцо, уплыла прочь, через несколько минут вернулась на плот, оделась, а когда вышла на берег, он уже разводил костер.

— Что означает эта комедия? — спросила она строго.

— Маленький экзамен, — ответил он с виноватым видом. — Хотел посмотреть на ваши слезы, Пичужка.

— Меня зовут Вера Семеновна.

— Пичужка Вера Семеновна. Видите ли, вы у меня не первая, кого я испытываю на этой речке. Зато первая, с честью выдержавшая экзамен. Поясник не имеет права связывать судьбу с кем попало. Мне нужна мужественная женщина...

— Спросили бы прежде, соглашусь ли я еще связывать с вами судьбу!

— А правда, Вера Семеновна, будьте моей женой! — Она молчала. — Обиделись?

— Обиделась.

— За экзамен?

— За то, что не первая.

— Но отныне — единственная...

И она стала его женой. Четыре дня они прожили в палатке на берегу этого райского озера, ловили хариусов, пекли их на рожне и ели без соли. А вечерами у задумчиво мерцающего костерка Дима читал свои стихи — дерзкие и нежные о разведчиках Пояса... На пятый день улетели в Москву. Через месяц прибыли в Подснежники. Еще через месяц она выдержала экзамен и была зачислена экспедиционным врачом в отдел Пояса.

Вся ее жизнь с того момента, как он ударился о бревешко, стала сплошным головокружительным маршрутом по бурной фантастической реке. Ее нес захватывающий поток жизни, которым управлял он, Дима. И все эти девять лет она была счастлива — каждый день, каждую минуту. Единственное, о чем жалела иногда, — это о домике на Байкале и птицах, которые будили ее по утрам наивным вопросом: «Митьку видел?» Он не любил это имя, но в душе она звала его Митькой. Коли уж он ее — Пичужкой...

3

Сколько я просидела в холле? Не имею понятия. К Броде приходили и уходили какие-то люди, меня они не видели. Я вспоминала первые дни нашего знакомства с Димой, редкие поездки в отпуск на Землю, нашего Вовку, живущего у бабушки на Байкале и еженедельно посылающего нам получасовые письма. И все пыталась представить феномен, эти голубые всплески на черном небе — и поведение Димы в той обстановке. Наконец, Вацлав Брода вышел из кабинета.

— Прошу вас, Вера Семеновна.

Вокруг стола сидели пятеро. Уважаемые люди, отцы марсианской науки. Одного я знала — Эдвард Рудзеньский, начальник Отдела Пояса, в прошлом сам разведчик, старший друг Димы. Он ободряюще улыбнулся мне. От них, от этих людей, зависело сейчас все.

Я повторила свои доводы. Они слушали хмуро. Грузный и медлительный старик спросил с явной неприязнью:

— А вы сумеете в случае необходимости поднять базу на круговую орбиту?

Я только плечами пожала. Как Дима. Не нарочно — само так вышло.

— И это все ваши доводы? — удивился Эдвард.

Я не успела ответить. Заговорил Брода.

— Это, конечно, не доводы. Во всяком случае, для нас, для совета. Но есть один... даже не довод — догадка. Коли уж все пошло кувырком, вопреки науке, вопреки логике, упаси бог посылать туда исследователя... тем более мужчину. Речь ведь пока не о контакте, не об изучении феномена зарниц. Это задача второго этапа. Мы обязаны спасти Хлебникова. И, может быть, Лаубе. Всего лишь. — Он помолчал и закончил свою мысль: — Этот человек должен действовать алогично. Вы меня понимаете, Вера Семе-

новна? По интуиции. По наитию. Как сердце подскажет...

— Вы хотите сказать, по женской логике? — без улыбки переспросил Рудзеньский.

— Примерно так.

— Но ведь и опытный разведчик в сложных обстоятельствах...

— Любой самый опытный разведчик, — перебил его Брода, — все-таки разведчик. Со сложившимся стереотипом мышления. И поведения. Здесь же обстоятельства таковы, что опыт — лишь балласт. Ненужный и опасный груз. А она чувствует, что в состоянии спасти мужа. И я склонен ей поверить...

— Ах, она чувствует! — саркастически воскликнул один из ученых мужей, с сивой козлиной бородкой.

— Именно — чувствует, — подтвердил Брода. — Итак, прошу высказать ваши мнения.

...Рядом со мной сидела непостижимая зеленоглазая Эвелин. Мы пили шоколад, о чем-то болтая. В этот самый момент Эвелин едва заметно подтолкнула меня локтем: «А ну-ка, выдай им по первое число, Верочка! Чтоб знали свое место!» Даже не успев сообразить, что сейчас они скажут «нет» и все кончится, я вскочила. Я ничего не думала, даже не слышала себя. Моим языком говорила Эвелин.

— Прошу прощения у высокочтимых мужей, но в сложившейся критической ситуации я не могу доверить самого дорогого мне человека вашему решению. Не потому, что вы рассуждаете неверно или предвзято, а потому, что вы рассуждаете по-мужски!

Лишь выпалив эту тираду, я осознала: сказано именно то, что нужно. Никакие другие мои слова, даже слезы, не заставили бы их выслушать меня. Спасибо, Эвелин, дорогая!

— Что это значит? — Ошеломленно поинтересовался у Броды пожилой толстяк. Брода пожал плечами.

— Это значит: мужчина анализирует мир, а женщина чувствует его, — кажется, чуть помягче объяснила я. — Говоря о мышлении человека, мы лишь условно имеем в виду мышление мужчины. Которое в данном случае совершенно наглядно потерпело фиаско. Полагаю, печальный опыт трех зрелых поясников убеждает в этом. Очевидно, мужской подход к делу на Язоне непригоден. Остается попробовать женский!

— Вацлав, вы хотели знать наше мнение, — напомнил козлобородый, будто меня здесь и не было.

Эвелин заговорщицки подмигнула: «Не давай им пере-

дыху, Верочка!» И я рассмеялась прямо в лицо козлобородому:

— Ваше мнение и ваше решение предсказать нетрудно. Вы мыслите как компьютер, запрограммированный раз и навсегда. Вообще мужчина как мыслитель не более чем биологический компьютер. Да, да, и не пытайтесь меня перебивать! Я говорю не в обиду вам — лишь ради истины. Женщина же мыслит принципиально иначе. К вашему сведению, это называется эмоциональная основа мышления. Это значит, чем больше личной заинтересованности, тем точнее анализ ...или отгадка, как вам угодно. Так вот я хочу сказать, у меня там, на Язоне достаточно личных интересов. В отличие от вас!

Кажется, на сей раз никто не рвался меня останавливать. Более того, Эдвард Рудзеньский переспросил:

— Компьютер — это ругательство с вашей точки зрения?

— Я сказала: компьютер, запрограммированный раз и навсегда. Этому компьютеру необходимы достаточно полные данные о предмете, лишь тогда он выдаст верное решение. Нам же по сути никаких данных не нужно. Мы чувствуем ситуацию. Понимаете, это чутье, своеобразный нюх, подаренный нам эволюцией. Вероятно, в возмещение сильных рук и быстрых ног. Вот почему я не верю вашему анализу обстановки: у вас слишком мало данных. И прошу довериться моему чутью. Чую, что сумею спасти Дмитрия...

— Тогда уж лучше собаку послать, у нее чутье еще сильнее, — мрачно пошутил седенький в очках.

Шельмоватые глаза Эвелин глянули на меня поощрительно...

— Вот видите, какого вы мнения о женщине!

Они переглянулись.

— Ну хорошо, — поднялся над столом Вацлав Брода. — Мы, разумеется, учтем ваши доводы, Вера Семеновна. Повторяю, я лично верю вашей интуиции. Итак, ваше слово, коллеги!

— Я против авантюр, — изрек толстяк. — Предварительное решение оптимально.

— Против, — буркнул козлобородый. — За группу Войтюка.

— Склонен поддержать Вацлава, — точно бы нехотя произнес Эдвард Рудзеньский.

— Против.

— Категорически против. За десант Войтюка.

Это сказал седенький в очках. На которого я, откровенно говоря, рассчитывала. Чем-то он мне понравился. Тогда было бы три-три, и Вацлаву оставался еще какой-то оперативный простор. Но этот «собачник» обрубил все мои надежды.

Эвелин в отчаянии закрыла лицо руками. Как это она, помнится, частенько делала...

Все — я лопнула, как мыльный пузырь. Разлетелась вдребезги. Остались лишь бабьи слезы, подкатившие к горлу.

Брода обвел корифеев тяжелым взглядом и медленно заговорил:

— Земля наделила меня... в связи с этим инцидентом... чрезвычайными полномочиями. Спасибо за советы, друзья. Я все учел и все взвесил... Полетит Вера Хлебникова. За тобой инструктаж, Эдвард. Весь Марс будет к вашим услугам, Вера Семеновна. Держите меня в курсе. — Он подошел ко мне и обнял как дочь. — Желаю удачи... Верочка! Ни пуха ни пера!

— К черту! — сказала я. И выскочила в холл.

Лишь здесь, под лимонным деревом я позволила себе выплакаться.

Но самое странное, ничего подобного я никогда не думала — говорю о мужском мышлении. Это были слова Эвелин, сказанные на одном из «междусобойчиков». Обычная словесная игра — так мы подзуживали иногда наших мужчин.

4

И вот я сижу в салоне базы, в том самом кресле под пальмой, в котором сидел Дима, и плачу как девчонка, навзрыд. Я только что прослушала послание Димы. «Обнимаю тебя, Верочка. Люблю. И буду помнить каждую минуту. До последнего вздоха». Дима не мог уйти, не подумав о тех, кто придет на выручку. Я плакала не с горя, наоборот, слезы были легкими, облегчающими, хотя положение оставалось серьезным.

Диму одолевали сильнейшие головные боли, он ничего не помнил и не узнавал меня. Речь и лицо были частично парализованы. Но в общем я не теряла надежды, тем более, что до моего приезда Фенечка сделала все от нее зависящее. И теперь понуро стояла в углу и теребила кромку фартука, словно переживала за Диму. С Гердом было совсем худо. Я бы сказала так: будет жить — не больше.

На шахматном столике — недоигранная партия. Недокуренная сигара. Недопитый коктейль. Трубка Димы. Здесь они и спорили, мужчины. Потом Шарль ушел наверх. И не вернулся. У него никого не было, у Шарля Мбукву. У Герда жена на Земле. Эвелин. Правда, они уже расстались. Слабое утешение.

Мне нужен был контакт с Димой. Словесный контакт, чтобы как-то повлиять на его состояние, успокоить, заставить поверить в выздоровление. Но он не приходил в себя. Боюсь, не вывести мне его из шока. Вся новейшая химия уже пущена в ход. Как я и думала, пока безрезультатно. Нужны какие-то экстренные меры. Какие?

Итак, он запрограммировал сообщение на Марс, дал инструкцию Фенечке и Евстигнею и отправился туда, «к ним». Он должен был вызвать зарницы, но импульса еще не знал. Значит, нашел там, возле статуи. Вероятно, они много говорили об этом, точнее — вокруг этого. Шарль угадал импульс. Но Шарль был антрополог. И верил в контакт. Герд дошел своим умом. Вывел, как формулу. Шахматист, эрудит, аналитик, философ... Хотя и не верил. А Дима... Дима наверняка уже знал примерно, что и где искать.

Хорошо, он нашел импульс и вызвал зарницы. Доза пульсации была значительно ниже, чем в случае с Гердом. Но все же слишком велика. Конечно, Дима не почувствовал этого, надеялся, все обойдется. Верил в свои расчеты. Поэтому и не включил запись изображения и текста. Думал — вернется на базу и запишет впечатления. Какими же ошеломляющими сведениями одарили «они» Диму? Шарля угостили математикой, Герда — биологией. Уж не трагическая ли история Фаэтона досталась Диме? Видимо, он хотел от «них» именно этого. Но голубые зарницы — не концерт по заявкам...

Погоди-ка, Верочка, погоди, кажется, это уже «теплее».

Ни Шарль, ни Герд не помышляли направлять пульсацию в нужное им русло. А вот Дима наверняка попытался. Как? Только мысленно, иного пути нет. Да это и в характере Димы — перебороть. Пусть даже в этой ситуации «перебороть» имеет совсем другой смысл. А что, если это было немое единоборство мысли: кто кого? И тогда — кто же кого? Пожалуй, дуэль закончилась вничью. Дима получил нужную информацию о «них» — но его мозг не выдержал перегрузки. Поистине сверхчеловеческой. А дальше?

Нет, мне не следовало, конечно, состязаться с Димой в размышлении. Я даже поймала себя на том, что мысли у

меня слишком короткие, что ли. И тем не менее я еще раз прослушала исповедь Димы — с явным намерением «осмыслить» ее. Конечно, «осмыслить» я понимаю по-своему — я хотела влезть в шкуру Димы, проникнуться его чувствами и ощущениями. Именно это казалось мне главным — как бы продолжить его.

Голос звучал размеренно, по-домашнему, Дима не рассказывал, а размышлял, спорил сам с собою, советовался. Если закрыть глаза, чудилось — он сидит в кресле напротив.

В общем, мне частично удалось задуманное. Я прониклась. На час стала им, поясником Дмитрием Хлебниковым. Хотя проследить всю цепочку размышлений и фактов вслед за Димой даже не пыталась. Просто я во что-то поверила, во что-то нет, одно показалось мне притянуто за уши, другое неинтересно или незначительно, а вот это да, в самый корень, и это да, очень важно, надо бы еще к этому вернуться...

Например, я так и не поняла, почему он издевался над Евстигнеем. Ведь машина есть машина, чего от нее ждать? Наоборот, то, что он называл «версией Герда», виделось мне совершенно прозрачно. Что ж тут непонятного? Дима подспудно недолюбливал Герда, как и все мы: педант и зануда. Как даже в лучшие дни недолюбливала его Эвелин. Но Герд был умница, эрудит, аналитик и далеко видел. Еще вон когда рассчитал, что пойдет к зарницам и может пасть под их натиском. Тогда Дима обнаружит у него фотографию Эвелин с Шарлем — и это может исказить истинную картину, толкнуть расследование на ложный путь. А уничтожить фотографию было жаль, Герд обожал Эвелин, на этой фотографии, в отличие от другой, она так мило улыбалась своему Торпу. И Герд предпочел спрятать фото — в надежде, что все еще обойдется. Не обошлось. А Дима совершенно случайно засек его в физзале — и нагородил целую версию. Конечно, он не знал Эвелин, не чувствовал ее притягательности. А Шарль чувствовал — и предпринял попытку вернуть ее Герду. Потому что — это он тоже чувствовал — Герду было скверно без нее. Однако лишь мы, женщины, понимали всю обреченность попытки Шарля. Ничего, кроме двух фотографий, не привез он с Земли...

Ну, мне, например, показалось, что версия Голубого Луча совсем из другой оперы. Удивительно, что Дима этого не заметил. Наоборот, все эти фольклорные сюжеты, если только под ними есть какая-то фактическая основа,

не более чем следствия феномена голубых зарниц. Значит, и раньше люди натыкались на Язон или другие подобные осколки со следами обитания цивилизации Фаэтона. Отсюда и ужас, и мгновенная седина, и все прочие прелести поясной чертовщины.

А что меня просто потрясло, так это случайное на первый взгляд совпадение, которому Дима, по-моему, не придал должного значения. Разве не занимательно, что все события (и Златокудрая Изольда, и приключения капитана Дьероши, и злоключения группы Дмитрия Хлебникова) произошли в районе Большого Бабая, на осевой линии Пояса, в точке гипотетического взрыва Фаэтона? «Совпадение» впечатляло, и я тотчас поняла: да, это контакт, это Фаэтон...

Вот так я еще раз прониклась переживаниями Димы, на сей раз критически, и в какой-то степени ощутила себя им. То есть я была готова идти на контакт, отлично сознавая, что не готова совершенно. Пожалуй, применительно к женщине такое состояние не назовешь драматическим, мы часто прибегаем к подобному, надеясь на авось, — и кривая обычно вывозит. Но мужчине, разведчику, мыслителю крайне сложно решиться на столь ответственный шаг в момент душевного дискомфорта. Значит, что-то вдохновляло его в те минуты. Что-то для меня недоступное. Но весьма значимое для Димы...

— Эх, Пичужка ты Пичужка! — сказала я себе. — Легко судить, придя на готовенькие выводы! Хотя... рано или поздно все равно придется судить. Никуда тебе не деться...

В общем, суммируя свои впечатления, должна сказать нечто неутешительное для Димы. Об его анализе ситуации. положа руку на сердце. Дима тоже не справился. Как и те двое. Даже Дима, «сибирский медведь»! Утонул в материале. Метался от версии к версии. Такое впечатление, что поначалу вообще барахтался в тине, лишь под конец стал выруливать в главное русло. Как было дальше, не знаю. Надеюсь, он взял свое. Правда, непомерно дорогой ценой.

Что ж, схватка с Неизвестным никогда и никому не обходилась дешево. Самые сильные натуры терпели поражение. В прежние времена побежденных отстраняли от дел, спроваживали на отдых, как Дьероши. Пока не усвоили, что это не крах личности, а болезнь. Обыкновенная космическая болезнь — синдром Неизвестного. То есть типичный случай фатально затянувшейся растерянности перед лицом неведомого. Непременные симптомы: мучительный поиск выбора («метания»), навязчивые состояния («версия Гер-

да»), видения и галлюцинации («шаги в тамбуре», явление Шарля). И все же, на мой взгляд, ему не хватило интуиции — чтоб схватить главное. К такому заключению пришла врач Вера Хлебникова...

Вчера я передала подробный доклад Броде. Включая, разумеется, исповедь Димы. Там уже сидели всех рангов и профессий спецы, готовые по первому зову ринуться в мозговую атаку. Ринулись. Бесполезно. Для них, как для компьютера, слишком мало данных. А для меня? Для меня должно быть достаточно. Чем-то же оправдан выбор Броды!

Эх, если бы Дима все же включил запись, прежде чем ринуться в омут неведомого! Как сейчас пригодились бы даже минимальные сведения...

«Биологические данные, полученные Гердом Лаубе, чрезвычайно любопытны, — ответил Брода. — Теорема Герлиха изучается, мнения специалистов резко расходятся. Эвелин Лаубе ничего существенного не сообщила, в связи с Шарлем Мбукву она не состояла. По поводу импульса новых гипотез нет. Продолжайте информировать». Вот и все.

Маловато, леший их забери! Мне почему-то казалось, там заседают те же пятеро, и я не могла подавить в себе какую-то остаточную к ним неприязнь. А Эвелин-то уж явно ни к чему побеспокоили, могли бы сообразить, что женщины, жившие в одном блоке, достаточно знают друг друга...

А все-таки что-то явно задело меня в конце исповеди Димы. И продолжало беспокоить. Не могу понять, что именно...

Допустим так, Шарль верил в контакт. Возможно даже, мечтал о нем. Естественно, «те» не воспринимались им как нечто чужеродное, враждебное. К тому же Шарль был негр, от предков унаследовал ненависть к любому расизму. Герд же в контакт не верил. И, вероятно, побаивался его после гибели Шарля... А уж что брезговал... не то слово, но лучшего, кажется, нет... брезговал, считал «их» чужаками, чем-то враждебным, античеловечным, — точно. Дима был шире, демократичнее. Но Дима даже лягушку не мог взять в руки. Да, умом он понимал все, однако в душе... тоже брезговал. Вот почему он шел не на встречу, не на беседу — на поединок. На мысленный поединок. «Иду на вы!»

И тут мне стало ясно, почему он не включил запись, почему следовательно, я лишена очень важных сведений. Он не только верил, что все обойдется, — он принципиально не хотел подключать других. Это было бы противно са-

мой идее поединка: один на один. Да, он шел «на вы» по всем правилам рыцарства и хотел в одиночку справиться с голубыми зарницами. «А я что, соломенное чучело?!» Отступать ему было некуда — он остался последний...

И все-таки «битва интеллектов» — понятие еще слишком общее. В чем-то человек должен быть сильнее голубых. Но вот в чем? В широте охвата действительности? В глубине анализа? Едва ли. А может, в гибкости ума? В дипломатичности? Даже в хитрости?

Но как же я? Тоже должна «идти на вы»? Не чувствую в себе таких сил. Ни сил, ни желания.

А все же Брода не случайно задал свой вопрос. Я врач. Я могу без малейшей брезгливости вскрыть труп, обследовать зараженного экспериментальным вирусом кролика, ухаживать за беспомощным больным. Но то люди, кролики, крысы. А здесь... Дима прав, «голубая нечисть». Сумею ли я проникнуться доверием к «ним»? Ведь само слово «пришельцы»... ох, какое это поганое слово! Пришельцы — проходимцы — нашествие... Захватчики. Незваные гости. А Шарль отправился к ним с открытой душой...

Герд был в этом смысле антиподом Шарлю. Но в конце концов тоже вызвал пульсацию. Дима заметил перед этим: Герд сломился. Что ж, значит, пришел к мысли о контакте, только и всего. Да, ломка мировоззрения, ломка себя. Нелегко далась эта ломка Герду Лаубе... А Дима? Он до конца чувствовал себя «не готовым». Был готов пойти — и все же сидел, ждал чего-то. Чего?

Вот так примерно пыталась я размышлять, изыскивая ключ, импульс, чтобы вызвать на разговор зарницы. И в то же время догадывалась: вовсе не импульс мне нужен. Ну, в конце концов я его найду, не велика сложность, ежели те трое нашли. Но мне-то нужно нечто большее. Что? Извините и простите — если б я знала! Во всяком случае, мне важнее как-то определиться по поводу зарниц. Сложить о них мнение, что ли. Почувствовать их. Чувствуем же мы в обычной нашей жизни, кто как к нам относится. Кто нас по-настоящему любит, а кто всего лишь приударить решил...

Конечно, самое верное было бы полюбить зарницы. И обратиться к ним с открытой душой. Но... полюбить «нечисть»... Сложновато!

По крайней мере, Дима понял, от чего следует плясать. Чтобы узнать, «что им от нас нужно», следовало бы докопаться до истоков их цивилизации, выяснить, кто они, отчего погибла их планета. Что случилось на Фаэтоне?

Но такие вещи не почувствуешь. А длинная цепочка рассуждений — не для меня. Да и не верю я в истины, столь сложным путем добываемые.

Герд с Шарлем установили две возможные причины внезапной гибели высокоразвитой цивилизации. Причины веские. Но почему именно две? Почему не три? И какая может быть третья?

Эвелин поднесла к губам чашечку с горячим шоколадом и отхлебнула глоток. Ее зеленые глаза смотрели шало, вызывающе, а губы выговаривали слова с какой-то нарочитой издевкой, явно и подчеркнуто несерьезно. И в то же время значительно: «Самое невероятное в истории человечества как раз то, что мы полюбили мужчин, а они нас. Этого не должно было случиться — настолько мы несовместимы...»

Конечно, Эвелин обожала парадоксы. Да и сама была личность во многом парадоксальная.

И все же... в этом что-то есть — полюбить «голубую нечисть!» Если представить зарницы как...

— Вера Семеновна, он проснулся!

Я вздрогнула, вскочила, задела рукой бокал с недопитым коктейлем. Бокал упал на пол, разбился.

Но это была всего лишь Фенечка. Боже, как она меня напугала!

Она стояла в двери и с виноватым видом теребила каемку фартучка. Что-то девическое угадывалось во всех ее движениях и жестах. Да и в голосе. «Неужели она понимает, что напугала меня? — почему-то подумалось мне. — А может, тоже переживает за Диму?»

5

Фенечка ошиблась: он не проснулся, он бредил. Шептал что-то бессвязное и отгонял слабым движением руки невидимых призраков. Я гладила его, успокаивала, уговаривала — постепенно мои слова дошли до него. Дима успокоился. Глотательный рефлекс у моего больного сохранился полностью, я покормила его из ложечки — как Вовку, когда был крохой. И опять едва не разревелась. Большой, сильный, самостоятельный мужчина — и такая беспомощность! Всплакнуть мне помешала Фенечка, тихо стоявшая за спиной и тоже, казалось, готовая разнюниться. Ох уж это мокроглазое племя...

Она-то и перебила мои размышления. Спугнула какую-

то догадку. Я попыталась восстановить ход своих рассуждений — нет, никаких догадок не припомнилось. Разве что полушутливая фраза Эвелин о несовместимости женщин и мужчин. Но какой от этой фразы прок? Или дело не во фразе, в самой Эвелин?

Эвелин, конечно, бабонька еще та. С завихрениями и омутами. Дима такие потайные донные ямины, где стоит рыба, называет «улово». Ну, прежде всего, она феминистка. Постоянно восхищается женской натурой, женской чувствительностью, непосредственностью, эмоциональной тонкостью. Всегда и во всем возносит, чуть ли не обожествляет женское начало. Но... как бы это сказать?.. чуть-чуть не всерьез, с пережимом и немножко истерично. Да к тому же Эвелин чрезмерно обожает мужичков. Что странно не само по себе, тут мы все более-менее схожи, а для такой явной феминистки. Чтобы жить, ей просто необходимо постоянно пребывать в состоянии влюбленности. Она и себя распаляет до крайности, и свой «предмет». Но, как я приметила, ей важнее не победа в традиционном смысле слова, а «покорение» очередной жертвы, сознание, что и этого «обаяла» до полной утраты разума. Сама же она разум теряла редко, влюблялась чисто теоретически, ей хватало и упоения своей властью над мужчинами.

Мне эти ее вечные погони за новым чувством претили, казались надуманными, холодными, хотя и я не осуждала ее; мы, на Марсе, вообще предельно терпимы к подобным вещам; как-никак, у нас все еще втрое меньше женщин, чем представителей сильного пола, — от этого не отмахнешься. Впрочем, были в ней, в Эвелин, и обаяние, и какая-то даже болезненная искренность, и шарм. Если бы не захватившая ее теория «маленьких радостей»!..

В первые же дни появления в нашем дружном отсеке Эвелин заявила со значительной миной: «Вы знаете, девоньки, в чем я убедилась? Вся наша жизнь — погоня за радостями. Пусть даже маленькими, пусть короткими. За призраком счастья!» — «За призраком, не за самим счастьем?» — уточнила дотошная Марула. «Счастья самого по себе не существует, — полуприкрыв глаза, провещала Эвелин. — Оно как раз и состоит в вечной погоне за призраком счастья». — «Ну, а потом, когда догонишь?» — спросила я. Эвелин не поняла: «Кого догонишь?» — «Да счастье, счастье!» — «Сразу же начинай искать следующее. Потому что это, найденное, вскоре растает. Как сосулька, если пытаться сохранить ее до следующей зимы».

Я совсем недавно нашла своего Диму и не собиралась

никому уступать его, тем более, сама ни в ком не нуждалась. Так что эти сентенции только позабавили меня. Да и вообще Эвелин была занимательной собеседницей, мы на наших девичниках поначалу просто заслушивались. Потом наступила полоса трений. Это случилось, когда Эвелин принялась слишком уж наглядно и не совсем эстетично восславлять на «междусобойчиках» женские преимущества. Мы поговорили с нею по-дружески, она, конечно, возмутилась нашим невежеством, но все же вняла. Вот тогда-то... «они сошлись, вода и камень, стихи и проза, лед и пламень». В самом деле, ведь мы такие разные! Эвелин приоткрылась мне совсем с другой стороны — как натура глубокая, неудовлетворенная, ищущая. Не считаю нужным скрывать, наши тогдашние беседы повлияли на мои взгляды, на мое понимание себя как человека.

Вообще-то Эвелин была режиссером театра малых форм, по сути, режиссером самодеятельности, и здесь у нее не отнимешь ни таланта, ни эрудиции, ни твердой руки. После сомнительных «Летучей мыши» и «Русалки» она поставила несколько прелестных философских притч. Жаль, лучшую из них, «Союз Адама и Евы», не видел Дима, он как раз уезжал на симпозиум в Нью-Порт.

На благословенной розовой планетке Алазор жила шикарная женщина по имени Ева. Целыми днями валялась она на пляже, грызла яблоки, поминутно зевала и вздыхала от одиночества. Наконец, не выдержала, взмолилась: «Господи, мне скучно!» Пребывающий в облаках белобородый дед услышал ее жалобу и, почесав бороду, ответил: «Потерпи, милая, что-нибудь придумаю».

А на менее благословенной зеленой планетке Дрягве жил справный мужичок по имени Адам. Целыми днями сидел он с удочкой на берегу, дергал рыбку да варил ушицу. Когда через несколько миллионов лет это надоело ему до чертиков, он отбросил спиннинг и возопил: «Все осточертело, господи!» Бог и этот вопль услышал, почесал бороду и ответил: «Потерпи, голубчик, что-нибудь придумаю».

И задумался, уперев голову о руки. Тут подскочил к нему советник — небольшой, черняввенький, с рожками: «Есть идея, господи! Ежели та дамочка на Алазоре и этот товарищ на Дрягве оба скучают, соедини их вместе и поселили на одной планетке, имеется такая на примете, отменная планетка, Земля называется. Сам увидишь — это будет венецтворения!» — «Не можно,— ответствовал бог. — Несовместимость на клеточном уровне, к тому же различные психо-физиологические формации». — «А ты рискни, —

посоветовал советник. — По идее, все твари господни совместимы. Поживут вместе — и совместятся, еще тебя благодарить будут». Так и сделал бог, перенес обоих в райские кущи Земли и молвил: «Вот тебе друг, Ева, чти и обожай его. А тебе подруга, Адам, люби ее и жалей». — «Но мы же несовместимые, господи!» — возроптали они. — «Ничего, притирайтесь», — сурово ответил господь. И был таков. С тех пор и притираются друг к другу несовместимые потомки Адама и Евы, да все никак не могут притереться.

Разумеется, Еву играла сама Эвелин, Адама — мускулистый и симпатичный Шамиль, бога — благообразный Костас Осояну. Советником же пришлось стать Шарлю — благо и гримироваться не нужно, только рожки нацепи. Сценка всем понравилась, о ней много говорили, и назавтра же Эвелин объявила, что это никакой не символ, а самая настоящая научная гипотеза: скорее всего, мужчины и женщины в самом деле принадлежат к различным биологическим формациям, что в один вид слиты они чисто условно и полная совместимость между ними недостижима, ибо их альянс — роковая ошибка создателя.

Мы, конечно, посмеялись, потому что была в ее словах известная доля правды. И тут Эвелин, почувствовав успех, произнесла главную свою сентенцию: «А вообще-то существует расхожее мнение, будто собственно человек — это мужчина, а женщина всего лишь самка человека. Так вот, современная наука на основании многих неопровержимых данных установила, что человек — это как раз женщина, а мужчина лишь самец человека!» В голосе ее была такая убежденность, что мы невольно расхохотались. Эвелин оскорбилась — она и не думала шутить.

А однажды на «междусобойчике» появилось подобие компьютерной системы «Экипаж», в которой наши мужья перед каждой новой экспедицией проверяются на совместимость. То есть, как и полагается, было две кабины, пульт и говорящее компьютерное устройство. Металлический голос объявил: «Проверяются на совместимость в начале долгой совместной жизни семейные экипажи. На проверку вызваются Вера и Дмитрий Хлебников!» Мы с Димой, предчувствуя какой-то веселый розыгрыш, первыми ринулись в кабины — а чего бояться, мы, слава богу, пара вполне совместимая, еще ни разу всерьез не повздорили. В кабинах оказалась настоящая аппаратура, датчики, тестеры, анализаторы и прочее. Через десять минут были приглашены Эвелин с Гердом, потом остальные.

Вообще-то наши мужчины к таким проверкам привык-

ли, и, кстати, экипаж Димы с Гердом и Шарлем всегда получал самый высокий индекс. Мне испытания на совместимость тоже знакомы. Но вот семейные пары, кажется, еще никто в мире не пробовал проверить. И мы ждали чего-то забавного. В самом деле, должна же эта имитация что-то значить! Когда все пары были испытаны, компьютер без тени иронии объявил: «Сообщаю индексы совместимости. Супруги Хлебниковы — 23, супруги Лаубе — 29, супруги Осояну — 32...» То есть все мы оказались предельно несовместимы! С индексом ниже 75 ни один экипаж не мог существовать. Ниже 50 означало — длительное совместное пребывание противопоказано. А ниже 25 — сколько-нибудь продолжительное общение опасно. И этот кошмарный индекс заработали мы с Димой!

Впору было огорчиться. Но тут компьютерный пульт сам собой зашевелился, из него вылез взопревший в тесноте и духоте знакомый оператор из Центра подготовки Шаров и объявил бесстрастным голосом: «Товарищи, в Центре испытывается новейшая аппаратура дистанционного действия. Отныне проверку на совместимость можно осуществлять на значительном расстоянии по радиоканалу. И хотя в данном случае роль компьютера исполнил я, проверка проведена настоящая. Объявленные мною индексы переданы системой «Экипаж» Центра управления. Вот магнитократы».

Дима, что редко с ним случается, у всех на виду прижал меня к сердцу и шепнул: «Несовместимая моя!» Герд Лаубе растерянно моргал, Франц и Костас стояли призадумавшись, да и подруги их, Сюзанна и Марула, чувствовали себя неважно. Одна Эвелин ликовала: «Ну, что я говорила! — И словно только для того, чтобы еще заострить ситуацию, через весь холл бросила Шарлю: — Надо было и нам с тобой испытаться, авось...» Кажется, он готов был сквозь землю провалиться.

Потом мы пили чай, чувство неловкости испарилось, все были настроены благодушно, и Шаров объяснил, что проверка на совместимость супружеских пар по программе испытания исследовательских экипажей — всего лишь шутка, здесь совсем другие критерии совместимости и, вероятно, чем ниже индекс, тем крепче семья. Мы с Димой переглянулись.

И тут Эвелин с несвойственной ей горячностью на полном серьезе завела речь о хрупкости семьи как предпосылке грядущего краха цивилизации, о непреодолимости психофизиологических различий как причине извечного антаго-

низма полов, о неизбежности в будущем «развода» двух половин человечества.

Чувствовалось — это у нее продумано, выстрадано. Во всяком случае, доводы были впечатляющие, даже Шаров, специалист в области социальной психологии, и тот стушевался. На меня речуга произвела впечатление, да я и прежде задумывалась, почему так неладно и недружно живут между собой две половины человечества, когда друг без друга буквально жить не могут? Словом, в тот вечер Эвелин заронила в меня некие семена. Лишь Дима пренебрежительно махнул рукой: «Чепуха! Обычные дамские штучки...»

А Шарль... я как раз наблюдала за ним... Шарль решительно стодвинул чашку и с обычным своим задором заявил:

— Если раскол семьи грозит цивилизации гибелью, надо не смаковать это обстоятельство, не строить мрачные прогнозы, а искать пути к примирению. Так сказать, в масштабах человечества. Вот чем заняться бы психологам!

Шаров согласно закивал, дескать, дайте срок, наука и этот конфликт уладит, а Шарль поднялся и ни с того ни с сего покинул чаепитие.

Все-таки он был, конечно, неравнодушен к Эвелин, и держать себя в рамках было ему нелегко. Думаю, если б он хоть пальцем шевельнул, семейка Лаубе развалилась бы задолго до Торпа; но в Шарле чувство товарищества возобладало. Кстати, все мы были в курсе, я думаю, и Дима знал.

— И все же конфронтация неизбежна! — предостерегающе вскинув руку, вскочила Эвелин. — Рано или поздно женщина порвет оковы этого ненужного ей союза, вырвется на волю, расправит крылья и воспарит!

Глаза ее сверкали. Она резко села — голубой шарф взметнулся над головой, точно газовый факел.

— Какая конфронтация? — пожал плечами Шамиль. — Я просто не понимаю, о чем ты говоришь, Эвелин. Любая конфронтация между мужчиной и женщиной может закончиться лишь одним: короткой, но яростной битвой — к обоюдному удовлетворению сторон! — И как бы подводя итог спорам, взял аккорд на гитаре...

Фенечка все еще стояла за моей спиной — сочувствовала.

Воспоминания заняли минуту, не более. Но долго еще взлетал перед глазами голубой шарф Эвелин, звучали в ушах ее пророчества. К чему бы это? Когда Дима начал

бредить и Фенечка позвала меня, кажется, мне осталось всего шаг сделать, чтобы понять что-то. Но вот — что?

Боже праведный, да ясно же — я думала о возможных причинах внезапного конца света. Дима полагал — их две. А мне подумалось: почему не три? И в самом деле, теория Эвелин ничуть не хуже теории Шарля и Герда. И тоже — если вспомнить конец двадцатого века, когда более трети женщин и мужчин планеты жили врозь, — вполне убеждает, что угроза «развода» двух половин человечества вполне реальна. Неужто и от этого ничтожного «не сошлись характерами» может погибнуть цивилизация?!

Итак, вот она, цепочка. Чтобы узнать, «что им от нас нужно», следует знать причины, приведшие к гибели Фаэтона. Эти причины мы откроем тем вернее, чем вероятнее выиграем мыслительный поединок. Но чтобы выиграть мозговое единоборство, следует прежде отыскать подход «к ним», ключ. А ключ не найти, если не руководствоваться возможно более близкой к истине гипотезой о возможных причинах гибели «их» цивилизации. Сведений для подобной гипотезы, надо полагать, нами получено достаточно... Таков элементарный строй рассуждений Димы. Но как же трудно дался он мне! Нет, все-таки наш метод исследования внешнего мира, интуиция, — вернее. Все надежды на нее...

Но я опять отвлеклась. Если представить эти голубые зарницы как... как...

Эвелин резко села и поднесла к губам чашечку шоколада.

— Какая конфронтация? — пожал плечами Шамиль...

Но почему шоколад, если мы пили в тот вечер чай? Или это неважно?..

Глаза ее сверкнули. Она резко села — голубой шарф взметнулся над головой, точно... точно зарницы Язона, виденные мною в записи.

— Спасибо, Эвелин, милая! — шепнула я.

Теперь я все знала. Будто бы знала это всегда.

6

Надеюсь, я поняла, что с ними произошло, с фаэтонцами, — они «развелись». Но не сумели мирно поделить дом. Не представляю подробностей гибели цивилизации, да это и неважно — зато представляю, что они чувствовали, и те, и другие. Те, черные человечки, — это, конечно, мужчины.

А другие, голубые зарницы, — женщины. «Рано или поздно женщина порвет оковы этого ненужного ей союза, вырвется на волю, расправит крылья и воспарит!» Вот и воспарили... на осколках своего Фаэтона.

Теперь в самых общих чертах я представляю, что делать дальше. Но только — в общих. Ничего конкретного. Поэтому хочу еще раз проверить себя. Не помешает.

Когда я слушала отчет Димы, эту сбивчивую исповедь, мне в первый же раз показалась странной одна фраза в самом конце. Потом я прослушала ее много раз и убедилась: что-то здесь не так. «Иду, вдруг по дороге что-нибудь да взбредет на ум, — сообщает он в конце своего послания. — Иду на вы, голубые зарницы Язона, внуки Фаэтоновы! Привет вам, дорогие товарищи, кто бы вы ни были! Обнимаю тебя, Верочка...» Ну, дальше касается лишь нас двоих. Думаю, «дорогие товарищи» — не только те, кто примчится на Язон выручать экспедицию. По голосу, интонации, ритму эти «дорогие товарищи, кто бы вы ни были» относились также к голубым зарницам. Видимо, наговаривая текст, Дима неотступно думал о предстоящем мысленном поединке... и подспудно у него уже вызрели первые слова обращения к феномену: «Привет вам, дорогие товарищи!» А как еще должны встречаться две разумные цивилизации?!

Это было уже нечто. Но это вольно или невольно подсказал мне Дима. С этим он и ушел «на вы», остальное родилось уже там, возле бабы. Дальше мне предстояло двигаться самостоятельно.

Итак, Дима подумал: «Привет вам, дорогие товарищи!» — и зарницы отозвались.

Точно так же Шарль, пораженный находкой на заурядном астероиде вполне земной бабы, глубоко взволнованный возможным присутствием где-то рядом разумных существ иной формации, к которым ничего кроме братских чувств не испытывал, крикнул (или даже подумал): «Отзовитесь, друзья!» — и тем самым разбудил миллионы лет дремавший механизм, нацеленный как раз на подобный импульс. Никто ведь не станет просвещать врагов или невежд, каких-нибудь варваров. Ай да Вера Семеновна, пичужка, похоже, ты близка к истине!

А потом они начали свою «беседу». Разумеется, с самого элементарного для мыслящей цивилизации, — по крайней мере, по их мнению, — с теоремы Герлиха. Шарль «принял» послание, точнее, повторив теорему Герду, дал понять, что принял. Так начался контакт.

А Герд? А Дима? Ведь это должна быть совершенно чистая, искренняя мысль: друзья. Малейшая неискренность, помехи должны были отпугнуть фаэтонцев, предостеречь от вступления в контакт. Значит, так или иначе Герд путем длительного, может быть, мучительного переосмысления пришел к «чистой» формуле: друзья. Но ведь Дима-то не пришел, это мне доподлинно известно! «Голубая нечисть»... Значит, он усилием воли заставил себя перебороть брезгливость и обратиться к ним с открытой душой. Только в этом смысле и можно говорить о поединке — «иду на вы». Зажал волю в железный кулак... В этом он весь, мой Дима...

Конечно, это преждевременный контакт. Во многом случайный. Мы не готовы к нему. Ни психологически. Ни нравственно. Ни антропологически. Да и по уровню развития: их «азбучная» теорема для нас непостижима. А главное, мы не в состоянии воспринять их информацию без пагубных для себя последствий. Значит, если они настолько обогнали нас в развитии... они, конечно же, убедились... да, да на случае с Димой... что даже самая малая доза выводит человека из строя. И больше не пойдут на контакт. Не откликнутся. Или рискнут еще раз, снова сбавив дозу?

Допустим, рискнут. Если поверят моему «зову». Дима сумел взять себя в руки. А я?

Я не боюсь облучения их психотронным полем. Не боюсь «их». Но вот — брезгую ли? Не знаю. Какие они в натуре? Двуногие черные человечки? Голубые языки пламени? Шестиногие звезды? Моллюскообразные? Медузы? Спутанные заросли щупалец? Кристаллические друзы? Налет зеленоватой плесени на камнях? Это не должно иметь значения. Это несущественно для разума. Они умнее нас, много умнее. Мы для них — человекоподобные детеныши. Дельфинята. Шимпанзята. Таким не причиняют зла. Но готова ли я обнять их — с чистым сердцем? Их, отнявших у меня Диму?

Уф!

Фенечка по собственной инициативе подала мне кофе. Видно, у нее уже выработался рефлекс: если человек задумался, неси ему кофе. Потом мы покормили и изобиходили Диму и Герда. Герд только мычал. Дима стонал и метался. Я попробовала поговорить с ним — безуспешно. Боюсь, ему хуже. И будет хуже с каждым днем. Я здесь третьи сутки — и по сути ни на шаг не продвинулась вперед. Боюсь, члены совета правы: я беспомощна. Значит, что же — конец? Конец?!

Неужели Вацлав Брода, белогривый мудрец с наивными детскими глазами, ошибся во мне? Я должна действовать по наитию, алогично, вопреки логике. Вопреки мужской логике! А что сделал бы мужчина, этот неведомый Войтюк, например? Полез бы во внутренности астероида, чтобы наконец обнаружить то, на чем физически зиждутся зарницы? Какой-нибудь механизм? Аккумулятор? Реактор? А если это всего лишь обычная магнитная порода? Или распыленные по всей массе Язона радиоактивные изотопы? А еще этот самый Войтюк немедленно увез бы отсюда Диму и Герда. Подальше от статуи, от голубых зарниц, от опасных превратностей феномена. Поближе к спецам, к медицинским светилам Марса и Земли. Которые, разумеется, понятия не имеют о подобных поражениях. Но то Войтюк. А я?

А я должна оставаться здесь, пока не выведаю у феномена, как быть с Димой. Это-то мне по крайней мере ясно. А что еще? Вот и все, пожалуй.

Разумеется, я ждала наитий, а они не являлись. Упорно не являлись. Понятно — прежде надо овладеть материалом. Разобраться во всем — насколько позволяют обстоятельства. Да, мы разные, мужчины и женщины, но не настолько же, чтобы женщины отгадывали грядущее как сивиллы, — надышавшись просочившихся из недр земли пьянящих газов! Владеть материалом — это объединяет нас с мужчинами. Это наш общий недостаток... или достоинство? Только дальше они курят трубку и ломают голову до победного конца. А мы? Ложимся спать и ждем озарения?

«Милый, закрой форточку, на улице холодно». — «Думаешь, если я закрою форточку, на улице потеплеет?» Мужская логика...

Ну хорошо, я пойду к бабе и позову их: «Здравствуйте, друзья, отзовитесь!» Они отзовуться — и что же? «Вы неосторожно поступили с нашими товарищами, посоветуйте, как их теперь лечить!» Чепуха, сказал бы Дима. Но ведь я могу и в любви им объясниться, совершенно искренне: «Скажите, что я должна сделать, и я буду любить вас, я готова всех вас обнять — шестиногих, моллюскообразных, кристаллических и склизких! Я люблю вас, верю в вас, вы же добрые, милые, великодушные...» Нет, не то, не то...

И я легла спать. Просто меня усталость свалила. Но долго не могла заснуть. И все крутилась в голове мысль: как же так, я нашла ключ, а ничего предпринять не могу?

И вдруг я уснула. То есть я контролировала себя, но поняла, что уснула, потому что увидела сон. Вернее, клочок

сна. Будто Эвелин... ох уж эта Эвелин, и чего прицепилась?.. выбросила что-то в открытое окно нашего деревянного домика на берегу Байкала. Куда-то на грядки с луком и редиской, которые выхаживала сестра Димы. «Зачем ты выбросила ключ?» — закричала я, готовая наброситься на Эвелин. А она обезоруживающе расхохоталась мне в лицо.

И тут я поняла: не нужен мне этот ключ. Эта универсальная отмычка к зарницам. Не о чем мне с ними беседовать. Я не официальное лицо. Частное. Если вступлю в контакт, не исключено, придется Войтюку и меня выручать. Мне бы пошептаться по секрету с кем-то из них. С какой-нибудь женщиной, если только эти голубые — женщины. Так сказать, с глазу на глаз...

Я вскочила с постели, но свет включать не стала. Фальшокна едва заметно фосфоресцировали. Я села в кресло и схватилась за голову.

Ой, пичужка, как же ты главного не поняла? Ведь решение само тебе в руки дается. Ну зачем же еще пытаются они вступить в контакт, если видят, как тяжко дается он этим пришельцам — людям? Разумные и гуманные, они не стали бы калечить наших ребят без крайней надобности. Да они сами нуждаются в помощи! Они чудом уцепились за этот астероид... как спасательный плотик... может быть, несколько тысяч душ... а может, всего несколько женщин... и теперь, тщетно прождав миллионы лет, боятся упустить шанс, пробуют заговорить, чтобы, убедившись, что их понимают, попросить: «Спасите!»

«Спасите!» Я точно услышала этот вопль, с трудом пробившийся сквозь рев моря и вой ветра. И лишь потом увидела утлый плотик вроде того, на котором в молодости сплавлялась с Димой. Наспех скрепленные бревна ходили ходуном. Через плот то и дело перекатывались волны. Через плот и через иссохшие руки, намертво вцепившиеся в бревна, через запрокинутые к небу изможденные лица, через широко раскрытые голубые глаза нескольких обезумевших женщин...

Я зажгла свет.

Значит, когда я им скажу «Здравствуйте, друзья!» — зарницы ответят: «Спасите нас!» И что дальше? Я передам это Броде. Брода на Землю, соберут Всемирный Совет. Будут заседать, дискутировать, говорить длинные речи. Подымется шум на весь мир. А спасти их мы все равно не сможем — и пропал мой контакт. Ни за грош пропал — ни мне пользы, ни им!

Нет, погоди, пичужка, это не твое решение, это решение Войтюка. А ты должна отколоть нечто такое, что никогда не придет в голову мужчине. Да, да, поплакаться им в жилетку. И самой попросить помощь... У них же!

Господи, какая бабья дурь!

Ну, почему же? Клин клином...

Я выскочила из шахты и впрыгнула в вездеход. К бабе вела накатанная колея. Лишь в пути я сообразила, что не проинформировала Центр. В точности как Дима. Ничего, сообщу, когда вернусь. Я и мысли не допускала, что могу не вернуться, — настолько уверовала в себя. И в них.

Баба оказалась гигантская. Я думала, она значительно меньше. Представляю, как Шарль увидел ее впервые. Какой испытал шок. Я коснулась шершавого камня рукой и тихонько окликнула, адресуясь туда, в нагромождение гор: «Сестренка, отзовись!»

Над черным гребнем скал слабо мелькнуло прозрачное голубое полотнище, затрепетало, как-то конвульсивно сжалось — и растаяло. Вроде даже со стоном.

Мне представилось, там такая же женщина, как я, — одна, беспомощная, растерянная, потерявшая всякие надежды на чью-то поддержку. Может быть, с промерзшими на этой звездной стуже детишками. И я пожалела ее. Натурально, по-земному. До жжения в глазах. Обычной бабьей жалостью. Которая, наверное, и есть опора любви.

Над скалами взметнулся голубой протуберанец, вознесся к звездам и опал, прижался к гребню гор и пополз по нему медлительной мерзкой тварью — не то ящерицей, не то сороконожкой. Я едва сумела преодолеть легкую тошноту неприятия. Меня поддерживала лишь какая-то подспудная, тайная мысль о Диме. И я прошептала:

«Сестренка! Я понимаю тебя. Сочувствую. Но сейчас умоляю: помоги, Дима в опасности!»

И тотчас услышала.... Нет, конечно, не услышала. Но это четко раздалось у меня в голове. И я поняла — она отвечает:

«Не бойся. С тобой ничего не случится. Даю микродозу. Извини. Мы ошиблись. В вас развито чувство братства. Но вы еще дети. Мы напрасно надеялись. Извини».

И все. Голубое полыхнуло — и растаяло.

«Сестренка! — закричала я во весь голос. — Сестренка, миленькая, куда же ты? С Димой, с Димой плохо! Посоветуй же, что делать! Помоги мне!»

Снова возникло над скалами голубое свечение, очень слабое — сквозь него даже звезды просвечивали. На этот

раз я так обрадовалась ей, как можно обрадоваться лишь родному существу.

«Мы ошиблись. Вы не готовы говорить с нами. Вы не готовы. Мы ошиблись. Вы еще дети. Извини. Прощай!»

Этс был голос Шарля — с его забавным акцентом. Был... Над гребнем не осталось ни одного голубого пятнышка. Я заплакала. Все мои надежды рухнули — она не слышит меня. А может, и сама уже не имела ни сил, ни воли помочь мне. Я жалела ее, жалела себя и кричала в пустое небо, не кому-то кричала, а так, в пространство, как кричит женщина, навек теряя любимого:

«Куда же ты, сестренка? Погоди, выслушай! Неужели ты не поможешь мне? С Димой, с моим любимым человеком, беда! Он хороший, Дима, он самый лучший. Понимаешь, раньше я была влюблена. Теперь я знаю все его недостатки, все слабости — и все равно: он самый лучший из людей. Единственный! Я люблю его! Неужели ты не понимаешь, что это такое?»

На этот раз пламя не взметнулось над горизонтом, лишь чья-то тупоносая иссиня-фиолетовая морда высунулась из-за скалы и взмахнула не то щупальцем, не то усом, не то хвостом. И как бы прошептала, таясь:

«Не бойся. Это говорит Яакко. Привези его. И оставь здесь. Сама укройся там. У себя. Внизу. Не бойся. Я сама. Нет, хуже не будет. Нет, с тем уже поздно. С другим. Слишком поздно. С тем. Извини. Мы не рассчитали. Вы еще дети. Привези. Мы просим нас извинить. Не плачь, сестренка».

Это опять голос Шарля. И сильно смахивало на то, будто я сама себя утешаю, забавно и неумело передразнивая Шарля. Вообще я была в каком-то трансе, так что едва ли полностью могу судить о том, что происходило. Да и отвечать за свои поступки и слова. Но одно я знала наверняка: привезти сюда Диму, еще раз подставить под пульсацию? — да никогда! Ни за что!

И вдруг это существо во весь рост поднялось над горами. Оно было бесформенно, ни на что не похоже — но показалось мне прекрасным. Голову даю на отсечение: это была женщина. Все еще полная сил и надежд на будущее — но с глазами грустными и отчаявшимися. Во всяком случае, так мне представилось. Она помахала мне рукой и сказала:

«Не бойся, сестра. Мы вернем его тебе. Истинно».

Это был голос Димы!

Зарницы погасли. Больше ничего не было. Я поехала за ним.

7

С тех пор минул год.

После длительного лечебно-восстановительного курса на Земле Дима окреп и теперь, на мой взгляд, совершенно здоров. Разумеется, с точки зрения нашей земной медицины. Во всяком случае, сверхпридирчивая московская комиссия не обнаружила у него никаких отклонений и оставила в Космофлоте. О чем он страстно мечтал.

Положенный нам двухмесячный отпуск мы провели на Байкале с Вовкой. Облазили, кажется, все сколько-нибудь стоящие вершины Хамар-Дабана и сплавились по двум десяткам этих ужасных горных речек, питались рыбой и грибами, которые уже не лезут мне в горло, и ночевали в холодных палатках. Вовка, разумеется, в восторге. Дима, как мне кажется, полностью восстановился психически. А я... я тоже начала отходить понемногу, иногда даже забываю обо всем, но едва гляну на Диму... Он ведь стал совсем седой, и друзья в шутку называют его «белым медведем».

Сейчас наш бивак расположен на берегу шумливой горной речушки. Я встала до солнца и пеку на плоском камне хлеб, точнее, лепешку, которой нам хватит на день. Дрова за ночь отсырели, костер едва горит, я так и не научилась толком распалять костры. Живем мы вполне по-дикарски, у меня даже шампунь давно кончился, вот уж сколько дней не могу промыть волосы. Дима и Вовка еще дают храпака в палатке — пора будить. Хватит лодырничать, приехали в Саяны — занимайтесь своей рыбалкой и плотами, осталось всего три дня. Наутро четвертого за нами приедет вертолет.

Что касается меня, то я с удовольствием просидела бы эти два месяца дома, то есть в избушке у Байкала. Ну, ходили бы на берег моря, за грибами, под парусом прогулялись бы. Признаться, меня до дрожи, до заикания пугают эти порожистые речки, эти трещащие под ногами плоты, весь этот горноводный спорт — по-моему, нет на свете ничего опаснее. Я и вообще-то трусиха, сама удивляюсь, как рискнула тогда с Димой... Как ухитрилась выдержать «экзамен». Одно слово — молодость... Теперь я плыву ни жива ни мертва от страха, чаще всего — зажмурив глаза. Удивительно, что ни Дима, ни Вовка этого даже не замечают и считают меня самой отважной на свете женщиной. Но ра-

ди вас я все вытерплю, милые мои мужчины...

Над горами поднялось солнце. Противоположный берег ожил, засеребрился. На зеленоватой глади «священного моря» тут и там возникли голубые полосы.

Голубые...

После «облучения» голубыми зарницами Дима сразу пошел на поправку, уже в вездеходе открыл глаза — и увидел меня. Это его нисколько не удивило, он почему-то решил, что уже вернулся на Марс. Все связанное с зарницами, начиная с того момента, когда Шарль вышел из салона, он напрочь забыл. Уже на Марсе я рассказала ему всю эпопею, дала прослушать «исповедь». Он отнесся к моему рассказу с любопытством, но недоверчиво, высказал предположение, что это коллективные галлюцинации под воздействием какого-то неведомого фактора. Потом, конечно, поверил, но как-то уж слишком умозрительно. Я его понимаю: как же мог исчезнуть из памяти этакий мощный пласт? Порой мне кажется, он только делает вид, что верит, — чтобы не обидеть меня. А иногда основательно задумывается — достучаться до него в такие дни просто невозможно...

И все-таки Дима сознает, что он единственный человек, который знал все. Знал, да забыл. Человек Контакта. Может быть, в глубине души он чувствует себя виноватым в чем-то перед кем-то. Не перед фаэтонцами ли? Не обещал ли он им помощь? Но кроме этих приступов задумчивости он абсолютно нормальный человек.

В науке с тех пор произошли некоторые благотворные сдвиги. К гипотезе контакта стали относиться с большим уважением, по крайней мере, разведку Пояса приостановили, а затем разработали новую долгосрочную программу. На днях ее должен рассматривать Объединенный Совет. «Биологические откровения» Герда Лаубе признаны несостоятельными и антинаучными, поскольку противоречат каким-то фундаментальным «законам природы». Теорема же Герлиха о «вывернутом» пространстве принята. Говорят, в скором времени она перевернет все наши представления о Вселенной. Но пока не перевернула.

На Язоне работала большая комплексная экспедиция. Каждый вечер они там по очереди садились возле бабы и на все лады начинали звать «товарищей», «друзей» и «сестер» — наука не признает фактов, не повторенных в эксперименте, — но, разумеется, ни голубые, ни фиолетовые, ни серо-буро-малиновые не откликнулись. Естественно, вывод: на Язоне не обнаружено никаких признаков жизни. «И ни-

когда не обаружили бы без вас, милая Вера Семеновна», — сказал мне Вацлав Брода. Я тоже так думаю. Каменную бабу, виновницу всех бед, исследовали сверхтщательно. Оказалось, ей более шести миллионов лет и высечена она не на Язоне, там и породы такие отсутствуют. Может быть, на Фаэтоне еще до взрыва. Ее оставили лежать, где лежала. А вопрос оставили открытым. И правильно сделали.

Возможно, через сотни лет они снова попробуют заговорить с нами, эти голубые зарницы. Потому что положение у них, похоже, безвыходное. Но уже не с нами — с людьми поумневшими и более подготовленными к встрече с чудом — с разумом иных миров.

Когда Вацлав Брода приехал навестить Диму в госпитале, мы долго сидели со стариком в парке, беседовали. Сначала он отвечал уклончиво: «Видите ли, Вера Семеновна, это могло быть просто облучение, какое-то неизвестное нам облучение, вызвавшее коллективные галлюцинации и мозговой шок». — «А как же тогда он вылечился?» — спросила я прямо. — «Случайно, — ответил Брода, глядя в сторону. — Совершенно случайно как раз в этот момент происходило излучение, так сказать, с обратным знаком. Во всяком случае, к этому склоняются ученые мужи. Пока не исчерпали все «естественные» объяснения, мы не можем принять «искусственные», Вера Семеновна. Таковы незыблемые скрижали науки, тут уж ничего не поделаешь».

Он был явно огорчен чем-то, и я поняла: единоличное решение о посылке на Язон врача Веры Хлебниковой ему не простили. Мудрое интуитивное решение, спасшее Диму...

Тогда я напомнила ему о разговоре с голубой женщиной и попросила высказать его личное мнение. «Личное? — переспросил он. — Я больше, чем кто бы то ни было, склонен верить вам, Вера Семеновна. Однако мое мнение теперь не в счет. Ухожу в отставку, буду у себя в Нитре розы разводить. Давняя мечта. Возраст, знаете ли... Что же касается женщины... голубой женщины... Слишком уж по-земному: доверительный разговор двух женщин... Хотя есть тут нечто, какое-то знаменательное совпадение неведомых нам обстоятельств... В том смысле знаменательное, что доверие и доброта пробьются сквозь любые стены... стены непонимания. Которые не взорвать никакой взрывчаткой... — Он помолчал, понимая, что говорит и общевато, и темновато, улыбнулся своей покоряющей детской улыбкой — и вдруг высказался прямо и веско, как там, в ротонде, когда решалась наша с Димой судьба: — В одном я

уверен на все сто. Мы должны жить в сознании, что это произойдет завтра утром».

С ревом и гиканьем выскочили из палатки мои засони и вприпрыжку помчались к речке — купаться в ледяной воде. Я сняла с огня лепешку и накрыла полотенцем — пусть «отдыхает». Все-таки подгорела с одной стороны. Бросила заварку в кипящий котелок. Достала из дорожного холодильника копченую свиную ножку — аппетит у нас у всех троих отменный. Расстелила салфетку на траве.

Они вернулись присмиревшие, синие, у Вовки зуб на зуб не попадал. Оба разом ткнулись мне в щеки ледяными носами:

— Доброе утро, пичужка!

— Привет, кормилица ты наша!

— Не подлизывайтесь, не подлизывайтесь, засони! — пристыдила я их. — Где ваш утренний улов?

Но они уже не слушали меня. Дима охотничьим ножом пластал окорок, а Вовка жевал так, что за ушами пищало.

Боже, как хорошо жить на свете!..

Да, я забыла одну деталь.

Накануне старта с Язона, когда Диме стало явно лучше, я вернулась туда, к статуе. И позвала «сестру». Над горизонтом слабо полыхнуло голубым. Я сказала: «Спасибо тебе, милая!» — и по-бабьи всплакнула.

В ответ над скалами поднялась та самая женщина и прощально махнула мне рукой. Грустный женский голос сказал:

«Прощай, пичужка! И будь счастлива. Со своим Димой. На своей Земле».

Не сразу сообразила я, что это был мой собственный голос. Женщина протянула ко мне руки, призывно протянула, умоляюще... И тут на миг я забыла все: себя, Диму, Вовку, Землю и все на свете. Я готова была броситься ей на помощь, сломать шею, но выручить ее из беды. Как она выручила меня. Но в следующий миг голубое видение растаяло.

Вот и все.

Анатолий Сирин

ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

История Иркутска таит в себе немало выдающихся событий, находящихся по различным причинам в безвестности. Они пребывают как бы под спудом и ждут своего урочного часа, чтобы обнаружить свою нетленность и судьбоносную роль в становлении и развитии нашего края.

Говоря о истоках культуры и просвещения Восточной Сибири, редко кто перейдет границу XIX века, разве только для того, чтобы упомянуть имя Радищева, находившегося некоторое время в Илимской ссылке. Обычно это связывают с просветительской деятельностью декабристов и последующих поколений ссыльных революционеров. Отдавая должное их культурному влиянию, не следует забывать, что семена просвещения в нашем крае были посеяны задолго до них. Имена этих сеятелей, увы, позабыты. Позабыт и позаброшен в их числе и некогда знаменитый Иркутский Свято-Иннокентьевский монастырь — один из родоначальников культуры края, первый очаг просвещения в Иркутске.

Чем же объяснить, что на протяжении более семидесяти лет деятельность монастыря на ниве народного просвещения не только замалчивалась, но и жестоко поносилась нашими местными и общесоюзными историками, писателями, культурологами? Что заставляло их охаивать монастырь не только пером, но и буквально вырубить его топором?

Никто никого насильно не заставлял и не принуждал искажать факты или сознательно их утаивать в угоду той или иной идеологической установке. Тем более никто никого не уполномачивал на беспардонную брань в отношении тех, кто на самом деле заслуживал признательности и благодарности. Честные люди сторонились этой темы, зная, что честно сказать о ней в условиях жестких идеологических и политических установок и невозможно, и очень опасно. Говорили и писали, извращая факты в угоду сильным мира сего, те, кто сознательно шел вразрез со своей совестью, кто жаждал популярности во что бы то ни стало.

Итог оказался плачевным: величайшие и бесценные исторические богатства монастыря, уникальные, неповторимые памятники сибирской истории были разграблены, а сам монастырь в буквальном смысле стерт с лица земли. Вместе с ним попытались разрушить и развеять по ветру и саму память о нем, о его культурной и просветительской работе. И надо сказать, достигли по этой части немалого. Но сломать храм или распилить на дрова иконостас еще не означает окончательного вытравления памяти о былом. Народная память никогда не смирится с ее окончательным забвением. В конце концов через отдельных своих носителей она остается неповрежденной. Не канет в Лету и память о Вознесенской обители, так много сделавшей для просвещения населения нашего Иркутского края.

Еще сегодня можно найти людей, видевших и посещавших эту древнюю обитель, на левом берегу Ангары, в 3-х верстах от центра города.

Уже само место, на котором стоял монастырь, завораживало красотой. У самого подножия его восточной стены энергично катила игривые прозрачно-зеленые воды Байкала широкая величественная Ангара. Среди быстротекущих вод виднелось множество бархатно-зеленых островов, напоминавших о том, что и в самой текучести и переменчивости пребывает постоянство и спасительная твердь. С высокого монастырского холма видны были зеленеющие долины, цепи голубоватых гор, стремительно убегавших вместе с рекой на северо-запад.

Великолепие природного ландшафта дополнялось здесь и обогащалось рукотворной красотой, созданной талантом и упорным трудом многих поколений людей, возводивших Сибирскую Фиваиду на протяжении более двух с половиной столетий.

Взору подъезжавшего со стороны запада под Иркутск по знаменитому московскому тракту открывалась величественная панорама монастыря. Раньше всего бросалась в глаза трехъярусная колокольня — одна из самых высоких и красивейших во всей Сибири. Всех колоколов на ней было тринадцать. Самый большой весил 1357 пудов и 35 фунтов. Он был отлит в Иркутске в 1875 году на средства Юлии Ивановны Базановой, основавшей вместе со своим мужем в те же годы Иркутскую детскую больницу, счастливо существующую и по сей день. Стоил этот колокол по тем временам 30 тысяч рублей золотом. Среди этих тринадцати колоколов особым «малиновым» звоном отличался «серебряный», как его называли, колокол, отлитый в Москве 25 апреля 1764 года на заводе Дмитрия Пиратова. На колокольне были установлены башенные часы, купленные в самом начале XIX века настоятелем монастыря и ректором духовной семинарии архимандритом Иакинфом, будущим знаменитым синологом, действительным членом Российской Академии наук.

Монастырь был обнесен высокой кирпичной оградой. Высота

стен превышала две сажени, а общая их длина в виде неправильного четырехугольника составляла более полверсты. Каждая сторона имела свои ворота. Над главными, западными, возвышалась изящная Сретенская церковь, выстроенная в готическом стиле, и надвратная колокольня, один из колоколов которой весил 1500 пудов. Купола и кресты были вызолочены червонным золотом.

Центром этого грандиозного, величественного ансамбля был Вознесенский собор.

Собор перестраивался трижды. Сначала это была небольшая деревянная церковь, построенная в 1672 году старцем Герасимом — основателем монастыря.

Как свидетельствует Иркутская летопись, старец Герасим вместе с боярским сыном Иваном Максимовым через 15 лет после возведения Иркутского острога испросил разрешения у тогдашнего Тобольского митрополита, духовно окормлявшего в то время весь сибирский край, построить монастырь на берегу Ангары, недалеко от впадения в нее Иркута. В разрешительной грамоте митрополита Корнилия по этому поводу говорилось буквально следующее: «В Иркутском остроге по край Ангары реки построить монастырь и церковь воздвигнуть во имя Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да в приделе Пресвятыя Богородицы Одигитрии, да ево б, строителя старца Герасима, жаловать и во всем слушать и никакой обиды ему, старцу Герасиму, ни в чем ни чинить».

О Иване Максимове иркутянам кое-что известно. Во всяком случае, имя его часто упоминается, когда речь заходит об основании города Иркутска. Оно увековечено и в названии ныне существующей недалеко от города деревни Максимовщины. Но тщетно искать в работах наших иркутских историков даже упоминания имени старца Герасима — основателя первого в Иркутске духовного центра. Между тем имя этого замечательного человека произносилось среди иркутян (да и далеко за пределами Иркутска) с величайшим уважением, любовью и почтительностью. Предание сохранило образ первостроителя Иркутска. Это был одухотворенный, величественного вида, «постный и благоговейный» старец.

В 1802 году во время строительства монастырской стены иркутский купец Чупалов Н. С. обнаружил гроб старца, над которым соорудил каменную часовню. На верху часовни размещался монастырский архив, внизу находился склеп, вход в который был оформлен художественно выполненной дверью, а на могилу положена каменная плита, надпись на которой гласила: «1676, генваря 20 дня преставился сего Вознесенского монастыря первый строитель схимонах Герасим».

Но вернемся к описанию Вознесенского собора. Как уже сказано, он неоднократно перестраивался. В последний раз в 1860—1870 годах. Это был величественный пятиглавый храм, имевший два придела: правый во имя Святителя Иннокентия и левый, посвященный святителю Тихону, Задонско-

му чудотворцу. Под полом располагалась церковь преподобных Антония и Феодосия киево-печерских. Великолепие и богатство этого уникального храма поражало воображение. Наиболее ценным по своей древности и художественному исполнению был главный иконостас собора. Иконостас имел четыре става (ряда) пирамидальной формы, выполненный в коринфском стиле и вызолоченный на полимент.

В первом ставе были помещены две главные иконы храма: Вознесения и Рождества Богородицы одинакового размера и в равной мере отличавшиеся изяществом и высотой иконописного исполнения. Обе они были заключены в уникальные по богатству и красоте оклады из чистого кованого золота. Венцы на Спасителе, Богоматери и ангелах были украшены, сверх того, тонким серебряным кружевом. В общей сложности в ризах обеих икон содержалось более 45 фунтов золота и насчитывалось 3385 (!) драгоценных резных камней и бриллиантов. Очевидцы рассказывают, что при мерцании горящих свечей изображенные на иконах лики Христа, Богоматери и ангелов в лучах многоцветного «загадочного» сияния драгоценных камней, золота и серебра вызывали необыкновенно сильное душевное волнение и трепет.

Не менее впечатляла настенная живопись, выполненная сибирскими мастерами. Южная и северная стены храма были расписаны картинами, изображавшими ветхозаветные и новозаветные библейские события. Сильное впечатление оставляли фрески, особенно одна из них, изображавшая прекрасные лица трех христианских мучениц Веры с крестом, Надежды с якорем, Любови с пламенным сердцем. Настенная живопись дополнялась замечательными картинами в богатых золотых рамах. Вы

делялись картины «Вход Спаса Иисуса Христа в Иерусалим» и «Изгнание из храма продающих и покупающих», размещавшиеся по правую и левую сторонам входа в собор.

Но самой дорогой святыней, притягательным центром всего внутреннего устройства собора были «цельбоносные» мощи Святителя Иннокентия. Они были одеты в мантию из черной травчатой материи, в митру, шитую золотом и украшенную жемчугом, дорогими камнями по зеленому бархату, в омофор, епитрахиль и поручи из дорогой парчи. Мощи были положены в кипарисовый гроб, который в свою очередь был поставлен в раку (гробницу), изготовленную из чистого серебра весом в пять пудов в 1808 году московскими ювелирами и художниками. Рака была украшена вызолоченными гирляндами и медальонами и пятью золотыми клеймами, на которых черневыми буквами была начертана краткая биография Святителя. На крышке гробницы во всю ее длину помещался среброкованый и вызолоченный образ Святителя Иннокентия, выполненный на средства иркутского купца Мыльникова в том же 1808 году московскими мастерами.

Над ракой простирался великолепный балдахин Коринфского ордена, сделанный в начале XIX века неизвестными московскими мастерами на деньги, пожертвованные иркутскими и кяхтинскими купцами по проекту иркутского архитектора Васильева. Амвон балдахина был обит пунцовым венецианским бархатом, обложенный широким золотым позументом и опоясанный прекрасною вызолоченною на полимент решеткой. Бархат и позумент принесен был в дар кяхтинским купцом Д. Д. Протопоповым.

С амвона по углам возвышались восемь беломраморных колонн с вызолоченными вазами и капителями, поддерживавшими на своих главах величественную арку. Внутренность арки была украшена 72 херувимами, а на куполе ее сиял золотой резной ангел, левой рукой опираясь на скрижали закона, а правой, поднятой к небу, державший крест. Внутри балдахина в резной раме была помещена картина московских художников «Тайная вечеря», а над ней в натуральном виде висела изготовленная искусными ювелирами золотая чаша, копия нарисованной на картине, символизировавшая искупление. Дорогие чаша и картина были подарены монастырю супругами Басниными. Небольшой иконостас внутри балдахина был увешан дорогими лампадами, подаренными монастырю различными лицами, в том числе членами царской семьи. Среди них особенными художественными достоинствами отличалась серебряная лампада, подаренная цесаревичем Николаем во время его посещения монастыря в 1891 году. Тут же, перед мощами, стоял громадный подсвечник из чистого серебра весом в 8 пудов, пожертвованный в 1839 году К. Ф. Трапезниковым.

Теперь, пожалуй, время сказать или дать краткую справку о личности самого Святителя, удосто-

ившегося после смерти столь необычной чести и всеобщего почитания, особенно среди простого народа. Наши иркутские историки и атеисты до самого последнего времени изображали личность Иннокентия, первого епископа Иркутского, как ничем не примечательную личность, разве только отличавшуюся религиозным фанатизмом и скупостью. Именно с их легкой руки крайне тенденциозная и односторонняя оценка некогда прославленного человека, сыгравшего столь значительную роль в исторических судьбах Иркутска, восторжествовала и превратилась в мертвящую догму.

Иннокентий (Кульчицкий) был одним из замечательных деятелей петровской России. Он родился около 1680—1682 года в Черниговской губернии в семье потомственных священников православной церкви на Украине. О его раннем детстве сохранились лишь некоторые отрывочные сведения. Например, мы знаем, что его звали Иваном. И отец его был Иван. На страницах хранившейся в библиотеке Иркутской духовной семинарии книге, лично принадлежавшей Святителю, под № 727 имелась собственноручная его надпись: «Жрется агнец Божий за мирский живот. Ох! Помяни Господи, помяни Господи, Ивана, отца моего! Ох! Ох! Ох!» Надпись эта была сделана, как полагают исследователи, еще во время учебы в духовном училище, когда ему было не более 12 лет. Затем он учился в Киевской духовной академии, которую и окончил в 1706 году. Его учителями в Академии были Стефан Яворский, Дмитрий Ростовский, Феофан Прокопович. Самыми любимыми его предметами в академии были словесность и нравственная философия.

В 1708 году, через два года после окончания Академии, он был пострижен в монахи Киево-печерской лавры и наречен Иннокентием в честь преподобного Иннокентия Комельского, Вологодского чудотворца, умершего в 1521 году.

В 1710 году его бывший учитель Стефан Яворский, занимавший к тому времени пост местоблюстителя патриаршего престола, вызвал молодого монаха в Москву преподавать словесность в Славяно-греко-латинскую академию. Через четыре года он назначается префектом Академии и преподавателем философии и нравственного богословия. В 1719 году Иннокентий Кульчицкий по личному распоряжению Петра I был вызван в Петербург и назначен главным священником молодого русского военно-морского флота. Большую часть времени обер-капеллан флота пребывал в Ревеле, инспектируя военные корабли. Не раз ему приходилось встречаться и с самим царем, обратившим внимание на недюжинные способности ученого монаха, в особенности на его умение рассуждать на отвлеченные темы.

В это время русское правительство предприняло ряд крупных акций по укреплению и расширению экономических и политических связей с Китаем, установленных еще в XVII веке. В те же годы в Пекине была учреждена и

русская духовная миссия, счастливо просуществовавшая до 1918 года и вклад ее в укрепление культурных связей между Россией и Китаем еще ждет своей объективной оценки. Начало ее было положено весьма необычно. В конце XVII века китайцы отбили у русских крепость Албазин и увели в Пекин всех ее жителей (45 чел.), в том числе оказавшегося среди них одного священника. Пленных в Пекине на удивление встретили очень ласково, отвели им в конце города особую слободу и предоставили полную возможность отправлять свои религиозные обряды. Китайский богдыхан передал даже свою кумирню, которая была переоборудована в церковь-часовню и освящена во имя св. Софии. После смерти в 1720 году начальника миссии архимандрита Иллариона, весьма просвещенного и отлично знавшего китайский язык православного миссионера, возник вопрос о назначении нового руководителя миссии. Петр I остановил свой выбор на Иннокентии Кульчицком. Для придания большей значимости миссии царь решил возвести его в епископский сан.

Наречение и хиротония нового епископа состоялась в Петербурге в Троицком соборе Александро-Невской лавры в присутствии самого императора 5 марта 1721 года. Через год «великий господин епископ Переяславский Иннокентий» (так он был поименован в сопроводительной грамоте) со своей свитой в количестве 10 человек отбыл к месту службы в Пекин. Но там ему не суждено было побывать. Судьба распорядилась иначе.

До границы с Китаем делегация добиралась более года. Прибыв в Селенгинск, начальник духовной миссии получил извещение от китайского императора, что въезд его в Пекин является нежелательным по причине того, что «великим господином» в Китае называется Кутухта, второе после Далай-ламы лицо, и другого великого господина не надо.

Более пяти лет длилась переписка по поводу разрешения на въезд миссии в Китай. В конце концов, в январе 1727 года епископ Иннокентий указом царя и Синода назначается правящим архиереем только что открытой, второй в Сибири Иркутской епархии. В результате этих акций Восточная Сибирь вышла из-под духовной опеки Тобольской митрополии, получила самостоятельность, а ее кафедру занял видный деятель петровской эпохи, философ и богослов Иннокентий Кульчицкий.

Конечно, начатки просвещения в нашем городе были сделаны еще задолго до его приезда в Иркутск. Основанный старцем Герасимом в 1672 году Вознесенский монастырь, ставший, кстати, резиденцией и первого епископа, несмотря на частые пожары, заставлявшие начинать все сначала, возрастал, украшался, пополнялся многочисленными книгами богослужебного и светского содержания. Сюда поступали богатейшие вклады, начиная от царей и кончая простыми паломниками и богомольцами. Среди этих вкладов встречались выдающиеся работы мастеров жи-

вописи, резьбы по дереву, ювелиров.

Вот для примера характеристика одного из таких вкладов, сделанных Тобольским митрополитом Иоанном в 1712 году. Митрополит Иоанн послал в Иркутск одну из лучших тобольских икон Знамения Божией Матери — из Абалацкого, находившегося в 25 верстах от Тобольска, монастыря. Помимо своих художественных достоинств, икона считалась чудотворной и уже в силу этого представляла выдающуюся ценность. Характерна надпись, которая была сделана на иконе митрополитом Иоанном:

Грядет от Абалака Пресвятая Дева
В чудотворной иконе ко всем милостива.
Приносит в град Иркутский благословение,
Всем гражданам здравие, благ умножение.
Митрополит Тобольский Иоанн желает,
Молити Пречистую Деву не престает.
О, Всепетая Мати, сохрани град и люди.
Яко зеницу ока, всех живущих блюди,
Даруй всему гражданству премногие лета,
Сохраняй и покрывай от злого навета...

Впоследствии для этой знаменитой иконы, именуемой Абалацкой и считавшейся покровительницей города Иркутска, Константин Петрович Трапезников заказал оклад тончайшей ювелирной работы из чистого золота весом в 25 фунтов, на котором были скопированы чернью и вышеприведенные стихи митрополита Иоанна.

Монастыри и церкви на Руси были всегда своеобразными очагами культуры и просвещения простого народа. Церковная архитектура, живопись, старинные песнопения, вобравшие в себя прекрасные образцы музыкальной и художественной культуры Греции и Рима, Византии и Древней Руси, обогащенные вековым опытом народного творчества (в том числе и сибирского), красота обрядов, исполненных глубокого смысла, неприхотливость и простота устного слова о вековечных проблемах добра и зла, смерти и бессмертия, смысла жизни — все это было реальной, наглядной, живой школой, воспитывавшей русского человека на началах Красоты, Добра, Истины, делало его устойчивым к ложным ценностям жизни, закаляло духовно, вырабатывало иммунитет к бациллам зла и несправедливости. Вопреки ложному представлению о религии как антигуманной сфере общественной деятельности, она по существу призывает к высокому гуманизму, к горячей любви не только к Богу, но и к его подобию — человеку. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем творим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим». Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». «На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» — говорится в евангелии от Матфея.

И эти две заповеди не просто провозглашались, но являлись стержневыми во всех действах и таинствах церкви, в ее попечении

о судьбе человека от рождения до смерти.

Еще до приезда в Иркутск Иннокентия Кульчицкого монастырь жадно собирал в своих стенах все, что служило высоким целям просвещения и воспитания на заповедях любви и милосердия к человеку, на нравственных ценностях, завещанных предками. Монастырь необоримо хранил память о событиях прошлого, запечатлевал их не только летописно. Талантливые певцы находили здесь применение своему таланту, одаренные живописцы могли высказать свою одаренность в иконописных и храмовых росписях, предназначенных для всеобщего обозрения. Монастырь постепенно становился средоточием не только духовных, художественных и культурных ценностей, но энергичным собирателем богатой коллекции книг. Библиотека монастыря постоянно пополнялась печатными и рукописными книгами по самым различным отраслям знания. Именно здесь за три года до вступления в должность Иннокентия Кульчицкого была открыта первая в Иркутске и во всей Восточной Сибири мунгальская школа, в которой училось 35 детей местных священников и коренных жителей края — бурят.

Одним из первых актов, предпринятых епископом Иннокентием при вступлении в должность было открытие параллельно с монгольским, готовившим переводчиков монгольского и китайского языков, класса славянского языка. Школа стала называться русско-мунгальской, в которой помимо языков стали преподавать богословие, арифметику и риторику. Были приняты новые учителя, среди которых особенно выделялся Иван Павлович Норицын — первый иркутский учитель русского языка. Как было сказано в документе провинциальной канцелярии, «понеже он человек добрый, не пьяница и словесной грамоте доволен, с недобрыми людьми не знается и обязуется учить церковничьих и других чинов детей, сколько в школе соберется, добрым порядкам, чтоб было в твердости».

Сам епископ Иннокентий постоянно выступал перед учениками в качестве учителя и проповедника, вел утешительные беседы нравственного и богословского содержания, что дает основание причислить его к числу первых иркутских учителей, заложивших в нашем городе традиции нравственной философии и словесности.

Духовная школа, основанная в Иркутске в начале XVIII века и окрепшая благодаря энергичным усилиям Иннокентия Кульчицкого, за время своего почти 200-летнего существования подготовила тысячи людей, работавших на ниве народного просвещения. Среди ее выпускников было немало выдающихся деятелей русской и бурятской культуры: историк Ядринцев, археолог Сосновский, этнограф Виноградов, выдающийся бурятский просветитель Хангалов, крупнейший богослов и проповедник, просветитель Аляски митрополит Московский Иннокентий, причисленный уже в наше время Русской и Американской право-

славными церквами к лику святых. Среди преподавателей школы (впоследствии духовной семинарии) были крупные русские ученые: профессор Московского университета Дмитрий Потехин, выдающийся синолог, работы которого не потеряли своего значения и по сей день, академик Иакинф (Бичурин).

Сохранившиеся до наших дней отдельные высказывания Святителя Иннокентия отличаются глубоким проникновением в смысл бытия, диалектическим умением проводить антитезы и параллели нередко с помощью художественных приемов на конкретных примерах библейских персонажей «В мире сем все измена, ибо кто ныне живет, тот утре во гробе гниет; ныне здрав есть, яко Моисей, а поутру в великом недузе, яко Иов; ныне в чести и славе, а поутру в темнице и заключении; днесь о богатствах печется, яже не может сочести, якоже богач оный евангельский, а во утрии день единыя крупицы сячет, яко Лазарь, и не обретает; днесь на свободе, а утре в неволе; сегодня в радости, а утре в печали; днесь господствует и повелевает, утре издыхает и умирает».

Епископ Иннокентий был страстным пропагандистом трезвого образа жизни и грозным обличителем пьянства. Против пьянства он писал стихи, говорил проповеди, вел душеспасительные беседы.

Спившихся или умерших от невоздержания спиртного хоронили по его указанию, как самоубийц, вне кладбища, за городской чертой, без соблюдения христианских обрядов.

«Что мерзостнее пьяного человека?, — спрашивал святитель, — Хочет утаиться яко не пьян, а лежит яко мертв. Ничто же скавернее пьяницы из уст бо его смрад зол исходит, расслабление тела и самого себя невладение, из очей слезам источение, рукам дрожание. Пьяный много обещает, таин не соблюдает, разум и красоту погубляет, брань и прекословие, бесстыдство и в словах неудержание».

Вот еще образчик характеристики пьяного человека, изложенной в стихотворной форме:

В церковь приходит пьян,
Стоит аки истукан.
Устами позевает,
А очами насилу прозирает.
С ноги на ногу переступает.
Хребтом стены подпирает.

Грех пьянства повергает человека во тьму бесчестия. Красивого делает безобразным. «Сего ради достоит вам познатии свою честь и хранити ю яко зеницу ока, да свет не обратится в тьму и слава в бесчестие. Понеже бо всякая нечистота не точию сердце помрачает, но и видение лица погубляет» — говорил Святитель.

В 1731 году епископ Иннокентий умер. Он был похоронен в алтаре Тихвинской церкви.

Она была построена в 1691 году и, несмотря на многочисленные пожары, часто посещавшие монастырь, чудом уцелела до нашего времени, но затем по распоряжению Иркутских городских властей (в 30-х годах) сломана на дрова. Это было, пожалуй, единственное здание из дерева, сохранившееся в своей первозданности от XVII

столетия. Вот как описывает эту церковь в 1839 году настоятель монастыря и ректор Иркутской духовной семинарии архимандрит Никодим: «... По правую сторону к полудню от Вознесенской церкви стоит деревянная Тихвинская церковь длиною 10 сажен и один аршин и шириною 9,5 сажен в готическом вкусе. Воздвигнута в 1691 году старцем Исаей по благословению митрополита Тобольского и всея Сибири Павла. Церковь замечательна по своей древности и крепости толстых бревен. В 1783 году капитально отремонтирована, в 1809 году при архимандрите Аполлосе внутренние стены расписаны по холсту. В 1836 году поставлена на каменный фундамент, крыша покрыта ярью медянною... Иконостас о четырех ставах. Три современны самой церкви, нижний, поздний, украшен резьбой, вызолочен одинарным золотом... Образа старинной кисти. Вседержитель и Тихвинская Божья матерь в меднопозлащенных ризах, убрус на Богоматери из чистого жемчуга с камнями... Напротив на стене, в киоте за четырьмя стеклами, вещи святителя: жезл из черного дерева о пяти медных яблоках, епитрахиль парчовая с серебряными и шелковыми травами, полукруглая панагия с высеченными на камне изображениями Спасителя и разных святых, обделанная в серебро и вызолоченная, риза парчовая по красной земле с золотыми разводами и травами, воздух, покрывавший святителя в могиле из голубой камчатки, обложенный малиновым бархатом с черными разводами, с крестом посередине, камилавка черного бархата с креповым клобуком, в которой погребен был святитель, кожаные сандалии».

Увы, нет теперь ни священных реликвий, ни самой Тихвинской церкви, погибшей по злому умыслу фанатичных богоборцев, в считанные дни спаливших и рассыпавших исторические ценности, собиравшиеся веками.

Семена просвещения и культуры, посеянные в XVII и XVIII веках насельниками Вознесенского монастыря, дали богатые всходы. Монастырь рос и укреплялся, оказывая благотворное влияние на все стороны жизни Иркутского края.

В связи с повышением значимости монастыря в общественной жизни ему разрешено было иметь свой устав, состоящий главным образом из правил нравственно-благотворительного характера. Основная задача монахов, как было сказано в самом начале устава, заключалась в том, чтобы служить «притекающим в обитель». В год монастырь посещало более пяти тысяч странников, среди которых было немало отверженных, не имевших куска хлеба и крыши над головой.

В целях милосердия и благотворительности монастырь оказывал им посильную помощь: устраивал на ночлег, раздавал одежду, обеспечивал питание, укреплял духовно. «В обители, — говорили богомольцы, — всегда можно найти душевную отраду, пропитание и кров». Для своих собственных нужд, а также для нужд обездо-

ленных и бесприютных в монастыре были организованы различные хозяйственные службы: швейное, столярное, слесарное, сапожное, переплетное и другие производства. На монастырских землях получали богатые урожаи ржи, пшеницы, овса, гречихи, ячменя. Сенокосные луга давали обильные урожаи сена, отличавшегося широким набором трав, исключительно высоким качеством. Гордостью монастыря был его знаменитый огород. Особым спросом пользовалась монастырская капуста, которая шла не только на нужды монастыря, но и на продажу жителям Иркутска. Огород, ухоженный и удобренный трудами многих поколений иноков монастыря, был известен далеко за пределами Восточной Сибири. За советами по выращиванию овощей, за семенами капусты, редьки, моркови, репы в монастырь обращались из множества мест Сибири и даже из-за границы. Не имела себе равных в Сибири монастырская пасека.

Монастырь имел свою больницу, в которой лечились не только его насельники, но и страждущие богомольцы. Монастырская аптека отличалась богатым набором лекарственных средств, приготовленных по рецептам народной медицины, в том числе и старожилого населения Иркутского края.

Вот один случай лечения больного с помощью своеобразных средств, применявшихся в монастыре.

Духовный странник, прошедший тысячи верст по дорогам к святым местам, по пути из Киева в Иркутск на поклонение мощам Святителя Иннокентия, совершенно обезножел и был доставлен в ограду монастыря сердобольными людьми, где его положили в больницу. Старый инок монастыря, проходивший послушание в больнице, «набрал целый четверик разных тлевших костей — и скотских, и птичьих, и всяких. Перемыл да перебил их покрепче камнем и положил их в большую корчагу, закрыл крышкой, на которой была скважина, да и опрокинул во вкопанный в землю пустой горшок, а сверху корчагу толсто обмазал глиной и, обложивши костром дров, жег их с лишком сутки. На другой день откопал горшок из земли, в которой натекло из корчаги с полштофа густой жидкости, красноватой, маслянистой и сильно пахучей, как бы живым сырым мясом, а кости из черных и гнильных сделались перламутровыми. Натирал ноги по пять раз в день. Произошло чудо, отказавшиеся двигаться ноги под влиянием необычной мази совершенно исцелились».[1]

Для приезжавших и приходивших издалека богомольцев и странников за воротами монастыря в 1900 году была построена трехэтажная каменная гостиница[2], круглые сутки в любое время года был открыт странноприимный дом. Кроме того, монастырь на свои средства содержал Александ-

---

[1] Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Казань, 1884.

[2] Здание бывшей гостиницы можно видеть и теперь.

ровский приют, приют для арестантских детей, сиропитательный дом в городе Иркутске. В монастыре было расположено миссионерское училище, главным образом, для детей сирот и бурятских мальчиков, имевших хороший голос и слух. Это церковно-миссионерское училище за многие годы своего существования выпустило тысячи обученных грамоте детей, в том числе «множество детей бурят и тунгусов научились грамоте и воспитались в любви к отечеству». Учащиеся проживали в благоустроенном общежитии и содержались полностью за счет монастыря.

Вознесенский монастырь является зачинателем и основателем промышленного развития Иркутской губернии. Еще в 1706 году игумен Макарий основал соляный завод на том месте, где теперь стоит город Усолье-Сибирское. Правда, через несколько лет этот завод был отобран в казну, а монастырю выплачено за него 260 рублей. Однако в 1728 году соляный завод был возвращен своему прежнему хозяину. Монастырь имел свою кузницу, обширную квасоварню, в нем действовали водопровод и канализация.

Более 250 лет простоял Иркутский Вознесенский Свято-Иннокентьевский монастырь, храня и приумножая исторические и художественные сокровища, связывая многие поколения иркутян незримыми духовными нитями, общностью предметов поклонения, передававшихся из рода в род. За два с половиной века через ворота обители прошли сотни тысяч страждущих людей со всех концов Сибири (и не только Сибири), уповая на благодатную помощь монастыря, опираясь в своем молитвенном предстательстве на крепкую веру отцов.

Но наступали трудные и последние времена знаменитой обители. Первые симптомы будущих жестоких гонений на церковь появились уже в 1917 году. 18 апреля сгорели в Тихвинской церкви мощи Святителя Софрония (Кристаллинского), причисленного Всероссийским собором в 1918 году к лику святых Русской церкви. 30 апреля днем в монастырском скиту были зверски убиты иеромонахи Дамиан и Герасим, а также находившийся с ними молодой послушник Александр Сидоров.

В 1920 году в июле месяце Губернский революционный комитет поручает командиру 313 стрелкового полка 35-й дивизии Власову реквизировать всю мебель, принадлежащую монастырю и частным лицам, проживавшим на территории монастыря, «канцелярскую обстановку», стулья, кровати, матрацы, в том числе находившиеся в общежитии учеников-сирот монастырского миссионерского училища.

31 марта 1920 года по распоряжению начальника разведывательного отдела Иркутского Губчека А. Сперанского адьютанту Н. Грозину было приказано «немедленно с нарядом инструкторов и командой войск отбыть в Вознесенский монастырь, где произвести обыск скрытых складов оружия, литературы и ценностей,

проверку всех обнаруженных в момент обыска лиц, личное задержание всех лиц, уличенных в укрывательстве вышеназванного. Для этого производить все необходимые действия, не останавливаясь перед разрушением разных складов и сооружений».

В январе-феврале следующего года вообще все духовные учебные заведения в Иркутске были закрыты, преподаватели освобождены от занимаемых должностей, здания отобраны. Преподавательский корпус, оставшись без средств к существованию, обратился с прошением в губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в котором писал: «В конце января и текущем феврале Иркутские духовные учебные .заведения... с помощью вооруженной силы закрыты, взяты здания и школьное имущество. Загублены очаги религиозно-церковного образования и из них старейшая семинария, давшая за время своего существования столько славных имен и сотни деятелей на ниве народной. Преподаватели, десятилетиями отдававшие свой умственный труд на благо Отечества, оказались в нем бесприютными».

В 1920 году начались массовые аресты священников Иркутской епархии, в том числе и насельников Вознесенской обители. В марте того же года распоряжением Иркутской следственной комиссии был арестован настоятель монастыря епископ Зосима по обвинению в контрреволюционной деятельности и препровожден в тюрьму.

1-го февраля 1920 года в Вознесенском монастыре сразу были арестованы пять видных иерархов Сибири, приехавших в Иркутск на поклонение мощам Святителя Иннокентия и остановившихся в ограде монастыря. Среди них епископ Томский Антоний, епископ Барнаульский Гавриил, епископ Петропавловский Мефодий, епископ Березовский, викарий Тобольский епархии Иринарх. Вместе с ними были арестованы три монаха Вознесенской обители.

В 1921 году Иркутский губернский исполнительный комитет на основании телеграммы № 606-37 за подписью Калинина и Курского, в то время наркома юстиции РСФСР, распорядился изъять церковные ценности, принадлежавшие монастырю. Бесстрастное (и безграмотное) перечисление великого множества золотых, серебряных и вообще драгоценных вещей, предназначенных главным образом для выполнения культовых обрядов, которое мне довелось прочесть в архивах, поражает своим цинизмом и святотатством. Все драгоценные художественные и исторические ценности, находившиеся в монастырских церквах и богатейшей ризнице, были изъяты. В их числе и те знаменитые иконы с тысячами драгоценных камней, о которых говорилось выше, в том числе полное архиерейское облачение из золотой кованой парчи, пожертвованное в 1897 году Юлией Ивановной Базановой, несколько серебряных облачений, пожертвованных купцом Котельниковым, покрывало из богатейшей золотой парчи с большими золотыми кис-

тями, присланное в дар монастырю императором Александром I, старинное евангелие, с обеих сторон обложенное сребропозлащенными чеканными деками и украшенное разнообразными драгоценными камнями весом в один пуд тридцать четыре фунта, большой золотой крест с частицами многих святых, в том числе греческих, болгарских и сербских.

И в довершение ко всему по распоряжению председателя Иркутского губревкома Г. Шнейдера 11 января по старому стилю (24 января по новому григорианскому календарю) комиссией из представителей губернского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вместе с представителями духовенства и медицины были вскрыты мощи Святителя Иннокентия — главной святыни монастыря.

Настоятель, епископ Борис, обращаясь к духовенству и прихожанам монастыря, писал: «Вчера, 11 января по старому стилю, мощи Святителя Иннокентия вскрыты, облачение и одежды сняты, нетленное тело обнажено и оставлено в храме открытым. Церковь заперта. Богослужение прекращено. Монастырь и храм охраняются красноармейцами... Сегодня я вновь хлопочу перед председателем губревкома Шнейдером[1] о прекращении дальнейших надругательств над нашей святыней и о положении его в гробницу (раку). Верующие приглашаются усилить свои молитвы».

В адрес губревкома было направлено множество петиций верующих с тысячами подписей, в которых выражалась просьба оставить мощи Святителя на месте и дать возможность верующим совершать свои обряды в монастыре. Но тщетно. Мощи были увезены в неизвестном направлении. Потом была разрушена ограда, взорван Вознесенский собор, снесена колокольня, стерты с лица земли другие храмы, в том числе часовня основателя и первого строителя монастыря преподобного старца Герасима.

Живой и животворящий свидетель четвертьтысячелетней истории города Иркутска перестал существовать.

Как же могло случиться, что накапливаемая и оберегаемая многими поколениями живая память народа столь дерзко и безжалостно была пущена в распыл мнимыми ревнителями интересов народа?

Официальный ответ на этот «неприятный» вопрос был всегда лаконичным и всегда одним и тем же: этого, мол, сам революционный народ захотел. В порыве своих революционных чувств народные массы, мол, крушили и громили все старое, в том числе и старую культуру, порой, даже вопреки партийной власти.

Этот лукавый ответ вдвойне лукав: он призван, с одной стороны, реабилитировать организаторов и вдохновителей разгромов национальных святынь, а с другой —

---

[1] В 1920 г. Шнейдер одновременно являлся редактором краевой газеты «Власть труда».

списать свои грехи на счет народа. Архивные данные, с которыми мне довелось познакомиться, говорят как раз об обратном. Официальные власти оформляли «реквизицию», или самый настоящий грабеж, закамуфлированный идеологическими догмами, с помощью военной силы красноармейцев, ВЧК — ОГПУ. Всякое сопротивление беспощадно подавлялось. Паломники и прихожане монастырских церквей обращались с многочисленными петициями в адрес советских учреждений и карательных органов, но ответа на свои просьбы не получали. Больше того, самые активные из них подвергались гонениям, арестам и даже расстрелам.

Среди множества идеологических установок, сыгравших роковую роль в уничтожении и осквернении исторических ценностей, особой агрессивностью отличались крылатые высказывания: «Религия — опиум народа» и «Пролетариат не имеет своего отечества».

Проведение в жизнь этих общих установок к разным видам церковной деятельности происходило по-разному. Все, что возможно было сломать, спалить, рассыпать, крушили, предавали огню, бросали на ветер. Прекрасные здания, возведенные лучшими мастерами из лучших материалов, взрывали, разбивали ломами и кувалдами, деревянные храмы предавали огню. Святые иконы, перед которыми трогательно и слезно молились многие поколения верующих людей, выбрасывали на помойку, щипали на лучину, сжигали в огне. Именно в те годы была сложена крылатая частушка: «Тятька гонит самогон, чтоб запить кручину, Сын добрался до икон, щиплет на лучину».

Богослужебные книги, да и не только богослужебные, но всякие книги, в которых хотя бы в малой степени находила отражение религиозная тема, выбрасывали в мусорный ящик, сжигали на кострах. Сжигание на кострах неугодных книг, преследование за их хранение началось задолго до сталинских кострищ, в которых горела троцкистско-бухаринская литература. Именно в самом начале 20-х годов Вознесенская монастырская библиотека, в которой хранились списки древних китайских и монгольских книг, приобретенных в начале XVIII века святителем Иннокентием, была фактически уничтожена. Значительный ущерб был нанесен монастырскому архиву, который хранился в специально предназначенном для него помещении — в часовне над могилой старца Герасима. В 1921 году этот архив, в котором содержались подробные описания монастырских ценностей, несколько раз умышленно подвергался пожару, в результате значительная его часть сгорела, в том числе сгорели и упомянутые списки ценных вещей, хранившихся в монастырской ризнице.

Драгоценности монастыря, многие из которых представляли исключительную историческую и художественную ценность, по большей части были разворованы, увезены за границу, колокола разбиты, переплавлены на металл или перевезены в чужие страны.

То, что невозможно было разрушить, что составляло, так сказать, невидимую, нематериальную часть духовной культуры, выбивали из головы, вынимали из сердца с помощью строжайших запретов, нагнетания страха, мефистофельского осмеяния, жестокой критики. Малейшие попытки выразить несогласие с официальной догмой или даже сказать несколько слов в свое оправдание пресекались решительно и бескомпромиссно. Сейчас, наверное, уже не подсчитаешь, сколько десятков или даже сотен тысяч людей закончили свой жизненный путь за решеткой от голода или получили пулю в затылок только за то, что остались верны церкви и заявляли об этом открыто.

Задумываясь над поставленным выше вопросом, невольно приходишь к выводу, что основная вина за все эти разрушения, уничтожения, осквернения ложится на тех людей, кто в порыве своих революционных страстей, подхлестываемый романтикой социальных перемен, выдавал команды разрушить до основания старый мир, буквально поняв призыв партийного гимна, и на месте разрушенного построить мир новый, наш, такой, каким его нарисовало революционное воображение. Ради этой цели жертвовали всем, не считались ни с чем. Дьявольский азарт отрицания вызвал величайшие гонения на все прежде бывшее, на так называемую патриархальщину. Старое обрекалось уже в силу того, что оно старое. Чем древнее было его происхождение, чем дальше в глубь веков отодвигалось его начало, тем ненавистнее оно становилось для новых властей.

Как свидетельствуют исторические факты, в разрушении Вознесенского монастыря участвовала военная сила и часть гражданского населения, мобилизованного для этой цели вынужденно, принудительно, по приказу властей, невыполнение которого влекло суровое наказание. Конечно, среди них находились отдельные люди, так называемые активисты, действовавшие не по принуждению, а добровольно. Это люди, выпавшие из общего течения жизни, потерявшие связь с народом, безразлично или даже враждебно относились к его обычаям и традициям. Попытка взвалить на народ вину за происшедшее разрушение национальных святынь, о чем говорят и пишут и до сих пор, мягко говоря, — попытка с негодными средствами. На это можно ответить словами древней книги: «Горе пишущим, коли они лукавство пишут».

Возникает резонный вопрос, возможно ли восстановить разрушенную святыню, воссоздать ее былой образ? В самом общем виде ответ на него не вызывает сомнения: конечно возможно. Монастырь будет восстановлен! Но когда? Думается, что в настоящее время, сейчас, теперь для этого еще нет необходимых условий. Восстановление поверженной обители — дело более или менее отдаленного будущего. В настоящее время у нас нет не только материальных, но и духовно-нравственных сил совершить это много-

трудное дело. Нам недостает еще решимости и решительности сделать это. Мы еще не дозрели, еще не осознали в массовом нашем сознании необходимость восстановить поруганную справедливость.

Но то, что сегодня является абстрактной возможностью, завтра может стать реальной. И приблизить ее превращение, ускорить этот процесс — в наших силах. Самым первым актом в этом направлении может стать сбор денежных и других средств на возрождение монастыря. Народ откликнется на призыв о пожертвованиях. Откликнуться должны и городские и областные власти и финансовой и технической помощью, и помощью строительными материалами. Постепенно можно накопить достаточно средств для начала восстановительных работ, не ущемляя и не обременяя никого непосильными взносами. Другим не менее важным актом в деле подготовки восстановительных работ должен быть активный и целенаправленный сбор материалов, сведений, информации — всего того, что связано с историей, архитектурой, живописью, иконографией, укладом жизни и быта насельников монастыря, хозяйственной деятельностью. Всю многочисленную информацию о внешнем и внутреннем облике монастыря, все исторические и художественные сведения нужно соединить в одно целое, систематизировать и соответствующим образом классифицировать. Наконец, нужно собрать воедино, сделав предварительно самую подробную инвентаризацию, все счастливо сохранившиеся вещи, предметы культа, фрагменты украшений, богослужебные книги. Все сохранившиеся постройки, расположенные в ограде монастыря и находящиеся за ее пределами, но принадлежавшие монастырю, надо незамедлительно взять на учет обществу охраны памятников и местным советским учреждениям.

Руководство всеми восстановительными работами можно было бы поручить Иркутской епархии, для чего на территории бывшего монастыря создать реставрационный центр, восстановить сохранившуюся в сильно деформированном виде церковь, в которой теперь располагается клуб, и собрать под ее крышей все сохранившиеся до наших дней предметы, а также все имеющиеся сведения о монастыре. Здесь же можно расположить макет будущей восстановленной обители, в миниатюре показывающий не только ее внешний, но и детальный интерьер восстанавливаемых помещений. В церкви необходимо возродить церковную службу и постепенно, шаг за шагом, воссоздавать, восстанавливать, реконстуировать разрушенное и порушенное.

Насколько известно, мощи Святителя Иннокентия счастливо обнаружились в одном из городо страны. Они должны быть возвращены Иркутской церкви, как эт делается теперь повсеместно. Эт позволит помимо всего прочег привлечь дополнительные средст ва на восстановление обител Живой островок погибшего мона стыря будет постепенно расширят

ся, самовоспроизводится, и совершится великое чудо его воскрешения.

Прим. ред:

2 сентября прошедшего года мощи Святителя Иннокентия были благополучно возвращены в Иркутск. После молебна, при большом стечении прихожан и общественности они были установлены в Знаменском кафедральном соборе для всеобщего поклонения.

Память святителя Иннокентия празднуется 22 февраля и 9 декабря.

Молитва святителю Иннокентию Иркутскому чудотворцу

О великий Христов угодниче, Отче Иннокентий, услыши нас, Тебе молящихся. К тебе, Отче, ни от кого затворяемому, благоутробия сокровищу мы, присно своего духовного сокровища окрадываемые, вседушно притекаем: помози нам от обилия в тебе дарований Божиих.

Ты веси наши нужды, скорби и недуги сам бо слышиши о них воздыхания множество, много к Тебе притекающих, сего ради и мы к Тебе, яко к Отцу нашему, скорому помощнику и теплому молитвеннику притекающе, зовем: не остави нас Твоим у Бога ходатайством.

Мы присно заблуждаемся от пути спасения: руководи нас, милостивый нам наставниче. Мы зело убоги сотворихомя добрых дел: обогати нас, благоутробия сокровище. Мы присно наветуемы от врагов видимых и невидимых и озлобляемы: помози нам беспомощных заступниче. Гнев Божий, яко грозные тучи висят над главами нашими за наши беззакония, отврати от нас праведное Твое прещение своим ходатайством у престола Судии Бога, Ему же Ты предстоиши на небеси, Отче наш, Иерарше, архиереев похвало.

Услыши, молим Тя, великий Христов угодниче, и зде с молением Тебе предстоящие и вся, на всяком месте, Тебе с верою призывающие: и испроси молитвами Твоими у Отца небесного всем нам прощение грехов наших и от бед избавление. Ты бо еси свидетельствовавший бесчисленными чудесы помощник, заступник и молитвенник, и о тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ИРКУТСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

(ЛЕТОПИСИ П. И. ПЕЖЕМСКОГО и В. А. КРОТОВА)*

1805 г. Апрель. 1 числа снег покрыл землю на $^1/_4$ вершка толщиною. Сего же числа прибыл в Иркутск вновь определенный вице-губернатор Арсений Антонович Шишков.

11 числа. Р. Ангара вскрылась от льда, простояв под ним 106 дней; а 22 числа вскрылась от льда р. Иркут.

Май. В этом месяце со Спасской церкви снята деревянная крыша и начата покрываться железом. Также приступлено к росписанию красками внутри сей церкви. Все эти работы кончены в августе месяце.

Июня 5 числа начата постройка места для торжественных освящений воды, прямо алтаря Спасской церкви, на восьми каменных — кирпичных столбах под крышу.

12 числа начался обильный дождь, продолжался более суток, возвысил воду в Ангаре против уровня на три аршина и два вершка; при сем стоявший за Ангарою питейный дом подмыло и опрокинуло, который с тех пор там более возобновляем не был.

Июля 15 прибыл в Иркутск новый губернатор вместо Картвелина, Алексей Михайлович Корнилов.

Августа 5 прибыли в Сибирской линии в свиту графа Головкина 20 человек казаков и 43 человека драгун, при двух офицерах, которые 15 числа сего месяца отправились в Кяхту по кругобайкальской дороге.

14. Был первый иней, и сего же дня было в Иркутске землетрясение.

22. Строящийся в предместии Знаменского девичьего монастыря галиот «Посольство» сегодня торжественно спущен на воду, а 5 сентября он уведен на Байкал.

В этом месяце открыта типография и начато печатани

* Продолжение. Начало см. «Сибирь», №№ 4—6, 1989; 1—5 1990.

на двух станках, привезенных в Иркутск 1784 г.

Сентябрь. 3 числа прибыл в Иркутск, свиты графа Головкина, тайный советник Потоцкий по ученой части, а 7 числа сего месяца прибыл в Иркутск и сам чрезвычайный посол в Китай, действительный тайный советник Юрий Александрович Головкин, принят на квартиру в дом генерал-губернатора.

Цель этого посольства состояла, преимущественно, в том, чтобы исходатайствовать у китайского правительства право русским людям свободного плавания по реке Амуру, дабы с тамошними жителями вести свободную торговлю — посредством менки и сверх того, чтобы могли русские на своих судах рекою Амуром сплавлять товары, припасы и другие тяжести для снабжения Камчатского края и колоний наших в Америке, потому что путь этот положительно был известен: что он короче и удобнее пути через Якутск и Охотск, и чтобы русские могли устроить на устье р. Амура, или где там будет признано ими за удобное, магазины, для складки доставляемых тяжестей, которые своевременно могли быть отправляемы по назначению; также можно было бы иметь в Кантоне и других китайских городах агентов, а в самой столице Китая — дипломатического посла, а так равно, по всей границе, отделяющей Китай от России (Сибири), могла между тамошними жителями производиться меновая торговля. Но посольство это почему-то не удалось, и Летописи результат возвращения из Урги Головкина официально не известен, а говорили тогда, что Головкин по своему надменному и высокомерному характеру не сошелся с китайскими властями в Урге и объявил им, что он не подчинится обычаям китайцев, требовавших разных церемоний, особенно представления богдыхану с поклонами до земли и тому подобного, в чем он решительно якобы отказал, а потому и выехал обратно без успеха.

15 числа сего сентября Головкин дал Иркутскому дворянству и купечеству бал и ужин.

24 числа иркутский купец Николай Семенович Чупалов заложил собственным своим коштом дом каменный для гражданской больницы, оконченный в 1807 г.

26 граф Головкин со всею своею свитой выехал из Иркутска Забайкал, в назначенный ему путь.

Октября 16 покрылась льдом река Иркут, 10 порядочный снег дал было санную дорогу, но на третий день весь стаял.

27 открыт в Иркутске совестный суд, который Высочайше утвержден 22 апреля сего года.

Ноябрь. По падавшим снегам, в 1 число сего месяца установилась санная дорога.

12 по предписанию попечи-

7*

теля Казанского учебного округа, действительного статского советника Разумовского, сего дня, торжественно открыта в Иркутске гимназия. Открытие ознаменовано крестным ходом из собора к Тихвинской церкви, сопровождаемым преосвященным Вениамином с избранным Иркутским духовенством; а потом освящена и открыта гимназия в том доме, в котором и ныне (в 1861 г.) она находится. При открытии после молебствия говорили, в честь торжества, речи учителя: Бельщов, Флорианский и пастор Беккер.

Открытие это последовало вследствие преобразования всей учебной части в России по вновь составленному уставу, Высочайше конфирмованному 5 ноября прошлого 1804 г. В уставе этом сто семьдесят пунктов, из них, между прочими, сказано: — в 160: гимназии директор, учители, служители и здания содержатся по штатам, с дополнением от приказов; — 161: уездные училища содержатся от казны, с дополнением от городских обществ, по штатам; — 162: по городам приходские училища содержатся от городских обществ, в казенных селениях на иждивении прихожан, а в помещичьих — по распоряжению помещиков; 163: сумма, следующая от приказов, общества и селений, отпускается по третям года вперед, под расписки: в городах губернских — директоров, в уездных — смотрителей, а в селениях — начальника училища. Они ведут приходам и расходам книги; — 164: при гимназиях и училищах могут быть содержимы воспитанники на счет приказов, городовых обществ, селений и частных благотворителей; — 165: училищам быть поблизости церквей, или в середине города и селения, или по частям; — 166: присмотр за домами училищ и содержанием порядка поручается в губернском городе директору, в уездных — смотрителю, а в приходских ближайшему начальству и препоручают особо одному из учителей; — 167: сторожей — в гимназиях три, в прочих по одному; — 168: жалованье производить чинам и служителям училищ ежемесячно и снабжаются дровами, свечами и прочим; — 169: полугодовые и годовые счета о приходе и расходе от директоров отсылаются в университет; и 170: начальство училищ не иначе делает расход, как донося университету и на разрешение попечителей.

Штат для Иркутской губернии по учебной части.

На содержание Иркутской губернии гимназии ассигновано шесть тысяч шестьсот пятьдесят рублей, из них:

Жалованье директору 1000 р

» 4-м учителям по 750 р 3000 р

» 3-м учителям по 400 р 1200 р

» 1-му за рисование 300 р

На библиотеку 250 р.

На содержание служителей и прочее 900 р.

Итого: 6650 р. асс.

На содержание одного уездного училища Иркутской губернии назначено одна тысяча шестьсот рублей, из них:

Жалованье смотрителю 400 р.

« 2-м учителям по 300 руб. 600 р.

За наставление в законе 100 р.

На содержание дома и прочее 400 р.

Итого: 1600 р.

Всех уездных училищ назначено быть в Иркутской губернии пятнадцать.

* * *

22 числа пожар истребил два дома, в Тихвинском приходе — купца Ситникова, прежде бывший Ворошилова, с соседним домом, а кроме этих два дома еще разломано.

Декабря 21 генерал-губернатор Селифонтов выехал из Иркутска для обозрения Томской и Тобольской губерний.

31 числа губернатор Корнилов дал для всех сословий города бал, который в 12 часов, т. е. в полночь, ознаменован 16 пушечными выстрелами, для встречи нового 1806 г.

В настоящем 1805 г. открыты хлебные запасные магазины, в коих отпущено Иркутскому губернатору единовременно двести тысяч рублей.

1806 г. Января 6 было в первый раз торжественное освящение воды на вновь устроенном месте.

7 числа дан был вольный маскарад в пользу воспитательного дома, на который собралось посетителей до 300 особ обоего пола.

17 числа река Ангара при ясной погоде в 19 градусов мороза по Р. покрылась льдом, причем было большое возвышение воды, впрочем, без наводнения в городе.

21 числа дан второй маскарад для того же предмета.

Февраля 9 числа — третий маскарад.

Сего дня возвратился из Урги курьер от графа Головкина, подпоручик Вапелов, с извещением, что посол возвращается обратно в Кяхту. 21 числа секретарь посольства отбыл из Иркутска с донесениями в С.-Петербург. 25 возвратились в Иркутск драгуны и казаки, бывшие при свите графа. Также прибыли в Иркутск многие свитские чиновники, а 27 числа в 6 ч. вечера приехал обратно в Иркутск и граф Головкин. Многие чиновники из свиты графа страдали разными болезнями и преимущественно — горячкою.

28 числа по теплоте погоды стала портиться санная дорога, и сделалось течение воды по улицам.

Марта 1 числа был дождь.

Замечено, что этот первый и довольно ранний дождь последовал от близкого между собою прохождения планет: Юпитера с Луною, Венеры с Солнцем и Венеры с Меркурием. Получено разрешение, что на штатные расходы ассигновано на Иркутскую губернию 578 000 р.

24 числа приехал на службу в Иркутск вице-губернатором коллежский советник Николай Васильевич Семивский. Он написал «Новейшее повествование о Восточной Сибири». Книга эта напечатана по Высочайшему повелению 1817 г.

В этом месяце ректор Иркутской семинарии, архимандрит Иоакинф отрешен от должности с запрещением священнослужения и удалением в Тобольский Знаменский монастырь.

28 числа река Ангара вскрылась от льда, быв закрытою 69 дней.

Во время великого поста был особенно сухой воздух, породивший разные болезни, как то: обмороки, тошноту, судороги, и была в народе смертность.

В феврале и марте месяцах состояли в Иркутске цены за жизненные припасы: мука ржаная 70 к., пшеничная 90 к.; семя конопляное 4 р. 50 к., орехи кедровые 2 р. асс. за пуд. Овса мешок $1/2$ п. 1 р. 30 к., сена воз 2 р. 50 к. Табак самосадка 4 р. 50 к. пуд, а потом цена на хлеб стала возвышаться, преимущественно на ржаную муку. Цена возвысилась до 1 р. 50 к. и до 2 р. по случаю закупов в запасные магазины.

Апреля 1 числа — день св. Пасхи.

9 числа в 9 ч. 45 мин. утра последовал сильный удар землетрясения, с подземным шумом шедши с северо-запада. В 11 ч. 16 мин. того же утра удар землетрясения повторился, но был слабее первого.

14 числа получено известие о завоевании Ситхи (что в нашей Америке) г. Барановым.

Александр Андреевич Баранов родился в Каргополе в 1746 г. В 1780 г. он находился в Иркутске, управляя стеклянным заводом и пивоварнею, содержимыми компаниею купцов Василия Ивановича Ситникова и Алексея Евсеича Полевого; также занимался казенными порядками и доставками. В 1787 г. он избран в члены С. П. Б. Экономического общества. В 1788 г. дела его в Иркутске приняли другой оборот, и таковые же неудачи по торговле встретил он (1790 г.) в Якутске, а по бывшим делам его в Анадырке убит чукчами его приказчик. Баранов вступил в службу к купцу Шелехову, обеспечил содержанием жену и детей своих в Каргополе и 19 августа 1790 г. уехал из Охотска в Америку на корабле «Трех Святителей», которым управлял штурман Бочаров. В 1792 г. он основал русское поселение в Кенайске и Чугане. В 1794 г. в Воскресенске построил корабль «Феникс». В это время прибыли к Баранову из Охотска два корабля с 130 человеками экипажа, где

находился и архимандрит Иоасаф (Болотов) с десятью лицами духовного звания. На этих же кораблях доставлен в Америку рогатый скот для размножения. В 1795 г. Баранов построил два небольшие корабля — «Дельфин» и «Ольга». Следующего года прибыл в Америку, помощником к Баранову, Тотемский купец Иван Александрович Кусков. Действия Кускова в помощи Баранову были весьма полезны компании (Шелихова), и многолетние труды его не остались без награды. В 1821 г. Кусков выехал из колонии в Петербург якобы со своими какими-то проектами, которые, как говорили, не были приняты»; — он уехал на родину и там в 1823 г. скончался.

В 1799 г. Баранов основал Новоархангельск (на Ситхе); но малочисленность рабочих рук много препятствовала его успехам. В 1800 г. Баранов возвратился к месту своего пребывания на Кадьяк, где встретили его разные беспорядки. В небытность его туземцы наделали много вреда русским поселениям.

Император Павел принял эту компанию под свое покровительство и наградил Баранова золотой медалью на Владимирской ленте. Император Александр таковое же имел высокое благоволение к Российско-Американской компании, так равно и к Баранову.

В 1803 г. Баранов отправил в Охотск на корабле «Елисавета» пушных товаров на 1 200 000 р. Это богатство поправило финансовые силы К^0, в которых она уже начинала чувствовать существенный недостаток. В 1804 г. Баранов награжден чином коллежского советника. Но эта его радость равнялась горести от потери Новоархангельска — его разграбили и совершенно уничтожили туземцы; тогда сказал Баранов: я получил награду, а Ситха потеряна, — во что бы то ни стало сам иду возвратить потерянное. В Якутате вскоре отстроены два корабля «Ермак» и «Ростислав», когда прибыл и сам Баранов на двух же кораблях «Александр» и «Екатерина». Эта флотилия отправилась к разрушенному Новоархангельску. По приходе нашли там пришедший корабль «Неву» под командою капитана Лисанского. «Нева» в прошлом 1803 г. отправилась из Кронштадта с Крузенштерном (и кажется, что это есть первое кругосветное путешествие россиян). Это была неожиданная помощь Баранову, способствовавшая возвратить потерянную Ситху и чувствительно наказать туземцев — колош.

В 1805 г. прибыл на корабле «Мария» в Америку камергер Николай Петрович Рязанов с офицерами Хвостовым и Давыдовым, известными героями на берегах Японии. Кусков получил в награду золотую медаль, доставленную ему Рязановым. Новоархангельск восстановлен, но опять, в других местах ко-

лонии, последовали неприятности: корабль «Елисавета», отбывший с грузом пушного товара, потерпел крушение, потерял большую часть груза и много погибло людей; Якутатский редут разрушен колошами, и весь гарнизон его истреблен до одного человека. Все это сильно беспокоило Баранова, он терял силы и надежду о возвращении потерь, просил увольнения от службы компании, к тому же и лета его напоминали ему о покое. Он уехал на Кадьяк, оставил правителем новоустроенного Новоархангельска Кускова. В 1807 г. Баранов получил орден св. Анны 2 степ., а Кусков — чин коммерции советника. Эту радость привез в Америку лейтенант Гегемейстер, прибывший из Кронштадта на корабле «Нева». Баранов замышлял о Калифорнии, и говорили, что посылаемые им туда экспедиции не имели успехов; а очевидцы рассказывали, что он за чертою места своего управления промышлял там дорогого морского зверя под тем предлогом, чтоб дать время и отдых к размножению таких дорогих животных в водах Российских колоний.

Сколько раз Баранов подвергался очевидной опасности в Америке: волны моря несколько раз готовы были поглотить его в отважном плавании; льды Северного моря жмут его байдары и суда; дикари целили в него своими стрелами и винтовками, и даже свои недовольные служащие обрекают его на смерть. Но Провидение хранило его во все минуты опасности; однако ж остался Баранов с простреленною рукою, пулею на вылет.

Он ожидал с нетерпением себе преемника, который в 1811 г. ехал к нему, но умер на пути в Камчатке. В то время заводилось новое русское селение в местах, прилегающих к Испании; Кускову предписано было идти туда на корабле «Чириков» с русскими людьми и алеутами, в известную уже бухту, которую назвали бухтою Румянцева, а находящуюся там реку назвали Славянскою, а самое поселение Россом. Между тем испанцы и мексиканцы судили и рядили русских, самовольно поселившихся на их земле, где Кусков в 1812 г. уже хозяйничал в Россе, укрепился в нем, приводил все в надлежащий порядок, даже накупил у иностранцев для размножения скота и проч. Баранов свел дружбу с королем Сандвичевых островов Темеамеа, но эту дружбу расстроил германский врач Шеффер, жестоко обманувший Баранова, который делал ему разные поручения на соседние острова; завел ссоры с иностранцами по дурной своей нравственности и тем решил дружбу и доброе согласие с островитянами. Это происходило в 1815—1817 гг.

В 1816 г. Баранов построил в Новоархангельске церковь, в 1817 г. дождался давно желанной отставки. Корабли «Суво-

ров» и «Кутузов» пришли в Америку, первый под командою лейтенанта Панафидина, а второй капитан-лейтенанта Гегемейстера. Сему последнему поручено было, если Баранов настоятельно уже желает себе смены, то заступить его место. Наконец, после 28-летнего правления в Америке, Баранов оставил службу, бывши уже 72 лет, и решился провести остаток дней своих на родине, но в книге судеб назначено было иначе: корабль «Кутузов», на который сели Баранов и Гегемейстер (сей последний сдал управление колониями лейтенанту Яновскому), отправился 27 ноября 1818 г. в С.-Петербург из Новоархангельска; марта 7-го 1819 г. прибыл в Батавио, где простоял 36 дней. Вредный климат Батавии, губительный для иностранцев, имел свое действие и на старца Баранова, не дозволил ему видеть родину — он умер 16 апреля 1819 г. Воды Индийского океана есть его могила.

Жизнь, проведенная в колониях, при разнообразных превратностях судьбы ярко оттеняет подвиги сего единственного человека своего времени, каков был Баранов. Он жил более для отечества и потомства, нежели для себя: был справедлив и строг по службе с подчиненными и справедливо награждал их заслуги; имея прекрасные качества души, любил просвещение, читал много книг, поверхностно изучал многие науки, говорил мало и медленно, но высказывал много. Чтение книг и игра на биллиарде были его любимые развлечения.

Подробные деяния и жизнь г. Баранова описаны г. Хлебниковым в отдельной книге, изданной в 1835 г.

1806 г. Апрель. 20 числа получен указ об увольнении от должности генерал-губернатора И. О. Селифонтова и об определении на его место тайного советника, сенатора Ивана Борисовича Пестеля.

В этом месяце начаты каменные постройки больничного дома, сооружаемого Николаем Семеновичем Чупаловым на собственный свой счет.

Мая 7 числа пожар истребил людскую избу в доме купца Ивана Дудоровского.

12 числа из свиты графа Головкина чиновники Адамс и Редовский уехали в Якутск.

30 числа, гром, молния и проливной дождь, продолжавшийся $^1/_4$ часа, и улицы города скоро были наполнены водою, породившею большую грязь.

Июня 9, 10 и 11 числа шел обильный дождь, от которого реки Ангара, Иркут и Ушаковка наполнились водою и произвели наводнение; в последнее число, то есть 11, пополудни в час, с юго-западной стороны сошлись над городом две тучи и произвели страшную грозу, разительную молнию, бурю и проливной дождь: по улицам текли реки воды; буря срывала крыши с домов, ломала в садах деревья и стекла в окнах. Молния ударила в

купол Благовещенской колокольни, прошибла его и опалила в церкви икону св. Николая.

25 числа приехал из С. П. Б. камер-юнкер Байков к графу Головкину.

29 числа скончался Иркутский градский голова, коммерции советник Дмитрий Николаевич Мыльников, 42 лет, и первого июля предан земле. Место его заступил купец Степан Дудоровский.

Июля 7-го получен указ об определении в Иркутск губернатором Николая Ивановича Трескина.

16 числа туча с ужасающею грозою, начавшаяся в 9 часу вечера и кончившаяся в 11 часу того же вечера, навела большой страх на жителей г. Иркутска.

28 числа в день празднования в Вознесенском монастыре св. иконе Богоматери Смоленския возложено на мощи Святителя Иннокентия парчовое покрывало с золотою бахромой и кистями, присланное в дар Императором Александром.

29 числа выехал из Иркутска в Тобольск переведенный туда губернатором же Корнилов, управляющий Иркутскою губерниею один год и пятнадцать дней.

В этом месяце здесь народ страдал поносом, рвотами, корчами и судорогами.

Августа 12-го городничий г. Иркутска Зайцев уволен от должности, а на его место определен Оринкин.

24 числа во Владимирской церкви верхний храм окончен внутренним расписанием красками стен; крыша окрашена зеленою краскою; вся поправка эта продолжалась два лета.

В этом месяце мука ржаная продавалась 1 р. 15 к. асс. за пуд.

Сентября 26 граф Головкин с гостями ездил в Кудинскую слободу на охоту за зверями на два дня.

В этом месяце продавались на рынке: гусь 2 р. 25 к., утка 50 к. живые; мешками репа 30 к., лук 80 к., картофель 50 к.

Октября 1 граф Головкин уехал в Балаганск.

На 11 число ночью прибыли в Иркутск новый Сибирский генерал-губернатор, тайный советник Иван Борисович Пестель и губернатором в Иркутск действительный статский советник Николай Иванович Трескин.

17 числа прибыли в Иркутск супруга Губернатора Трескина Агнесса Федоровна с детьми, коих было пять дочерей и один сын. Старшей дочери было 7, а сыну 6 лет.

24 числа началась санная дорога.

В этом месяце мука ржаная продавалась 1 р. 10 к. асс. за пуд.

Ноября 1 Граф Головкин Юрий Александрович сего дня ввечеру выехал из Иркутска в С.-Петербург.

25 числа при Архангельской церкви освящен вновь сделан-

ный придел, во имя Святителя Иннокентия, Иркутского Чудотворца.

30 числа прибыл в Иркутск из кругосветного путешествия действительный камергер Николай Петрович Резанов. Он отправился из Петербурга кругом света, был в нашей Америке и посетил Японию.

Сего же дня прибыл в Иркутск с низовьев р. Лены профессор Михайло Иванович Адамс, следуя в С.-Петербург, везя с собою костяк целого мамонта. Этот г. Адамс был адъюнктом академии наук, принадлежал свите графа Головкина по ученой части и был отправлен для исследования реки Лены, до самого Ледовитого моря. В Якутске сообщил ему (городской голова) Попов, что на берегу Ледовитого моря, при устье р. Лены, найдено мертвое животное, скатившееся с горы, чудовищного вида и необыкновенной величины, у которого сохранилось еще мясо, кожа, волосы. Г. Попов доставил Адамсу даже рисунок этого зверя, но довольно безобразный, и между тем сказал, что зверь этот найден 1803 г. на одном мысе Ледовитого моря, близ горы, называемой Мастах, якутским купцом Романом Болтуновым. Зверь этот лежал на боку, половиною в земле, а другою на поверхности оной, длиною был в 5 аршин; голову имел длиною 2 и шириною в 1 1/2 аршина, на конце морды находились у него два клыка, похожие на слоновые, но иначе округленные, каждый был весом в 6 пудов; уши на поверхности головы, стоячия. Открытая часть зверя сгрызена медведями, волками и лисицами. «Я желал (говорит Адамс) сколько возможно скорее спасти драгоценные остатки, которые очень легко могли истребиться. Я не долго пробыл в Якутске и поехал вперед. 16 июня сего 1806 г. приехал в Жиганск, а в конце этого месяца в местечко Кумах-сурку, которое лежит на левом берегу р. Лены, и отсюда уже я сделал многотрудную поездку для отыскания мамонта, так называли сего зверя. Переезд совершался на оленях и был не только труден, но и опасен. В пути этом сопровождал меня тунгусский князец из Кумах-сурки Осип Шумахов. Наконец, мы приехали на то место, где находился мамонт, и нашли его совершенно искаженным: во-первых, когда был найден этот зверь, то Шумахов отрезал у него клыки и продал их сказанному купцу Болтунову по 50 р. за каждый, а далее дикие звери, как-то: белые медведи, волки и лисицы — пользовались его мясом. Скелет был почти без мяса, весь цел, выключая одной передней ноги. Хребет от головы до вихреца, плечная кость, таз и остатки трех конечностей были еще тесно связаны жилами и лоскутьями кожи, а с наружной стороны остова на голове была сухая кожа; одно хорошо сохранившееся ухо было покрыто

волосами. Все сии части кожи должны были потерпеть от переезда 11000 верст. Однако глаза сохранились и заметен даже был в левом глазе зрачок. Нижняя губа была испорчена, а верхняя разрушилась; зубы были видны. В черепе находился еще мозг, но казался высохшим. Части, менее всего поврежденные, — две ноги, передняя и задняя; они имели кожу и внутреннюю мясную часть копыта. Этот мамонт был мужского пола, имел (по сказанию туземцев) длинную гриву на шее, но не имел хвоста и хобота. Кожа, которой у меня три четверти, темно-серого цвета и покрыта рыжеватою шерстью с черными волосами. Весь остов, который я собрал на самом месте, вышиною в четыре аршина, около семи в длину от носа до вихреца, не включая двух рогов, из коих каждый имел в длину полтора тоаза (тоаз имеет 6 фунтов 4 дюйма с дробями), а оба вместе весят десять пудов. Одна голова весит одиннадцать с половиной пудов. Я имел удовольствие найти и другую лопатку, или плечную кость. Потом велел отделить кожу с того бока, на котором лежало животное; она совершенно цела. Эта кожа была так тяжела, что десять человек едва могли ее приподнять. В Якутске я купил обратно и клыки сего животного, и все это послал оттуда в Петербург».

Д е к а б р я 1-го получен в Иркутске Манифест о рождении Великой Княжны Елизаветы Александровны.

В этом месяце состояли в Иркутске цены на жизненные и другие припасы: мука ржаная 1 р. 20 к., пшеничная 1 р. 40 к., мясо 2 р. 40 к., масло коровье 10 р., орехи кедровые 2 р. 40 к. за пуд; сажень дров 1 р. 40 к., чаю байхового торгового 2 р. фунт, штоф мадеры 2 р., штоф французской водки 3 р. 50 к. асс. Сего года посетил Иркутск ориенталист Клапрот.

1807 г. Я н в а р я 5 числа после литургии совершено молебствие с прочтением Высочайшего Манифеста от 15 ноября прошлого года об объявлении войны Франции. С сего числа начато моление на ектениях о победе над врагами.

10 числа сего месяца река Ангара покрылась льдом, сего же дня камергер Резанов дал Иркутскому благородному и купеческому сословиям (в доме училища) завтрак с танцами, на который приглашено было более 200 особ обоего пола. Приезд назначен был в 1 ч. утра, и в 12 ч. началась музыка, в 2 ч. пополуд. был подан завтрак, после которого танцы продолжались до 10 ч. вечера.

23 числа вечером было северное сияние.

Ф е в р а л я 2 в соборе и во всех церквах города после литургии читан Высочайший Манифест, призывающий россиян в земское ополчение против французов.

9 числа генерал Пестель уехал в Кяхту, а 20 числа воз

вратился в Иркутск.

13 числа выехал из Иркутска в Петербург камергер Николай Петрович Резанов, и от чахотки 1 числа марта скончался в Красноярске.

В этом месяце получено в Иркутске воззвание Святейшего Синода (печатанное на славянском языке) о утешении православных христиан, что на Россию ополчилась Франция.

Настоящая часть Летописи напечатана в № 32 Губ. вед. за 1861 г., и этим, к сожалению, кончается печатание: ни в следующих номерах за 1861 г., ни в последующих годах Летописи печатаемо уже не было. Однако мы имеем основание думать, что рукописный экземпляр Летописи г. Пежемского был доведен до половины пятидесятых годов текущего столетия, и надеемся продолжить Летопись, когда нам удастся приобресть список ея. Ред.

В № 48 Губ. вед. за мин. год, напечатав последнюю часть имевшейся в нашем распоряжении летописи г. Иркутска, мы выразили надежду продолжить летопись того же автора. Но найти список ее нам не удалось и поэтому приходится продолжать летопись по записям другого лица — В. А. Кротова. Подлинный экземпляр летописи г. Кротова находится у о. протоиерея Гр. А. Шергина, который и разрешил нам печатание ее в Губернских Ведомостях.

Эта летопись кратче летописи Пежемского; вероятно, основанием ее послужила одна из летописей, бывших в распоряжении г. Пежемского. (См.: № 47 Ирк. губ. вед. за мин. год); последние же события (40-е и 50-е годы тек. стол.) были писаны или самим г. Кротовым, или каким-либо другим современником. Оканчивается эта летопись 5 августа 1856 г.

Продолжаем изложение событий с того года, до которого доведена печатанная летопись г. Пежемского (См.: № 48 Вед. за м. г.).

Летопись В. А. Кротова

1807 г. 5 января в Иркутске после литургии молебствие по Высочайшему Манифесту от 15 ноября 1806 г. об объявлении войны Франции.

10 января река Ангара против города покрылась льдом.

Камергер Резанов в доме училища давал Иркутскому благородному и купеческому сословию завтрак в 11 часу утра, в 2 часа пополудни обед и бал до 10 часов вечера; посетителей было более 200 особ обоего пола.

13 февраля выехал из Иркутска в С.-Петербург камергер Н. П. Резанов, чувствовавший боль простудную, обратившуюся в чахотку. 26 февраля прибыл в Красноярск, сильно заболев, и 1 марта скончался.

20 марта река Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 69 дней.

28 июня уехал из Иркутска в Ургу (в Китай) курьером секретарь генерал-губернатора Иван

Николаевич Веригин с письмом к ургинским вану и анбаню, извещая их об отправлении из Иркутска духовной миссии в Пекин под начальством архимандрита Иакинфа Бичурина.

18 июля архимандрит Иакиф и члены его миссии выехали из Иркутска в Пекин.

18 августа генерал-губернатор Пестель выехал из Иркутска в Томскую и Тобольскую губернии, а оттуда в С.-Петербург и более в Сибирь не возвращался, состоя на службе Иркутского генерал-губернатора по 1819 г.

4 сентября морочно и дождь, в ночи сильный гром до трех ударов, какого жители Иркутска не запомнят.

12 декабря в Иркутске по окончательной постройке торжественно открыта гражданская (Чупалова) больница на 100 кроватей. Предание заверно говорит, что посвященный Вениамин инкогнито участвовал с Чупаловым в постройке больницы и даже было первоначальное предложение не Чупалова, а преосвященного Вениамина епископа Иркутского.

15 декабря уехал в Россию из Иркутска военный губернатор, генерал-лейтенант Лебедев.

1808 г. 1 января в Иркутске поступил в городские головы иркутский купец Михайло Иванович Саватеев.

12 января река Ангара против города покрылась льдом, дошла до церкви св. Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев и остановилась, потом уже окончательно против всего города покрылась 15 числа.

2 февраля по полученному Высочайшему рескрипту от 17 декабря 1807 г. о Всемилостивейшем благоволении чиновникам, купечеству и сельским обывателям за пожертвование на милицию отправлен благодарственный молебен в соборе со звоном и пушечною пальбою.

Градский голова Михайло Иванович Саватеев для сего случая дал обеденный стол всем сословиям города.

12 февраля привезена из Москвы новая серебряная рака для мощей Святителя Иннокентия, украшенная позолотою и чернью, стоящая 10000 рублей, деланная усердием иркутского первой гильдии купца Николая Прокопьевича Мыльникова. 16 февраля, в неделю сыропустную, преосвященный Вениамин с архимандритом Аполлосом и прочим духовенством святыя мощи торжественно переложили в новую раку.

23 марта поднят на Кресговскую колокольню новый колокол в 280 пудов.

25 марта река Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 73 дня.

11 апреля прибыл в Иркутск комендантом генерал-лейтенант и кавалер Андрей Николаевич Сухотин с супругою и двумя сыновьями.

9 июля в Иркутске дождь, гроза, и молния ударила в купол Троицкой колокольни, разбила его; в отделении колоколов один каменный столб разрушен

до половины, сбит наружный с одной стороны колокольни карниз.

22 июля открыт в Иркутске воспитательный дом.

24 июля заложен деревянный рабочий дом.

В продолжение июня и июля месяцев Прокопьевская церковь покрыта новым тесом.

9 октября покрылась льдом р. Иркут.

16 октября прибыла в Иркутск из Пекина духовная миссия с архимандритом Софронием.

22 ноября установилась зимняя санная дорога.

21 декабря р. Ангара против города покрылась льдом при 20 градусах холода.

22 декабря архимандрит Софроний выехал из Иркутска в Россию.

1809 г. 28 февраля Иркутский вице-губернатор И. С. Семивский выехал из Иркутска в Россию.

2 апреля р. Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 102 дня.

6 мая р. Иркут вскрылась от льда.

4 июня отправлено торжество с трехдневным звоном по случаю бракосочетания Великой Княжны Екатерины Павловны с принцем Гольштейн-Ольдербургским Петером Фридрихом Георгом, последовавшего в 18 день апреля.

18 июля — с запада туча с проливным дождем, сопровождающаяся пятью ударами разразительного грома, от которого убито четыре человека, бывших в лесу за ягодами.

1 октября р. Иркут покрылась льдом.

31 октября в Иркутске праздновалось о взятии российским оружием турецкой крепости Измаила.

26 октября установилась санная дорога.

20 ноября в Прокопьевской церкви в нижнем этаже освящен престол во имя Святителя Иннокентия, Иркутского чудотворца.

Префект Иркутской семинарии иеромонах Иннокентий произведен в архимандрита в Киренский монастырь.

17 декабря в Иркутске отправлен в соборе молебен по случаю замирения Франции с Австриею, где принимала участие в войне и Россия.

1810 г. С 2-го на 3-е число января река Ангара против города Иркутска покрылась льдом при 22 градусах холода и при малой прибыли воды.

15 февраля губернатор Трескин уехал в Кяхту для свидания с китайским ваном и амбанями и 22 марта прибыл обратно в Иркутск.

28 февраля в Иркутске стала портиться санная дорога, с 5 марта подкрепилась холодом и держалась до 17 числа; на сие число поднялась сильная северная буря со снегом и исправила санную дорогу, которая держалась до 1 апреля, что случается весьма редко.

17 марта — буря.

18 марта в Иркутске пожар истребил дом мещанина Первухина в Троицком приходе; пожар произошел от вынесенных углей в сени для простужения.

5 апреля река Ангара против города Иркутска раскрылась от льда, быв покрытою оным 92 дня.

20 апреля сгорела контора рабочего дома, стоявшая близ тюремного замка.

20 апреля снег покрыл землю.

27 апреля река Иркут вскрылась от льда.

В мае месяце разобрана старая соборная каменная ограда, от главных ворот и по улице к Владимирской церкви, для постройки новой с уступкою с улицы во внутренность.

29 июля торжественное молебствие в соборе по случаю взятия российскими войсками турецкой крепости Силистрии; по окончании молебствия 51 выстрел из орудий.

30 августа в Борисоглебском саду вольный маскарад; пущен фейерверк и славное освещение сада.

4 сентября прибыл в Иркутск на службу вице-губернатор Карп Иванович Левитский.

11 сентября первый иней и снег.

20 октября в Вознесенском монастыре освящен храм Успения Богородицы по случаю поправок.

4 ноября началась плохая санная дорога и исправилась совершенно 16 числа.

Получено в Иркутске известие из Москвы о кончине супруги основателя российско-американской компании Шелихова Натальи Алексеевны, последовавшей 25 марта; похоронена в Московском Донском монастыре.

25 декабря река Ангара против города покрылась льдом при изрядной прибыли воды.

1811 г. 31 января в Вознесенском Монастыре освящен придел при Успенской церкви во имя Сергия Радонежского по случаю поправок.

1 апреля пресеклась санная дорога.

17 апреля река Ангара против города раскрылась от льда, простояв под оным 114 дней; такое вскрытие Ангары было только в 1742 году.

24 апреля вскрылся от льда Иркут.

На 3-е число мая скончался префект Иркутской семинарии архимандрит Иннокентий Суханов на 35 году от рождения; похоронен в Вознесенском монастыре прямо алтаря соборной церкви.

9 июля торжественная закладка каменных триумфальных ворот на Московском тракте, закладку освящал преосвященный Вениамин при громе орудий.

20 июля из Иркутска выступил Иркутского полка 2-й баталион солдат в Омск.

6 августа в Иркутске с северо-западной стороны — комета с сиянием вверх наподобие лучей, имеющих склонение к востоку. До 11 числа она зака-

тывалась в 11 часов вечера, с того времени была видима во всю ночь.

Это — знаменитая комета; по вычислению Гершеля, хвост ее имел длины не менее 22000000 миль, диаметр же его близ головы равнялся 2000000 и у конца с лишком 1000000 миль (Справочный энцикл. словарь).

13 ноября установилась санная дорога.

Обнародована шестая народная перепись по душам.

26 декабря, ввечеру, река Ангара против города покрылась льдом при 18 градусах холода, по теплой погоде взвод воды был чрезвычайный, против обыкновенного уровня прибыль воды была на 6 аршин, вода залилась в улицы города от Церкви Прокопьевской до Аптечной курьи.

1812 г. 31 марта река Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 96 дней.

1 апреля приехали в Иркутск иезуитского ордена три священника с двумя церковниками.

25 апреля приехал из С.-Петербурга курьер с манифестом о наборе рекрутов с 500 душ двух человек, с тем, чтобы набор этот был окончен с получения манифеста в месяц.

4 мая заложены базарные каменные лавки.

9 августа прибыл курьер с манифестом от 6 июля из Полоцка о вступлении французских войск в Россию, для чего призывались все российские сословия для умножения военных сил.

29 августа в Иркутске праздновалось о замирении с Турцией; молебствие в соборе с коленопреклонением, сопровождаемое 101 выстрелом из орудий и ружейным огнем батальона.

1 сентября в Иркутске получены с курьером два манифеста от 4 августа: 1-й о мире с Англией, 2-й о наборе рекрутов — с 50 душ одного человека.

В сентябре выкопаны рвы для второй соборной колокольни для большого колокола, вылитого в 1797 г. в 761 пуд.

6 октября покрылась льдом река Иркут.

15 октября установилась санная дорога.

10 декабря река Ангара против города покрылась льдом; такого раннего покрытия реки никогда не случалось.

19 декабря получен манифест от 3 ноября об освобождении Москвы от французов; 20 числа молебное пение с коленопреклонением, звоном и пушечною пальбою.

1813 г. 18 февраля в Иркутске получен манифест от 25 декабря 1812 г. об освобождении России от французов по предназначенном построении храма Спасителю Иисусу Христу в Москве. 23 числа свершилось молебное пение со звоном во весь день.

7 апреля река Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 119 дней.

24 апреля вскрылась от льда река Иркут.

6 мая заложено каменное биржевое зало на каменном гостином дворе.

14 апреля первый гром.

13 июля в Иркутске термометр на точке замерзания, поутру иней до 9 часов, от которого позябли овощи и во многих местах на полях хлеб.

26 июля от продолжающихся трехдневных дождей сделалось наводнение, затопило луга и разнесло много сена.

9 августа такое же наводнение.

15 сентября заложен байкальский транспорт «Александр», в день коронования Александра Павловича.

15 сентября окончена постройка триумфальных ворот. Магистратские чины давали обеденный стол в доме генерал-губернатора; ввечеру триумфальные ворота были ярко иллюминированы; в это время преосвященный Вениамин с губернатором были приглашены в верхние комнаты ворот, где они были угощаемы чаем и водкою.

25 сентября крестный ход из Богоявленского собора в Вознесенский монастырь по случаю освящения храмов того числа во имя Святителя Иннокентия и 28 числа во имя Алексея, человека Божия.

13 октября река Иркут покрылась льдом.

24 октября крестный ход из собора в Крестовоздвиженскую церковь по случаю установления торжества образу Божией Матери Всех Скорбящих Радости.

24 ноября в Иркутске при тихом восточном ветре при 12 градусах луна была окружена радужными кругами.

6 декабря было отправляемо торжество по получении известия о победе, одержанной российскими и союзными войсками под Лейпцигом над французскими войсками, где командовал сам Наполеон; молебствие в соборе и 31 выстрел из орудий.

25 декабря река Ангара против города покрылась льдом при 13 градусах холода. Прибыль воды довольно большая, против уровня 4 1/2 аршина.

30 декабря в полдень было 2 градуса тепла, ветер S и ясная погода; этого никогда не было в Иркутске.

1814 г. 15 февраля в Иркутске было отправляемо торжество по полученному манифесту от 8 декабря 1813 г. из главной квартиры за границей, из гросс-герцогства Баденского, из столичного города Карлсруэ, о принесении Господу Богу благодарения за избавление России и Европы от полчищ Наполеона, о изгнании и преследовании его войск до берегов Рейна.

В Богоявленском соборе и во всех церквах города совершено молебствие с коленопреклонением и вседневным звоном.

В феврале месяце стояли цены на муку: ржаную от 2-х р. и до 2 р. 30 коп., пшеничную 2 р. 75 коп. и до 3 р., овес 1 р. 75 к. пуд ассигнациями.

В конце марта в Иркутске было отправляемо молебствие с 101 пушечным выстрелом за одержанную 20 января российскими и союзными войсками во Франции под Бриеною над французской армиею победу.

13 апреля река Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою 109 дней.

28 апреля река Иркут вскрылась от льда, простояв покрытой 197 дней.

9 мая спущен на воду новопостроенный для Байкала галиот «Александр» при громе пушек и ружейной пальбе; для сего случая городской голова Прокопий Федорович Медведников в доме генерал-губернатора дал обеденный стол и вечером бал.

14 июня — радостное торжество, что российские войска с союзными 19 марта заняли столицу Франции Париж, заставя Наполеона отречься от престола и прав на Францию. Отправляемо было торжественное молебствие на площади, на горном месте, с коленопреклонением, пушечною и ружейною пальбою от бывшего во фронте войска; народ с умилением радости без умолка кричал «ура!» Церковь сопровождала моление свое вседневным колокольным звоном. В доме генерал-губернатора граждане и чиновники давали обеденный стол при громе музыки; войскам, бывшим во фронте, подано по чарке вина, а для народа поставлено было в нескольких полубочьях вино; ввечеру же была яркая иллюминация с прозрачными картинами прямо дома генерал-губернатора и освещение во всем городе.

16 июня по тому же случаю и таковой же точно праздник дан в загородном доме генерал-губернатора бургомистром магистрата Андреем Петровичем Трапезниковым.

18 июня третий праздник такой же и для такого же случая давало иногороднее купечество.

3 июля преосвященный Вениамин сделался болен.

8 июля, в среду, в половине 7 часа пополудни, скончался преосвященный Вениамин, епископ Иркутский, 72 лет от рождения; управлял паствою 24 года 3 месяца 28 дней. 12 июля тело его предано земле в соборе, в приделе Казанския Богоматери. Преосвященный Вениамин был один из ученейших духовных века Екатерины; по окончании курса учения в С.-Петербурге был послан для окончания наук в два германские университета Иену и Геттинген, говорил на многих иностранных языках. Управляя Иркутскою епархиею, достопамятно был строгих правил в домашней жизни, слушал каждый день церковную службу, в летнее время жил в своей заимке в Вознесенском монастыре. В часы досуга любил своими руками кормить ворон хлебом; на вопрос о кормлении ворон он отвечал, что платит дань за Илию пророка.

23 июля получен от 11 ию-

ня Высочайший манифест, данный в Париже 18 дня мая, о восстановлении после бурной брани с французами всеобщего спокойствия в Европе. Сегодня во всех церквах города отправлено всенощное бдение. 24 — литургия, по окончании ее в соборе губернатор Трескин, Николай Иванович, читал манифест, а потом молебствие с коленопреклонением на многолетии, 101 пушечный выстрел и вседневный звон.

2 августа — туча с страшным громом и разительною молниею, продолжавшаяся около двух часов: на соборной колокольне расшибло молнией купол, по реке Иркуту, на покосе купца Елизова, убило человека.

22 августа, в час 40 минут пополудни — землетрясение, второй раз в 3 часа 52 мин.

11 сентября окончена постройка каменной колокольни в соборе, назначенной для одного большого колокола.

30 сентября легкий удар землетрясения.

1 октября прибыл в Вознесенский монастырь новый настоятель, архимандрит Павел с ректором Иркутской семинарии.

17 октября река Иркут покрылась льдом.

2 ноября установилась санная дорога.

2 декабря легкий удар землетрясения.

12 декабря река Ангара против города покрылась льдом; прибыль воды была против города на 5 аршин.

По докладу Святейшего Синода, Высочайше конфирмованному указу, в 27 день августа сего 1814 г. в Иркутской епархии повелено быть епископом Тверской епархии, Троицкого Калязина первоклассного монастыря, архимандриту и Тверской семинарии ректору Михаилу Бурдукову, который сего же года 18 октября в Москве, в Успенском соборе, хиротонисан во епископа Иркутского.

25 декабря в Иркутске в первый раз совершено торжественное молебствие, установленное в память во все грядущие времена о избавлении России и церкви от нашествия галлов и с ним два-десяти языков в 1812 году; 31 выстрел из орудий.

1815 г. 5 января преосвященный Михаил прибыл в Вознесенский монастырь, где и встречен был торжественно; 6 числа поутру прибыл в Иркутск; во Владимирской церкви одет в архиерейские одежды, при колокольном звоне шествовал в собор, совершал литургию и освящал воду.

25 марта река Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 103 дня.

30 марта на новую колокольню соборную поднят большой колокол в 760 пудов; до сего времени он висел на столбах.

По малоснежию нынешней зимы с начала марта оттепель и к 20 числу уже не было ни снегу, ни грязи, а сушь и пыль. На солнцепеках стала показываться зелень, травы, появились насе-

комые и замечены бабочки.

30 апреля первый гром, молния и проливной дождь.

21 мая соборная икона Казанския Богоматери отпущена в Кудинскую слободу, ее провожал преосвященный Михаил с духовенством до самой Куды. Оттуда преосвященный отправился для обозрения своей епархии до Якутска и возвратился обратно в Иркутск 23 августа.

1 июня закладка каменного дома в соборной ограде для консистории, для чего из Вознесенского монастыря на закладку был крестный ход.

10 июня новая соборная колокольня для большого колокола окончательно покрыта железом и сего дня поставлен крест.

16 сентября в Иркутске скончался соборный протоиерей Иоанн Затопляев, 18 числа похоронен в Знаменском монастыре.

22 сентября снег покрыл землю.

4 октября покрылась льдом река Иркут.

3 ноября установилась санная дорога, 7 числа испортилась от сильной бури и 10-го восстановилась совершенно.

25 ноября в 2 часа пополудни землетрясение.

12 декабря река Ангара против города покрылась льдом.

Обнародована седьмая народная перепись по душам.

На 15 декабря в ночи в Глазковой (за Ангарой) в доме мещанина Гавриила Могилева сгорели товары, быв складены в огороде в табор, следующие в Кяхту: 91 991 мерлушки, 20 558 кошек и 138 половинок сукна, принадлежащие Калужскому купцу Золотареву. Товары эти были под присмотром калужского купеческого сына Щелкуновского и приказчика, тобольского мещанина Ивана Старикова. Пожар произошел от того, что Стариков, бывши у тех товаров, заснул у раскладенного огня, бывшего в двух шагах от товаров, закрытых рогожами. Весу в товарах было до 960 пудов.

1816 г. 10 февраля преосвященный Михаил выехал из Иркутска в Кяхту и 24 числа того же месяца возвратился в Иркутск. Перед отъездом из Иркутска в Кяхту преосвященный Михаил получил орден св. Анны I степени.

1 апреля река Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 111 дней. Первоначально раскрылась 24 марта, а 29-го южный ветер нагнал льды, и 30-го снова она покрылась льдом, и 31-го поутру лед опять двинулся и скоро остановился, река покрылась и, наконец, 1 апреля совершенно раскрылась. При покрытии, поддерживаемая холодом, делала взвод воды на 1 1/2 арш.

26 апреля вскрылась от льда река Иркут.

26 мая термометр показывал точку замерзания, отчего позябли яровые хлеба, во весь май была совершенная засуха, 20 июня прошли благотворные до-

жди, от которых поправились росты хлебов и трав.

27 июня, в 7 часов пополудни, сошлись с SW и W тучи, произвели над городом ужасный гром и молнию, в 9 часу повторились удары грома, убит в триумфальных воротах Мальтинской деревни крестьянин. Молния зажгла дом иногороднего купца Льва Николаевича Протодьяконова, убила его жену, которая вообще сгорела с домом, соседние дома Курсина, Колодезникова, Некрасовой и цехового NN разломаны до основания.

30 июня скончалась Знаменского девичьего монастыря игуменья Анфиса, в белицах Анна, бывшая надворная советница Шатилова, из рода купцов Зайцевых. Поживе 63 года, быв игуменьей 22 года.

20 июля в Иркутске получен Святейшего Синода указ, состоявшийся 19 мая, коим повелено епископам Иркутским именоваться Иркутскими, Нерчинскими и Якутскими.

30 августа, по окончании постройки биржевого зала на гостином дворе, сего дня после литургии и молебна в соборе последовал 31 выстрел из орудий. Преосвященный Михаил приглашен в биржевую залу для служения молебна; на многолетии и пении «Тебе Бога хвалим» производилась пушечная пальба, потом подана водка и закуска от градского головы Прокопия Федоровича Медведникова. Ввечеру зало, губернаторский дом, Губернское правление, магистрат, Спасская и соборная колокольни ярко были иллюминированы, на площади горели вензеля. В биржевой зале даны две пьесы — «Суматоха» и «Кузнец», — потом бал до 3 часов за полночь.

Иркутский градский голова Прокопий Федорович Медведников пожертвовал в пользу гимназии тысячу рублей ассигнациями. 12 сентября Иркутского Знаменского монастыря игуменья Пульхерия Саватеева, в числе 13 монахинь, двух белиц, с тремя служителями, быв в Вознесенском монастыре для поклонения Святителю Иннокентию, возвращалась в своей лодке через реку Ангару, в середине которой сильным ветром с вихрем залило водою и опрокинуло лодку. Из них спаслись четыре монахини, две белицы и два служителя. Игуменья Пульхерия с прочими потонула.

8 октября река Иркут покрылась льдом.

4 ноября установилась санная дорога.

26 ноября, в 10 час. 35 мин. вечера, землетрясение.

22 декабря река Ангара против города покрылась льдом.

1817 г. 12 марта река Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 80 дней. Но вдруг северо-восточный (низовой) ветер 13, 14, 15 числа при холоде сгустил на Ангаре лед, и 17-го она покрылась льдом довольно крепко, так что многие пешие переходили реку, и 18 числа совершенно уже раскрылась.

12 апреля река Иркут вскрылась от льда.

23 апреля слышен был первый гром.

31 мая в Иркутске скончался коллежский советник Петр Петрович Гирязин на 74-м году. Его усердием заложен в Вознесенском монастыре над западными вратами каменный храм во имя Сретения Господня, окончен уже после его кончины; он похоронен при том храме по праву сторону алтаря.

16, 17, 18 июня в Иркутске дожди сделали сильное наводнение.

С 1-го и по 5-е июля проливные дожди сделали в реках наводнение, истребившее сенокосы.

9 августа в Иркутске получен манифест об обручении в 25-й день июня Великого Князя Николая Павловича с прусскою принцессою Фридерикою, нареченною при святом Миропомазании Александрою Федоровною. 10 числа торжество и целодневный колокольный звон.

16 августа в Иркутске получен манифест о бракосочетании в 1 июля Великого Князя Николая Павловича с Великою Княжною Александрою Федоровною. 17, 18, 19-го трехдневное церковное и народное торжество с трехдневным звоном. 17-го градский голова Сибиряков в честь торжества дал в биржевом зале обеденный стол, ввечеру бал и ужин.

В Иркутске в бытность губернатора Трескина открыто 17 приходских училищ.

1 октября домовая церковь перенесена из семинарии в каменный архиерейский дом и освящена тоже во имя Покрова Божией Матери преосвященным Михаилом 2-м. Впоследствии преосвященным Нилом, архиепископом Иркутским, перенесена в верхний этаж архиерейского дома.

На 23 ноября скончался иркутский купец Петр Яковлевич Солдатов на 72-м году. Его усердием устроен был в Спасской церкви престол во имя св. Петра Александрийского, освящен 1808 г. 25 ноября и давно уже упразднен.

26 декабря река Ангара против города покрылась льдом.

В сем году на Байкале разбиты бурею три судна с казенным свинцом, бывшие на доставке Ксенофонта Михайловича Сибирякова. Суда, груз и люди погибли совершенно. (Сибир. вест. 1821 г., путешествие кзендза Фадея Машевского).

(Продолжение следует)

НЕИЗВЕСТНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Публикуемое ниже интервью адмирала А. В. Колчака, помещенное в газете кадетского направления, выходившей в Иркутске 1918—1919 гг., представляет немалый интерес для современного читателя. В советской печати оно публикуется впервые.

Неординарная личность Колчака, талантливого полярного исследователя, героя русско-японской войны, выдающегося военно-морского специалиста, отличившегося на театре военных действий на Балтике и Черном море в годы первой мировой войны, патриота России с каждым годом привлекает все большее внимание отечественной и зарубежной прессы. Читатель открывает для себя новые страницы жизни трагически погибшего адмирала.

Представитель Закупсбыта в Японии А. В. Байкалов писал управляющему министерством иностранных дел правительства автономной Сибири А. Н. Петрову из г. Кобе в июле 1918 года: «... в газетах помещено интервью с адмиралом Колчаком, только что приехавшим в Японию. Колчак в этом интервью отзывается о Сибирском правительстве в самых резких выражениях. Дербера он называет «жидом», членов кабинета — людьми совершенно неопытными в деле управления, программу правительства — утопической. Это интервью сейчас служит предлогом для целого ряда статей, доказывающих высказанное Колчаком положение. Указывают, что в состав правительства вошли люди, которые еще недавно были известны своей наклонностью к большевизму. Это производит очень невыгодное впечатление».

Далее автор письма сетует на то, что «газеты отводят целые столбцы интервью с Колчаком... комментируют их, как важнейшие политические события»... (Красный Архив, т. 4, 1929 г., с. 40—41).

Колчак не признавал ни «Делового кабинета» генерала Д. Л. Хорвата, ни временного правительства Дербера, сошедших вскоре с политической сцены. Ни у первого, ни у второго не было того, что, по его мнению, нужно для их функционирования: территории, населения, вооруженных сил и средств.

Все это предстояло создать и было создано в том же году. 18 ноября 1918 года Совет Министров Временного Всероссийского правительства в гор. Омске избрал Колчака Верховным правителем России. Ему отводилась роль лидера всех антибольшевистских сил. Но через год с небольшим, судьба распорядилась по-своему.

Публикацию подготовил
журналист ***Петр Конкин***

Имя адмирала А. В. Колчака так настойчиво повторялось в различных правительственных комбинациях дальневосточного происхождения, что в связи с событиями во Владивостоке представляется весьма важным выяснить истинную точку зрения адмирала.

Важно это потому, что имя адмирала Колчака — одно из лучших имен первых месяцев

революции и появление его на пекинско-харбинском горизонте вызывало понятное недоумение.

Наш корреспондент имел возможность беседовать с адмиралом в Токио, который он избрал своим временным местопребыванием.

Высказанное адмиралом Колчаком рассеивает всякие подозрения в его антидемократичности.

Адмирал Колчак о себе

— Я человек военный и чужд всякой политики. Всю жизнь я работал для войны, я желал ее и готовился к ней, еще будучи относительно молодым и занимая скромные должности.

Я участвовал во многих предварительных работах и без излишней скромности должен сказать, что достиг известных результатов (выработка морской программы и т. д.).

Словом, целью и смыслом моего существования была подготовка к войне.

Переворот

— Не буду повторять всем известные факты. С некоторых пор мне стало ясно, что война должна быть проиграна. Распутинщина, сухомлиновщина, протопоповщина и многое другое вели Россию к гибели.

Только переворот мог спасти положение, вывести Россию на путь возможной борьбы с врагом. Переворот, конечно, не был для меня неожиданным. Я приветствовал переворот, как путь к победе. Я искренно надеялся, что теперь налажен будет тыл и пр. и Россия обретет мощь, необходимую для победы. То, что мне пришлось наблюдать на Черном море, подогревало эти надежды. Единодушный подъем обещал многое, и работа кипела. Команды с восторгом выходили в море. Настроение было превосходное. Рядом с требованием свобод раздавались и требования Босфора и пр. Настроение было сознательное, боеспособное, я сказал бы победное.

Так продолжалось две недели.

Я вспоминаю горячую, талантливую речь члена Государственной Думы Александрова, произнесенную при большой аудитории в морском собрании в Севастополе. Этот умный и чуткий деятель уже понял, что революция вступила на гибельный для России путь. Он ярко, образно нарисовал опасное положение и кончил — как сейчас помню — утверждением, что 180-миллионный народ не может покончить самоубийством. Речь Александрова произвела громадное впечатление в Севастополе.

Обо мне писали в газетах, что у меня на Черном море порядок. Но его не было. Временное правительство мне доверяло и было спокойно за черноморский флот.

Но оно не знало истинного положения вещей.

Правда, мое влияние многое сдерживало. Незаслуженная мною слава была сдерживающим началом, охраняла внешний порядок. Но анархия, я чувствовал это, приближалась медленными, но верными шагами.

И то, что было в Балтике, должно было случиться и на Черном море.

Война проиграна

— В 20-х числах апреля меня вызвал Гучков в Петроград. В это время происходило совещание в Пскове. Я виделся с Алексеевым, познакомился с Корниловым, сделал доклад в Совете Министров.

Я изложил министрам, как обстоит положение вещей на самом деле. Они не знали истинного положения и представляли его себе гораздо лучшим, более прочным. Я разочаровал их.

Соколов, например, встретив меня, поздравляя с порядком на Черном море. Я возражал ему, объяснив, что анархия коснулась и нас, и Черноморский флот идет к поражению и гибели. За эту поездку я узнал истину о положении вещей в России и понял всю безнадежность.

Война была проиграна.

Последнее усилие

— Вернувшись в Севастополь, я собрал команды и в откровенной речи обрисовал им полную картину происходящего.

Я рассказал им все, что узнал и видел. Я сказал, что все зависит от войны. Если война будет выиграна, то революция принесет желанные плоды. Если же война будет проиграна, то погибнет и революция.

Мое сообщение вызвало большой подъем настроения, и, желая его использовать, я отправил несколько сот лучших во флоте людей для пропаганды по России, на фронте и в Балтийский флот продолжать войну. Меня предупреждали, что этот шаг может быть фатальным для моря, что без этих лучших людей здесь все развалится.

Работа немцев

— Так и случилось. Произошел полный развал, но я сознательно отправлял лучших людей на фронт, считая, что фронт важнее Черного моря. Вы помните, вероятно, то, что тогда происходило в Севастополе: ничем не вызванное разоружение офицеров.

Ко мне не было предъявлено никаких требований. Но я считал себя первым офицером на море. Раз отнято у других оружие, я сам лишил себя его —

бросил свою саблю в море и тем самым отказался от командования.

Следствие Зарудного выяснило причину волнений. Они явились результатом агитации германских агентов, кронштадтских матросов и уголовных элементов.

Я сдал командование. Уехал в Петроград и сделал резкий доклад Керенскому. В докладе я указывал на несомненную гибель революции и проигрыш войны.

В Совете министров ничего не могли мне возразить. Они сами соглашались, что положение безнадежное.

Это было в июне.

Поездка в Америку

— В это время в России находилась американская миссия Рута. В составе ее был адмирал Гленон. Он выразил желание, чтобы я приехал в Америку обменяться чисто техническими военно-морскими вопросами. Его особенно интересовала борьба с подводными лодками и постановка у нас минного дела. Это дело было у меня поставлено очень хорошо, и мы плавали по морю, как в мирное время. При мне ни одно боевое неприятельское военное судно, кроме подводных лодок, не смело показываться.

Несмотря на желание Керенского, чтобы я вернулся обратно в Севастополь, я принял предложение адмирала Гленона. Я пробыл в Англии два месяца, занятый чисто техническими задачами. Я продолжал работать для войны.

Продолжать войну

— Большевистский переворот случился во время моего проезда из Америки в Японию. Я приехал в Иокогаму, где узнал о перевороте и начале мирных переговоров. Я решил не признавать этого правительства и продолжать войну вместе с союзниками. Я предложил свои услуги британскому послу в Токио. Не как адмирал, а как простой солдат.

Мне предложили выехать на Месопотамский фронт. Я выехал с двумя офицерами через Шанхай до Сингапура. Далее я должен был проехать в Бомбей и там в штабе Индийской армии должен был получить инструкции. Я не знал, какая роль меня ожидает в Месопотамии.

В Шанхае я получил предложение от нашего посла в Пекине кн. Кудашева и от Путилова принять службу в полосе отчуждения. Я отказался, сославшись, что уже имею военное назначение. В Сингапуре меня настигло распоряжение английского правительства о прекращении моего следования, ввиду распадения кавказской армии и изменившейся обстановки в Месопотамии.

Пекин — Харбин

— Я просил разрешения приехать в Пекин поступить в распоряжение нашего посла.

В Пекине я встретился с Хорватом и Путиловым, кои решили создать вооруженную силу в полосе отчуждения, чтобы впоследствии двинуться для борьбы с большевиками и немцами.

Меня пригласили командовать этими войсками, и я принял командование. Тут, в Харбине, я познакомился с Сибирским правительством*. Впечатление мое от знакомства с членами Сибирского правительства отрицательное. Это — те же представители крайних политических партий, которые однажды уже привели Россию к гибели. Ожидать от них чего-либо дельного, по-моему, нельзя.

В это время Семенов развивал свои действия на запад от Маньчжурии, и японцы его поддерживали.

Мое мнение было, что действовать надо по направлению к Владивостоку, а не на запад. Владивосток, как крайний пункт, притом располагающий запасами вооружения, мог служить базой для создания вооруженных сил.

В полосе отчуждения ничего серьезного создать было нельзя. Необходимо было перенести все на русскую территорию, лучше всего на восток. Тогда же Семенов, Таскин и др. объявили себя правительством в Забайкалье, и Семенов отказался признать мое командование.

Правительство Хорвата

— О правительстве Хорвата не могло быть серьезного разговора. Я не политик, но основные положения государственного права помню. Каждое правительство должно иметь собственные: территорию, население, вооруженные силы и средства.

Без соблюдения, хотя бы одного из этих четырех условий, правительства быть не может. Правительство же, созданное вне этих четырех условий, будет не правительством, а только пародией на правительство. В состав такого правительства я никогда не войду.

В полосе отчуждения какое может быть правительство?

Правительство, которое каждый китайский городовой может выселить. Без территории и населения нельзя создавать власть.

---

* Имеется в виду полулегальное правительство автономной Сибири П. Я. Дербера.

Чем должна быть армия

— Армия всегда и везде исполняет чисто военные задачи. Армия это — не только вооруженная сила, независимая от образа правления. Это технический инструмент. Она всегда одна и та же, везде одинакова.

Как оружие (пушка, мортира) не может быть ни республиканским, ни монархическим, так и вооруженная сила. Это только технический инструмент, не более.

Такой мой взгляд на сущность армии. Назначение же ее, ее задача — единственная и настоятельная — борьба с немцами. Только тогда и может существовать правительство, только тогда и можно думать об Учредительном собрании, когда есть вооруженная сила. Только вооруженная сила может обеспечить гражданскую безопасность и обеспечить экономическое существование.

Я говорил Краковецкому*: его попытки создать «революционную армию» — вредная попытка. Они уже развалили одну армию. Создать другую на таких же основаниях нельзя.

Надо создать фронт. И это возможно лишь при содействии союзников. Только они могут дать необходимые войска и технические средства.

Только Япония

— Я считаю, что только Япония может помочь воссозданию нашей боеспособности. Япония играет решающую роль на Дальнем Востоке**. Я так и смотрю. И раз я не могу работать совместно***, — я прекратил работу.

Признаюсь, мне горько, что мое желание работать не встретило сочувствия. Но личных целей я никогда не преследовал и потому устранился.

Власть — местная

— Большевизм в теории — одно, а на практике другое. На практике это моральное разложение и измена. Мы стоим перед фактом ликвидации большевизма. О правительстве сибирском сейчас нельзя говорить: нет территории, нет армии.

---

* А. А. Краковецкий — военный министр Временного сиб. правительства.

** Став Верховным правителем, Колчак критически относился к Японии, вынужденно идя на сотрудничество с ней.

*** Здесь Колчак имеет в виду Хорвата, Семенова и др.

Правомочно только местное самоуправление

— По мере расширения территории должны будут создаваться высшие органы власти и так дойдет до Учредительного собрания.

В настоящее время создание вооруженной силы возможно только при помощи союзников, сначала при их военных частях. При помощи союзников и создании элементарных условий жизни: личной и имущественной безопасности — возможно будет сформировать местные органы самоуправления, которые постепенно выдвинут более широкие государственные институты, например, областные правительства. Тогда русские вооруженные силы могут вступить в их распоряжение и при помощи русских вождей и союзников развертываются в самостоятельные боевые части, имея целью вместе с союзниками создать новый фронт. От исхода борьбы на этом фронте будет зависеть и дальнейшее политическое существование нашей родины.

Под прикрытием фронта, имея обеспеченный тыл, можно будет собрать Сибирскую думу и установить правительство, которое при дальнейшем продвижении фронта на запад будет развиваться до конечной цели: созыв Российского учредительного собрания и установление государственной власти, согласно воле свободного народа.

Б. О. Рисс/ Свободный край. 1918. № 72, 25 (12) сентября.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В связи с происходящими в стране экономическими переменами последний номер «Сибири» прошлого года и первый номер нынешнего выходят с большой задержкой. Мы приносим извинения за доставленное беспокойство и обещаем добиваться регулярного и своевременного выхода нашего журнала.

Редколлегия

Составитель В. К. Козлов
Технический редактор Л. А. Жернова
Художественный редактор
А. Г. Маклыгин
Корректор В. М. Ермакова

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Адрес редакции:
664000, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.
Союз писателей, тел. 24-56-76.

ИБ № 1758
Сдано в набор 2.01.91.
Подписано к печати 9.04.91.
Формат 84×108[1]/32.
Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 11,76.
Усл. кр.-отт. 12,02, Уч.-изд. л. 13,58.
Тираж 12 000 экз. Заказ 1601.
Изд. № 6423.
Цена 1 р. 40 к.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000, Иркутск, ул. Марата, 31. Типография издательства «Восточно-Сибирская правда». 664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109.

1р. 40к.

СИБИРЬ
1 '91

В следующем номере читайте:

Ким БАЛКОВ.
осердие. Роман

Интервью
ШАФАРЕВИЧЕМ

ний КАСАТКИН.
кий светильник

ИНДЕКС 73380